Главное управление идеологической работы Миноблисполкома
Управление образования Миноблисполкома
Главное управление образования, науки и кадров МСХП
Минская областная организационная структура РГОО «БО «Знание»
Белорусский государственный аграрный технический университет

ВКЛАД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Материалы республиканской научно-практической конференции

(Минск, 27 ноября 2009 года)

Минск
БГАТУ
2010

УДК 947.6
ББК 63.3(2)622
В56

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор Э. Г.Иоффе, доктор исторических наук, профессор В.К. Коршук, доктор исторических наук, профессор А.М. Литвин, доктор исторических наук, доцент В.И. Кузьменко, доктор исторических наук, профессор А.В. Шарков, кандидат исторических наук, доцент Е.А. Гребень (ответственный редактор), И.А. Линкин.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор А.Ф. Вишневский.

В56 **Вклад белорусского народа в Великую Победу :** материалы республиканской научно-практической конференции, Минск, 27 ноября 2009 г. / редкол.: Е.А. Гребень (отв. ред.) [и др.] – Минск : БГАТУ, 2010. – 212 с.
ISBN 978-985-519-217-7.

УДК 947.6
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-985-519-217-7

© БГАТУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление первого заместителя председателя правления Минской областной оргструктуры РГОО «БО «Знание» **И.А. Линкина**..................5

Литвин А.М. Вклад белорусского народа в разгром нацистской Германии..................9

Бязлепкін Я.П. "Забытыя бітвы" на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. у гістарыяграфіі ЗША і Вялікабрытаніі..................17

Куксёнок Р.В. Оборонительные бои Западного и Юго-Западного фронтов летом 1941 года: сравнительная характеристика..................20

Новікаў С.Я. Новыя дакументальныя факты ў даследаванні гісторыі абароны Магілёва 1941 г. 24

Тупикин В.А. Рабоче-крестьянская Красная Армия в первых боях на территории Западного особого военного округа в июне 1941 года..................33

Шафоростова Я.А. Великая Отечественная война как противоборство экономических систем..................37

Шмелев И.А. Начало Великой Отечественной войны: мифы и реальность..................40

Гребень Е.А. Попытка создания профсоюзов на территории Беларуси немецкими оккупационными властями (1942–1944 гг.). 43

Докунова Е.Н. Условия содержания советских военнопленных на оккупированных территориях Беларуси (1941–1944 гг.)..................52

Корсак А.І. Вырашэнне «яўрэйскага пытання» на тэрыторыі Генеральнай акругі "Літва"на прыкладзе Відзаўскага гета..................57

Літвін А.М. Прымусовая праца насельніцтва Століншчыны ў гады Вялікай Айчыннай вайны: дакументы і ўспаміны гастарбайтэраў..................60

Масюк В.І. Месца рускай праваслаўнай царквы на палітычнай арэне ў гады Вялікай Айчыннай вайны..................67

Саблин И.В. Взаимодействие органов военного управления с православной церковью в период Великой Отечественной войны на оккупированной территории..................69

Тукала С.М. Айчынныя і замежныя крыніцы па Мінскаму гета: параўнаўчы аналіз..................76

Бездзель В.Я. Выратаванне дзяцей партызанамі і падпольшчыкамі ў гады Вялікай Айчыннай вайны..................84

Дулаў А.М. Гісторыя віцебскага падполля ў працах Н.І. Дарафеенкі..................88

Иоффе Э.Г. Роль руководства НКВД СССР и Главпура РККА в организации партизанского движения в Белоруссии (1941–1942)..................95

Иоффе Э.Г. Участие евреев в брестском антифашистском подполье (1941–1944)..................101

Козел Д.А. Денежное довольствие личного состава партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны..........................111

Коршук У.К. Узаемаадносіны партызан і насельніцтва Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны..........................116

Кубека С.П. Некаторыя аспекты народнага супрацiву ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў адлюстраванні нацыянальнай калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы»..........................122

Максимчик А.Н. Народы Кавказа в партизанском и подпольном движении на территории Беларуси..........................125

Матох В.М. Документы Государственного архива Минской области как источник по истории партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны..........................131

Мороз В.П. Организация оружейных мастерских в партизанских формированиях на территории Беларуси.......................... 137

Нікалаева І.У. Жанчыны ў падпольным руху на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944)..........................142

Кацуро К.И. Органы внутренних дел Беларуси в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 147

Вашаева Т.Н. Гражданственность – интегративное качество личности..........................151

Кирей Н.Д. Военная публицистика Василия Гроссмана..........................156

Савіцкі Г.У. Адлюстраванне тэмы Вялікай Айчыннай вайны ў экспазіцыях ведамасных музеяў г. Віцебска..........................159

Сервачинский И.Ю. О новых подходах современной российской историографии к проблемам кануна и начала Великой Отечественной войны..........................161

Смоляк С.Г. Война 1941–1945 гг. на территории Беларуси: причины и восприятие населением..........................167

Стрелец М.В. Исследование истории Второй мировой войны в публикациях Э.Г. Иоффе..........................172

Тимонова А.В. Освобожденная Беларусь (осень 1943 – весна 1945 гг.): «территория команчей»..........................179

Фролова И.В., Храменкова Л.М. Человек и война в творчестве В. Быкова..........................184

Шарков А.В. Проверочно-фильтрационные учреждения НКВД на территории БССР в 1944–1946 гг. 189

Яковлева Г.Н. Социально-экономические условия и политические настроения в послевоенном белорусском обществе..........................199

Выступление первого заместителя председателя правления Минской областной оргструктуры РГОО «БО «Знание» И.А. ЛИНКИНА

Уважаемые коллеги!

Сегодня Минская областная организационная структура РГОО «БО «Знание», областные отделения Союза писателей и Белорусского союза журналистов при поддержке Минского облисполкома, в рамках патриотической акции «Салют тебе, Великая Победа!» совместно с Белорусским государственным аграрным техническим университетом проводит научно-практическую конференцию на тему: «Вклад белорусского народа в Великую Победу», посвященную 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, с участием ученых Института истории НАН Беларуси, преподавателей вузов, писателей, журналистов, идеологического актива области, ветеранов Великой Отечественной войны, студентов и участников партизанского движения.

Цель конференции:

• *оценить вклад белорусского народа в Победу над фашистской Германией, значение Великой Победы в послевоенном становлении белорусской государственности;*

• *раскрыть историческое значение освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков, правдиво показать роль и место Красной Армии, белорусского народа, партизан и подпольщиков в разгроме третьего рейха;*

• *противодействовать попыткам исказить историческую правду об освободительной борьбе белорусского народа против немецких захватчиков;*

• *обобщить опыт идеологической и воспитательной работы по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи.*

В ходе конференции на основе документальных и архивных материалов мы хотим показать, что, понеся колоссальные потери – в горниле войны погиб каждый третий житель республики, гитлеровцы разрушили 209 городов и региональных центров, 9200 деревень, полностью уничтожено 10000 колхозов и 92 совхоза, 100465 промышленных предприятий, 477 электростанций, 611 вокзалов. Вывезено в Германию и полностью уничтожено все промышленное оборудование.

Белорусы внесли большой вклад в дело разгрома фашизма. Этот вклад объемен и многогранен и складывается из многих составляющих: приграничных боев на заставе Кижеватова, героической обороны Брестской крепости, обороны Могилева, упорных кровопролитных боев на Минщине, о чем красноречиво говорит присвоение вымпелов Президента Республики Беларусь деревне Острошицкий Городок, городам Борисову, Заславлю, Молодечно. Завершающей стратегической операцией стала историческая операция «Багратион», в результате которой наша республика была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков и положено начало освобождения Европы.

Особенно следует отметить партизанское движение, которое охватило практически все население Беларуси, способное носить оружие. Народные мстители не давали оккупантам ни дня покоя –диверсии, разгромы фашистских гарнизонов, целые территории, на которых сохранилась советская власть, грандиозная «рельсовая война» срывала поставки немецкой техники и вооружения вглубь страны, что благоприятно сказывалось на проведении стратегических операций по разгрому противника под Сталинградом, Курском и в операции «Багратион».

Недавно в деревне Станьково Дзержинского района мы провели акцию «Салют тебе, Великая Победа!» на родине Героя Советского Союза Марата Казея, которому в эти дни исполнилось бы 80 лет. Юный пионер-партизан, которому на момент подвига не было и 15 лет, окруженный карателями, расстреляв боеприпас, встал в полный рост и подорвал себя и приближающихся к нему гитлеровцев, предпочел смерть позорному плену. Подвиг юного героя глубоко символичен – он показал, что против поработителей встал весь народ, - от пионера Марата Казея до легендарного деда Талаша. Имея опыт командира партизанского отряда в годы Гражданской войны, за что был награжден орденом Красного Знамени, он находился в партизанском отряде и своим примером вдохновлял молодежь, а в 1943 году деда Талаша отправили в Москву. Он по радио и в печати обращался к белорусскому народу и напутствовал сформированные в Москве и Московской области маршевые роты, направляющиеся на фронт.

Белорусский народ внес свой достойный вклад в Победу, не только сражаясь непосредственно на своей территории. Десятки тысяч белорусов – от рядовых до Маршалов Советского Союза, воевали в рядах Красной Армии непосредственно на фронтах ВОВ, командовали взводами и ротами, батальонами и полками, дивизиями, корпусами и армиями, а также в роли крупных политических и штабных начальников.

В период ВОВ 448 человек, уроженцев Беларуси, за свои подвиги были удостоены высокого звания – Герой Советского Союза. Четверо – этого звания удостоены дважды: И.И. Якубовский, И.И. Гусаковский, С.Ф. Шутов, П.Я. Головачев. 67 белорусов стали полными кавалерами Ордена Славы. Ощутимый вклад в достижение Победы внесли военачальники – уроженцы Беларуси. Достаточно отметить, что в годы войны наши земляки занимали ключевые позиции на фронтах войны. Командующим армией был 21 белорус, в том числе 30 – общевойсковыми, 2 – воздушными и 1 – саперной.

Маршалами Советского Союза стали белорусы В.Д. Соколовский, уроженец Гродненщины, и И.И. Якубовский, уроженец Горецкого района Могилевщины. Высокого звания маршалов родов войск в послевоенный период удостоились: маршал авиации – Красовский Степан Акимович (Быховский р-н, Могилевщина); Пстыго Иван Иванович, выходец из Белоруссии. Маршала артиллерии – Михалкин Владимир Михайлович (Бобруйск).

Семь белорусов в годы Великой Отечественной войны и после ее завершения стали генералами армии - это Антонов Алексей Иннокентьевич (Гродно), Гусаковский Иосиф Ираклиевич (Кричевский р-н, Могилевщина), Ивановский Евгений Филиппович (Чашникский р-н, Витебщина), Ивашутин Петр Иванович (Брест), Маргелов Василий Филиппович (Днепропетровск), Пеньковский Валентин Антонович (Могилев), Шавров Иван Егорович (Витебский р-н). Шести белорусам было присвоено воинское звание генерал-полковник, в том числе уроженцу Минщины Вашкевичу Владимиру Романовичу – родился в м. Зембин Борисовского района.

В годы войны 8 человек наших земляков получили адмиральские звания, а А.Г. Орлов и Г.М. Холостяков стали вице-адмиралами. Среди адмиралов и уроженец д. Шпильки Дзержинского района, который в должности командира дивизиона эсминцев храбро сражался всю войну на Северном фронте и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, потопив немало фашистских надводных кораблей и подлодок.

В анналах истории Великой Отечественной войны есть немало фамилий белорусов, сознательно пожертвовавших собой для достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками. Так, одним из первых огненный наземный таран совершил белорус Николай Францевич Гастелло на шоссе Минск – Радошковичи 26 июля 1941 г. Этот подвиг в годы войны повторило более 600 человек, из них 30 – белорусы.

Два летчика-белоруса повторили подвиг А.П. Маресьева. Майор Иван Михайлович Ершов, удостоенный звания Героя Советского Союза, после ампутации ноги он воевал с протезом. Вторым был летчик Алексей Васильевич Козлов, вернувшийся в небо после ампутации ступней ног. Воздушные тараны на фронтах ВОВ совершили 33 белоруса. 16 белорусов повторили подвиг Александра Матросова. Среди них 18-летний партизан М.А. Белуш, ефрейтор Ф.Б. Куприянов, лейтенант С.П. Анищенко, И.С. Зайцев, И.Г. Бумагин и др.

Вклад белорусских партизан в Великую Победу высоко оценен военными историками:

-уничтожено более полумиллиона гитлеровцев;

-пущено под откос 11128 железнодорожных эшелонов;

-разгромлено 29 ж. д. станций, 948 штабов и гарнизонов, 819 ж. д. мостов, 4 710 других мостов, более 300 000 рельсов, 939 военных складов, 1355 танков и бронемашин;

-уничтожено на аэродромах 305 самолетов;

-выведено из строя 438 орудий разного калибра.

Гитлеровцы для подавления партизанского движения, вплоть до операции «Багратион», держали на нашей территории почти полумиллионную группировку войск, что значительно ослабляло их боевую мощь непосредственно на фронтах, ведущих боевые действия против Красной Армии.

Все это свидетельствует о той большой помощи, которую оказали партизаны республики Красной Армии в завоевании победы над врагом.

Сегодня, в канун Великой Победы, мы отдаем дань глубокого уважения всем павшим на полях сражений, низко склоняем головы перед здравствующими участниками боевых сражений и, конечно же, обращаясь к молодому поколению, призываем их быть достойными продолжателями боевых традиций своих, уже не только отцов и дедов, но и для многих прадедов.

У нас есть что защищать – это наша сильная и процветающая Беларусь.

У нас есть чем защищать – это современная боевая техника, которой оснащены наши Вооруженные Силы, продемонстрировавшие высокий уровень боевой готовности и слаженности на недавно прошедших учениях «Запад-2009».

У нас есть кому защищать – это свободолюбивый белорусский народ, его армия и молодое поколение.

В канун 65-летия Великой Победы активизировалась деятельность всевозможных лжеисториков и «независимых исследователей», пытающихся дискредитировать в целом роль и значение победы советского народа, Коммунистической партии, Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина и полководцев Великой Отечественной войны. Особенно усердствуют наши доморощенные историки. В своих публикациях они распространяют небылицы о всенародной борьбе белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В ход идут самые немыслимые мифы – дескать, действия партизан провоцировали фашистов на карательные операции, они были откровенными мародерами, воспевается «доброта» кровавого гауляйтера Кубе, который якобы заботился о духовном возрождении белорусов. Запускается «утка» о том, что не было подвигов Марата Казея, Константина Заслонова, Николая Гастелло и других белорусских героев.

Одновременно выпячивается роль второго фронта, которому противостояло всего несколько немецких дивизий, открытого только в июне 1944 г., когда исход был практически предопределен в пользу СССР. Большое значение придается американскому лизингу, поставкам продовольствия и т.п.

Все это, безусловно, имело место и сыграло положительную, но не решающую роль в разгроме фашистской Германии. Достаточно только сравнить потери немецких войск при проведении операции «Багратион» – здесь противник потерял 670000 убитыми, ранеными и пленными, уничтожено 2000 танков и 5700 транспортных средств. Потери же союзников при проведении «Оверлорд» составили 113000 убитыми и пленными, еще скромнее потери англичан в Эль-Аламейне – всего 55000.

В то же время т.н. «свядомая» оппозиция в упор не видит грандиозной «рельсовой войны», способствовавшей успеху таких стратегических операций, как Сталинградская и Курская битвы, «Багратион», умалчивает о мужестве и героизме белорусского народа.

Глубоко убежден, что уважаемые докладчики донесут слова правды участникам конференции о вкладе белорусского народа в Великую Победу и дадут отпор этим лжеисторикам и клеветникам.

А.М. ЛИТВИН

ВКЛАД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В РАЗГРОМ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Уважаемый президиум, дорогие ветераны, коллеги, молодежь!

Чем дальше уходят в историю события Второй мировой войны, тем явственнее проявляется масштабность этого воистину эпохального, особого явления всемирного исторического процесса, крупнейшего военного столкновения всех времен. Ни одно из них не втянуло в орбиту ожесточенного сражения такого количества стран и народов, ни одна война не сопровождалась такими гигантскими человеческими и материальными потерями. В войну было втянуто 61 государство с населением 1,7 млрд. человек (80 % населения земного шара). В рядах вооруженных сил находилось 110 млн. чел. Военные действия проходили на территории 40 государств. Война унесла 55 млн. человеческих жизней.

В исторической памяти белорусского народа Вторая мировая война сохранилась как наивысший момент истины, массового героизма, мужества, неисчислимой трагедии, национальной жертвенности, триумфа и единения. Завоеванная в ней победа стала для победителей и для послевоенных поколений жителей республики внутренним ценностным критерием сущности их жизни.

Жертвы, понесенные белорусским народом в результате фашистской агрессии, были поистине неисчислимыми. Никогда в своей истории Беларусь не сталкивалась с таким вызовом судьбы, с реальной угрозой для самого существования не только государственности, но и биологического существования ее народа – и этим страшным обстоятельством также во многом определяется величие общего жертвенного вклада в достижение Победы.

Прежде чем приступить к изложению основных тезисов своего выступления, хотелось бы вкратце остановиться на некоторых моментах, которые, на наш взгляд, помогут лучше осознать те процессы, которые происходили в Беларуси в годы минувшей войны, и то, как оценивает их современная Беларусь.

Впервые интерес к Беларуси как объекту внешнеполитической деятельности возник в период первой мировой войны. Именно тогда появился «белорусский вопрос» как международная проблема. Белорусская государственность возрождалась сначала в форме БНР, а затем БССР и Литовско-Белорусской советской республики (Литбела). Рижский мирный договор разделил территорию Беларуси. Возникла реальная угроза потери не только территориальной целостности, но и ростков зарождавшейся государственности.

В 20-е годы восточная часть Беларуси в форме БССР стала составной частью СССР. И хотя ее международные контакты фактически отсутствовали, процесс государственного строительства продолжался.

Проводимая в 20-е годы в СССР политика коренизации (белорусизация), культурная революция, индустриализация и коллективизация, привлечение к активной деятельности в партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организациях местного населения, особенно молодежи, безусловно, способствовало росту национального самосознания, патриотического духа в обществе.

На территории Западной Беларуси имелись свои особенности, обусловленные социальной и этноконфессиональной политикой руководства предвоенной Польши, что создавало угрозу потери для белорусского населения своей национальной идентичности и вело к усилению его протестных настроений.

Во второй раз геополитическая активность вокруг Беларуси возникла в конце 30-х – первой половине 40-х годов. В 1939–1944 гг. Беларусь выступала как объект внешней и военной политики двух наиболее активных и могущественных государств Европы – СССР и Германии, при неослабевающем интересе к ней со стороны Польши. Ситуация в Беларуси, как известно, была в сфере внимания и могущественных союзников СССР по антигитлеровской коалиции: Англии и США, в 1944 г. Тот факт, что западные страны признали БССР как одного из организаторов Организации Объединенных Наций, является как свидетельством международного признания вклада Беларуси в общую Победу антигитлеровской коалиции, так и следствием мощных геополитических и государственно образующих процессов, происходивших в мире в ходе Второй мировой войны и после ее окончания.

В третий раз Беларусь привлекла к себе внимание в начале 1990-х годов после объявления независимости и создания Республики Беларусь.

Сегодня мы со всей ответственностью осознаем, что на этом научном форуме перед нами стоит очень сложная и ответственная задача – в коротком выступлении показать вклад народа Беларуси в разгром нацистской Германии. Нисколько не умаляя роли и значения других народов и государств, мы имеем все основания констатировать, что белорусский народ занимает достойное место в почетном списке народов, которые внесли свой вклад в победу.

С первого и до последнего дня войны белорусы вели вооруженную борьбу, боролись, защищая территорию своего государства, сражались в условиях оккупации на территории своей страны и за ее пределами, выполняли ратный долг в Вооруженных Силах СССР, в том числе представители белорусского народа были и в формированиях союзников.

Следует отметить, что война для населения почти половины Беларуси началась 1 сентября 1939 г. В польской армии накануне войны проходили обязательную военную службу более 10 тыс. чел. – жителей Западной Беларуси. Не менее 100 тыс. чел. было призвано в польскую армию в процессе мобилизации. С территории Беларуси на запад Польши в полном составе были направлены 3-й (штаб – Гродно) и 9-й (штаб – Брест) окружные корпуса, в составе 7 пехотных дивизий (19 пп и 7 артполков), 2 резервные пд.

4 кавалерийские бригады. Все они были влючены в состав оперативной группы «Нарев». Кроме того, на территории Западной Беларуси из числа местных резервистов были сформированы и направлены в состав оперативных групп «Вышков», «Нарев» армию «Пруссы», на западный фронт части 6 неукомплектованных до конца дивизий и 16 батальонов Корпуса охраны пограничья.

Белорусы мужественно сражались, защищая Гдыню, Варшаву, Брест и Брестскую крепость (известно, что среди солдат 82 пех. полка 10 дней оборонявших один из фортов крепости, большинство были белорусы и украинцы).

С первых дней Великой Отечественной войны территория республики превратилась в арену жестокого противостояния немецких войск и Красной Армии. Именно здесь находилось острие главного удара гитлеровской военной машины, нацеленное на Москву. И именно с первых дней нацистской агрессии ярко проявился массовый патриотизм населения Беларуси. Оказавшись в зоне военных действий, большинство населения активно выступило на защиту Родины. Это выражалось в активном участии в мобилизационных и эвакуационных мероприятиях, участии в создании и деятельности истребительных батальонов, отрядов народного ополчения, а также первых партизанских групп и отрядов в тылу врага.

Необходимо отметить, что перед началом Великой Отечественной войны примерно 100 тыс. наших земляков служили в Вооруженных Силах СССР, в том числе и в частях и соединениях западных военных округов. С началом Великой Отечественной войны, по официальным данным, на территории Беларуси было призвано по мобилизации в Красную Армию 500 тысяч человек. В период с начала освобождения Беларуси (осень 1943 по май 1945) в Вооруженные Силы влилось еще более 700 тыс. жителей Беларуси.

Таким образом, в Вооруженных Силах СССР сражалось более 1 млн. 300 тыс. белорусов и уроженцев Беларуси как рядовыми бойцами, так и на командных постах различного уровня. Всего на фронтах Великой Отечественной войны воевало около 400 генералов и адмиралов из числа уроженцев Беларуси. 21 из них командовал армиями, около 50 – различными корпусами и свыше 100 наших земляков командовали дивизиями. Свыше 100 генералов и адмиралов – уроженцев Беларуси, за умелое руководство войсками в сражениях и личное мужество удостоены полководческих орденов Суворова, Кутузова, Б.Хмельницкого, Ушакова и Нахимова, а 63 генерала-белоруса стали Героями Советского Союза. Многие из них в послевоенный период стали видными военачальниками. Среди них следует прежде всего назвать Маршалов Советского Союза В.Д. Соколовского, И.И. Якубовского, генералов армии А.И. Антонова, И.И. Гусаковского, В.А. Пеньковского, П.И. Ивашутина, В.Ф. Маргелова, И.Е. Шаврова, маршалов авиации С.А. Красовского, И.И. Пстыго.

Наши земляки сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны, проявляя при этом мужество и героизм, а также высокую воинскую подготовку. Следует отметить, что среди офицерского, сержантского и рядового состава Советских Вооруженных Сил они занимали третье место, после русских и украинцев. Так, среди офицеров Военно-Воздушных Сил к концу 1943 г., помимо русских, составляющих основную часть, служило: украинцев – более 28 тыс., белорусов – более 5 тыс., более 1 тыс. армян, около 1 тыс. татар, 800 грузин, 400 чувашей, 300 мордвинов, 25 осетин и т.д.

Среди офицеров бронетанковых войск, кроме русских, находилось: украинцев – более 4 тыс., белорусов – более 2,5 тыс., 830 татар, 270 грузин, 270 мордвинов, 250 чувашей, 136 казахов, 106 азербайджанцев, 109 башкир, 103 осетина, 75 узбеков и т.д.

Интернациональный состав отдельных воинских частей, соединений и объединений также отражал общенародное единство. Так, национальный состав воинов 200 стрелковых дивизий, насчитывающих более 1 млн. человек в период 1943–1944 гг., характеризуется, по подсчетам А.Артемьева, следующими данными: русские – до 65 %, украинцы – до 12 % в 1943 и до 22 % в 1944 году, белорусы – до 3 %.

Доля узбеков, казахов, татар, грузин, армян, азербайджанцев составляла от 1,5 до 2,5 % (по каждой из указанных наций). Евреи, мордва, эстонцы, чуваши, составляли (каждая нация) около 1–1, 5%. Доля каждой из остальных наций и народностей была ниже одного процента.

Как видим, белорусы по количеству и в процентном отношении занимали примерно третье место. Хотя и могли быть незначительные отклонения. Так, на 17 июля 1944 г. в соединениях 2-го Украинского фронта, кроме сотен тысяч русских воинов, воевали 237217 украинцев, 9806 молдаван, 7257 татар, 5440 белорусов, 4470 казахов, 4333 армянина, 2196 чувашей, 1360 башкир, 911 киргизов, 877 таджиков, 788 туркменов, 341 бурят и немало представителей других национальностей.

Вклад белорусского народа в решающие битвы на фронтах войны отмечен наградами Родины. Свыше 300 тысяч солдат и офицеров – уроженцев Беларуси, получили ордена и медали. 441 воин удостоен звания Героя Советского Союза, а четверым (летчик П.Я. Головачев, командиры танковых соединений И.И. Гусаковский, С.Ф. Шутов, И.И. Якубовский) это звание присвоено дважды. 65 уроженцев Беларуси стали полными кавалерами ордена Славы. Среди белорусских партизан, в составе которых представители многих национальностей, 140 тыс. награждены орденами и медалями, 88 удостоены звания Героя Советского Союза. Белорусы среди партизан на территории республики составляли 71,1 %.

Следующий блок вопросов нашей темы – вклад партизан и подпольщиков Беларуси в приближение Победы.

Три неимоверно долгих года длилась вражеская оккупация территории Беларуси. И все эти бесконечные дни и ночи на ее территории полыхало пламя

праведного всенародного гнева, пламя партизанской войны. Воистину неоценим вклад партизан и подпольщиков, мирного населения в общую копилку Великой Победы.

В жестоких условиях германского оккупационного режима, проводимой политики террора и геноцида, возникшей реальной угрозой уничтожения - главным движущим мотивом огромного количества населения стала непримиримая борьба с агрессором, которая по существу была борьбой за выживание и сохранение биологического потенциала народа. О том, что существовал зловещий план «Ост», мир документально узнал во время Нюрнбергского трибунала, а народ Беларуси разгадал его суть уже с первых дней войны.

Всенародная партизанская война, развернувшаяся с первых дней оккупации на захваченной врагом белорусской земле, объединила в своих рядах выходцев из всех слоев населения, а также представителей многих народов Советского Союза и зарубежных антифашистов, которые по разным причинам оказались на белорусской земле.

Армия партизан и подпольщиков включала более 440 тыс. чел. (374 тыс. партизан + 70 тыс. подпольщиков), их поддерживал невооруженный резерв, насчитывающий около 440 тыс. чел. Учитывая, что у каждого партизана и партизанки были родители, братья и сестры, общее число можно увеличить в 2–3 раза.

По существу, на территории Беларуси в годы войны действовал второй фронт, который отвлекал для борьбы с ним значительные вооруженные силы Германии. В 1943–1944 гг. партизаны Беларуси удерживали под своим контролем почти 60 процентов общей площади БССР.

Гитлеровцы вынуждены были отвлекать для борьбы с партизанами Беларуси огромные силы – от 150 до 350 тыс. чел. охранных и регулярных войск, полицейские формирования.

Применяя все доступные им средства и формы борьбы, партизаны и подпольщики наносили гитлеровским оккупантам и германской военной машине огромный ущерб. Они срывали военно-экономические мероприятия: организовывали массовый саботаж на предприятиях, порчу машин и продукции, осуществляли диверсионные акты на заводах и фабриках, коммуникациях противника, оказывали помощь действующей армии развединформацией и многое другое. По своим масштабам, политическим и военным результатам народная война на территории Беларуси приобрела стратегическое значение и превратилась в один из решающих факторов разгрома врага.

Белорусские партизаны с честью выполнили задачи, поставленные перед ними Родиной. За три года героической борьбы в тылу врага они убили и ранили около полумиллиона вражеских оккупантов и их пособников, пустили под откос 11128 эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 ж-д станций, 948 штабов и гарнизонов врага, вывели из строя 18700 автомашин, взорвали более

300 тыс. рельсов, взорвали и сожгли 819 ж-д, 4710 других мостов, сбили и сожгли на аэродромах 306 самолетов, подбили 1355 танков и бронемашин, взяли в качестве трофеев 85 орудий, 278 минометов, 1874 пулемета, 20917 винтовок и автоматов.

За героизм и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских оккупантов в тылу врага, около 140 тыс. белорусских партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями СССР, 88 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Неслучайно поэтому БССР получила неофициальное прозвище – «республика-партизанка». Героическая Брестская крепость, огненная Хатынь, республика–партизанка – признанные неофициальные символы Беларуси в мире.

Вклад Беларуси в Победу в определенной степени характеризуют и такие показатели, как количество награжденных высшими наградами, орденами и медалями СССР и других стран. Газета «Правда» 21 декабря 1944 г. привела данные о награждении боевыми наградами и медалями представителей 172 национальностей и народностей СССР. Среди них на тот период было: 2183326 русских, 441806 украинцев, 111253 белоруса, 59500 татар, 59003 еврея, 34342 казаха, 24856 армян, 24185 узбеков, 19337 башкир и многие тысячи воинов других народов. За весь период войны звание Героя Советского Союза было присвоено 11525 воинам и партизанам. Среди награжденных представители 195 национальностей и народностей.

Нельзя не сказать также про вклад в победу, внесенный на трудовом фронте в советском тылу эвакуированным почти полутораиллионным белорусским населением. Его неутомимым трудом в короткий срок стали давать продукцию эвакуированные на восток предприятия.

Наряду с военными усилиями важное значение для фронта, снабжения Красной Армии имели экономические усилия БССР: быстрая организация работы тыла – ввод в строй промышленных предприятий и расширение сельскохозяйственного производства, восстановление путей сообщения, обеспечение порядка и безопасности на освобожденной территории.

Весьма болезненным вопросом является проблема потерь в годы войны. В годы минувшей войны огненный смерч войны, разрушений и смерти пронесся по территории Беларуси дважды – летом 1941 г. и в такое же время 1944 г., когда здесь проходило острие главного удара наступающих войск. Кроме того, начиная с осени 1943 г. – по июнь 1944 г., по территории Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей проходила линия фронта. За этот период было проведено около 20 боевых операций. Только потери войск Западного фронта за период с октября 1943 по апрель 1944 г. составили здесь убитыми и ранеными 330587 чел. Большие потери понесла Красная Армия и в процессе операции «Багратион», когда во время осуществления первого и второго ее этапов (23.06.1944 – 4.07.1944, 5.07–29.07.1944 г) была полностью освобождена территория Беларуси. В этот период безвозвратные потери

советских войск составили 178507 чел. (в среднем в сутки погибало более 2600 чел.). Получили ранения, выбыли из строя по болезни 587308 человек, многие из них потом вернулись в строй. На белорусской земле не счесть братских могил, в которых вечным сном спят сотни тысяч советских воинов.

За годы войны гитлеровские захватчики нанесли народному хозяйству БССР колоссальный ущерб. Они разрушили и сожгли 209 из 270 городов и поселков городского типа, уничтожили 10773 тыс. (80 %) квадратных метров жилого фонда городов и райцентров. Минск, Гомель, Витебск были разрушены на 80–90 %. Огромный ущерб был нанесен и другим городам. Оккупанты сожгли свыше 9,2 тыс. деревень. 619 деревень было сожжено вместе с жителями. В деревнях было уничтожено более 1200 тыс. строений. В городах и деревнях без крова осталось около 3 млн. чел. Многие районы республики – Освейский, Чаусский, Бегомльский, Кличевский, Лельчицкий и др. – были почти полностью разрушены. Огромнейший ущерб был нанесен сельскому хозяйству. Было полностью разрушено 10 тыс. колхозов и 92 совхоза. Посевная площадь в 1944 г. сократилась в сравнении с 1940 на 43 %. Более 1 млн. гектаров земли заросло кустарником и пустозельем. Было уничтожено общественное животноводство, птицеводство и пчеловодство колхозов и совхозов, государственные племстанции, госконюшни и инкубаторные станции. Полностью уничтожены МТС, мелиоративные сооружения. Ко времени освобождения на территории Беларуси сохранилось от довоенной численности 31 % КРС, 11 % свиней, 22 % овец и коз, 39 % лошадей. Более 60 % крестьян не имели своей живности.

Однако самыми страшными были человеческие потери. Война забрала миллионы жизней жителей Беларуси. К сожалению, до настоящего времени является открытым вопрос: сколько жителей Беларуси погибло в этой войне. Долгое время считалось, что на территории Беларуси было уничтожено гитлеровцами 2219316 чел. Отсюда считалось, что погиб каждый четвертый житель республики. Однако эта цифра включает в себя только два начала: 1409225 чел. мирных жителей и 810091 военнопленных. Сюда не были включены более 399 тыс. чел. насильно вывезенных на принудительные работы в Германию (более 275 тыс. из них не вернулись домой), а также тех, кто погиб, сражаясь на фронтах, во вражеском тылу и умер в эвакуации. Известно, что более 1,3 млн. жителей Беларуси сражалось на фронтах войны. Из них погибло, по официальным данным, 330 тыс. чел.

Таким образом, цифра погибших будет слагаться из тех, кто был уничтожен гитлеровцами, – 1409225 +170000 (не вернувшихся из Германии) +40 тыс. партизан +330 тыс. фронтовиков + 320 тыс. военнопленных. Что составляет примерно – 2 млн. 269 тыс. чел.

По данным на 21 июня 1941 г., на территории Беларуси (в нынешних границах) насчитывалось 9,2 млн. жителей. К концу 1944 г. их осталось только 6,3 млн. чел. Таким образом, население уменьшилось на 2,9 млн. чел., или на 32 %. Но к этому времени не вернулись домой вывезенные гитлеровцами на

принудительные работы жители Беларуси, а также призванные в Красную Армию. Тем не менее, потери населения Беларуси в процентном отношении являются самыми большими из всех стран, принимавших участие в войне.

Именно жертвы, принесенные народом Беларуси на алтарь Победы, место и роль территории и самих белорусов в минувшей войне, а также те процессы, которые проходили здесь в годы ВОВ, определяли и будут в дальнейшем определять интерес к истории Беларуси периода Второй мировой войны, как в республике, так и за ее пределами.

И еще на один вопрос хотелось обратить внимание. Это вопрос Памяти о минувшей войне. Полагаю, что большим вкладом Беларуси в победу следует считать сохранение исторической памяти о минувшей войне. Эта работа началась уже в годы войны и продолжается до настоящего времени. Причем, что очень важно, ей придан новый качественный импульс именно в последние годы, благодаря заботе и вниманию руководства страны.

Необходимо отметить, что за послевоенный период проделана значительная работа по освещению событий, которые происходили на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. За этот период в отечественной и зарубежной историографии было опубликовано свыше 10,1 тыс. работ, в которых освещаются различные стороны истории Беларуси военного времени. Главным образом, это относится к освещению боевых действий частей Красной Армии на территории Беларуси во время оборонительных боев 1941 г. и наступательных операций по освобождению Беларуси 1943–1944 гг. Широкий круг вопросов касается создания и деятельности на территории Беларуси партизанских формирований, их организационной структуры, зарождения и деятельности партийного, комсомольского, подпольного движения и др.

Даже такой краткий обзор опубликованной литературы позволяет со всей определенностью констатировать, что за послевоенный период проделана колоссальнейшая работа по освещению исторических событий и фактов, научному осмыслению ряда различных проблем истории Беларуси довоенного и военного периодов. В республике делается все возможное для сохранения памяти обо всех, кто отдал свои жизни за наше будущее. Уже выпущено 146 томов книг серии «Память». Книги «Память» – это сбор уникальной и обоснованной информации по каждому городу и населенному пункту. Основное место в них отведено XX столетию, особенно событиям Великой Отечественной войны.

Время неумолимо, оно развивается по своим законам. Его невозможно ни остановить, ни тем более вернуть. Единственный механизм, который дает нам возможность соприкасаться с тем, что было, – это наша Память! И чем она прочнее, тем дольше будут реально жить подвиги и люди, их совершившие. То, что в этом зале присутствует молодежь, что она интересуется проблемами минувшей войны, хранит и приумножает традиции старших поколений, говорит о том, что Память о подвиге народа будет действительно жить в веках.

РАЗДЕЛ 1. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Я.П. БЯЗЛЕПКІН

"ЗАБЫТЫЯ БІТВЫ" НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ЛЕТАМ 1941 г. У ГІСТАРЫЯГРАФІІ ЗША І ВЯЛІКАБРЫТАНІІ

У "Часопісе славянскіх ваенных даследаванняў" у 1999 г. быў апублікаваны артыкул амерыканскага ваеннага гісторыка, рэдактара гэтага выдання Д. Глэнца пад назвай "Забытыя бітвы германа-савецкай вайны (1941-45), частка І" [1]. Упершыню ў гістарыяграфіі ЗША была зроблена спроба паглядзець на аперацыю "Барбароса" у больш шырокім кантэксце – ад агульнага аналізу гэтай аперацыі ў працах заходніх гісторыкаў да "забытых" баёў на савецка-германскім фронце ўлетку 1941 г., выкарыстоўваючы раней недаступныя савецкія архіўныя матэрыялы (загады Стаўкі, дырэктывы і і інш.).

На думку амерыканскага аўтара, заходнія гісторыкі аналізавалі аперацыю "Барбароса" у шырокім кантэксце, звяртаючы ўвагу на найбольш значныя і драматычныя падзеі. "Хаця паміж сабой яны (заходнія гісторыкі – заўвага **Я.Б.**) спрачаліся наконт матываў, наступстваў, храналагічных межаў і мэт кожнай стадыі гэтай аперацыі, аднак яны перабольшвалі знешнюю маналітнасць і няўмольны характар наступу" [1, 151]. Галоўную ролю ў гэтым адыграў недахоп савецкіх крыніц. На думку Д. Глэнца, заходнія гісторыкі пастуліравалі некалькі асноўных прычын, якія перашкодзілі выкананню далёкасяжных стратэгічных планаў аперацыі "Барбароса", сярод іх былі названы наступныя:

-недахоп стратэгічнага мыслення ў Гітлера, што прывяло да няздольнасці выпрацаваць і потым рэалізаваць рэалістычныя стратэгічныя планы, а таксама нятрываласць кансультацый з вышэйшым камандаваннем па падрыхтоўцы аперацый для дасягнення гэтых мэт;

-недаацэнка Гітлерам і вышэйшым камандаваннем неабсяжных рускіх прастораў, бязлітаснасці рускай зімы, прыкладання велізарных лагістычных намаганняў для правядзення аперацый;

-недаацэнка сілы і жыццяздольнасці Чырвонай Арміі, бальшавіцкага рэжыму і савецкага насельніцтва ў цэлым [1, 151–152].

Савецкія гісторыкі, як мяркуе Д. Глэнц, таксама пазбягалі магчымага пашырэння кантэксту аперацыі "Барбароса", паколькі гэта было звязана з няўдачамі Чырвонай Арміі і Камуністычнай партыі па арганізацыі надзейнай абароны ў 1941 г., у сваю чаргу "палітычна карэктныя" тэмы ўключалі ў сябе "гераічную абарону Брэсцкага і Магілёўскага гарнізонаў, Адэсы і Севастопаля і інш" [1, 152]. Недахопам навуковых прац савецкіх даследчыкаў амерыканскі гісторык называе тое, што ў іх не прадстаўлены некаторыя аперацыі Чырвонай Арміі, а таксама слаба паказаны маштаб савецкіх намаганняў па спыненню аперацыі "Барбароса" [1, 152].

Учреждение образования

Найбольш яскрава эвалюцыю гістарыяграфіі ЗША і Вялікабрытаніі па даследаванні баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. можна прасачыць на прыкладзе аналізу абароны Магілёва ў ліпені 1941 г.

У якасці прыкладаў мы ўзялі англамоўныя працы, якія выходзілі ў 1965-2006 гг. : кнігі *А.Кларка* "Барбароса. Руска-германскі канфлікт, 1941-1945" (1965 г.) [2], *А. Сітана* "Руска-германская вайна 1941–1945" (1971) [3], *Д. Глэнца* і *Дж. Хауса* "Калі сутыкнуліся тытаны. Як Чырвоная Армія спыніла Гітлера" (1995 г.) [4], *Д. Глэнца* "Барбароса. Гітлераўскае ўварванне ў Расію, 1941" (2001 г.) [5], *Дж. Мэгарджы* "Вайна на вынішчэнне. Бітвы і генацыд на Усходнім фронце, 1941" (2006 г.) [6].

У 1965 г. англійскі ваенны гісторык А. Кларк, апісваючы падзеі каля Магілёва, пісаў: "17-й танкавай і 10-й матарызаванай (так у арыгінале – заўвага **Я.Б.**) было загадана ўстрымацца ад сутыкненняў, але трымаць ворага ў поле зроку. Планы Гудэрыяна былі ў чарговы раз адкладзены пасля цяжкага паражэння SS "Das Reich" падчас спробы захапіць масты каля Магілёва – у самым цэнтры фронта танкавай групы, але нават гэта не здолела ўстрымаць Гудэрыяна. Знайшоўшы слабыя месцы каля Копысі і Шклова, ён падрыхтаваўся да фарсіравання ракі абодвума – 47-м і 46-м – танкавымі карпусамі" [2, 73].

Праз 6 гадоў, у 1971 г., англійскі ваенны гісторык А. Сітан пісаў: "На паўднёвым флангу 2-я танкавая група Гудэрыяна, якая ўжо знаходзілася каля Дняпра, фарсіравала раку 10 і 11 ліпеня, заняла плацдарм (у арыгінале выкарыстана фраза "Guderian's 2 Panzer Group ... *secured bridgeheads*", якая можа перакладацца як "*...забяспечыла бяспеку плацдарма*" ці "падрыхтавала плацдарм для далейшага наступу" – заўвага **Я.Б.**) на поўдзень ад Оршы і на поўнач ад Новага Быхава, пачала хутка прасоўвацца на ўсход у накірунку Смаленска і Крычава ... акружыла 4 стралковыя дывізіі і часткова 20-ты механізаваны корпус каля Магілёва..." [3, 129].

Працы, якія былі апублікаваны ў 1990-я гг., утрымлівалі больш інфармацыі пра абарону Магілёва. Вось як, напрыклад, апісвалі падзеі каля Магілёва амерыканскія даследчыкі *Д. Глэнц* і *Дж. Хаус*: "Сапраўдная барацьба пачалася 10-11 ліпеня, калі 2-я танкавая група Гудэрыяна фарсіравала Дняпро, каб распачаць наступную фазу аперацыі. У якасці апанента Гудэрыяна выступала 13-я армія, якая паспела выслізнуць з "мінскага катла". 13-я армія *ўключала толькі 4 слабыя стралковыя* дывізіі, не мела цяжкага ўзбраення і аказвала нязначнае супраціўленне. На 13 ліпеня 46-ты танкавы корпус Гудэрыяна прайшоў на поўнач ад Магілёва, а яго 24-ы танкавы корпус прайшоў на поўдзень, акружыўшы 61-ы стралковы і 20-ты механізаваны карпусы 13-й арміі ў Магілёве. Гэтыя карпусы працягвалі супраціўляцца яшчэ на працягу двух тыдняў (да 26 ліпеня), але супраціўленне не спыніла германскага наступу (даслоўна "the German exploitation" перакладаецца як "германская эксплуатацыя" ці "германская распрацоўка"– заўвага **Я.Б.**)" [4]. Застаецца незразумелым, чаму амерыканскія даследчыкі супраціўленне карпусоў 13-й арміі на працягу *4-х тыдняў* называюць "*нязначным*".

У 2001 г. у працы “Барбароса. Гітлераўскае ўварванне ў Расію, 1941” *Д. Глэнц* амаль цалкам паўтарыў абзац з папярэдняга даследавання, прысвечанага абароне Магілёва. Курсівам вылучаны кавалкі тэксту, якія адрозніваюцца: “Бітва *за Смаленск* пачалася 10 ліпеня, калі 2-я танкавая група Гудэрыяна фарсіравала Дняпро, *раскалола 13-ю армію, рэшткі якой* толькі выслізнулі з “мінскага катла”, і *накіравалася на ўсход у накірунку Смаленска. Маючы* толькі 4 недаўкамплектаваныя стралковыя дывізіі без цяжкага ўзбраення, 13-я армія, *цяпер пад камандаваннем генерал-лейтэнанта Ф.Рэмезава*, аказвала нязначнае супраціўленне. На 13 ліпеня 46-ы танкавы корпус Гудэрыяна абыйшоў Магілёў з поўначы, а яго 24-ы танкавы корпус абыйшоў горад з поўдня, акружыўшы 61-ы стралковы і 20-ты механізаваны карпусы 13-й арміі ў Магілёве *на заходнім беразе ракі. Хаця два асаджаных карпусы моцна* супраціўляліся на працягу яшчэ двух тыдняў (да 26 ліпеня), *іх намаганні не здолелі* спыніць наступ *Гудэрыяна*” [5, 78–79].

Параўнанне гэтых двух урыўкаў паказвае, што іх аўтары разглядаюць баявыя дзеянні на працягу 4-х тыдняў, што пацвярджаецца фразай “супраціўляліся на працягу яшчэ двух тыдняў (да 26 ліпеня)”. Выклікае здзіўленне супярэчлівасць фармулёвак. Калі 13-я армія аказвала нязначнае супраціўленне, чаму вермахт змог узяць Магілёў толькі 26 ліпеня? Звяртае на сябе ўвагу і *поўная адсутнасць лічбаў* з нямецкага і савецкага бакоў.

Амерыканскі гісторык Дж. Мэгарджы быў яшчэ больш лаканічны, “аналізуючы” гэтыя падзеі: “2-я танкавая група сустрэла моцнае супраціўленне ў паўночнай частцы сваёй зоны; яна ўзяла Рагачоў 5 ліпеня, але была няздольна ўзяць Оршу ці Магілёў. 11 ліпеня абедзве групы (маюцца на ўвазе 2-я і 3-я танкавыя групы вермахта – заўвага **Я.Б.**) аднавілі наступ, але на гэты раз, верагодна, з іншымі мэтамі (фраза ў арыгінале “*divergent goals*” не мае поўнага адпаведніка ў беларускай мове, на рускай мове перакладаецца як “расходящиеся цели / задачи” альбо “отклоняющиеся цели / задачи” – заўвага **Я.Б.**)” [6, 54].

Прыведзеныя прыклады яскрава паказваюць слабыя месцы ў працах англійскіх і амерыканскіх гісторыкаў па франтавых баявых дзеяннях летам 1941 г. на тэрыторыі Беларусі: адсутнасць лічбаў страт як нямецкага, так і савецкага бакоў; недастатковае падмацаванне архіўнымі матэрыяламі, а ў выпадку з даследаваннем абароны Магілёва – увогуле слабае; адсутнасць спасылак на працы беларускіх гісторыкаў; неадпаведнасць фармулёвак сутнасці падзей (напрыклад, слабае супраціўленне не магло прыпыніць наступ вермахта на некалькі тыдняў і інш.).

Нагадаем, што ў папярэднія дзесяцігоддзі праца замежных даследчыкаў ускладнялася адсутнасцю савецкіх архіўных дакументаў, падобная праблема існавала і ў дачыненні да нямецкіх трафейных матэрыялаў. “Архіўная рэвалюцыя”, якая адбылася ў 1990-х гг., значна пашырыла магчымасці заходніх гісторыкаў, паколькі ў навуковы ўжытак быў уведзены вялізны корпус раней засакрэчаных савецкіх і нямецкіх дакументаў. Але аналіз сучасных англамоўных прац паказвае, што гэта, на жаль, не паспрыяла больш глыбокаму

даследаванню франтавых баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. у цэлым і абароны Магілёва ў ліпені 1941 г. у прыватнасці.

1. Glantz, D.M. Forgotten battles of the German-Soviet War (1941-45), Part I / D.M. Glantz // The Journal of Slavic Military Studies. – Vol. 62. – No. 3 (December 1999). – PP. 149–197.

2. Clark, A. Barbarossa. The Russian-German conflict, 1941-1945 / A. Clark. – New-York : William Morrow and Company, 1965. – 468 p.

3. Seaton, A. The Russo-German War 1941-1945 / A. Seaton. – London : Arthur Barker Limited, 1971. – 628 p.

4. AvaxHome [Электронны рэсурс] / AvaxHome. – 2009. – Рэжым доступу: http://avaxhome.ws/ebooks/history_military/When.Titans.Clashed.html. Дата доступу: 08.03.2009.

5. Glantz, D. Barbarossa. Hitler Invasion in Russia, 1941 / D. Glantz – Brimscombe Port : Tempus Publishing Ltd, 2001. – 256 p.

6. Megargee, G. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941 / G. Megargee. – Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. – 176 p.

Р.В. КУКСЁНОК

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ ЗАПАДНОГО И ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ ЛЕТОМ 1941 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Как известно, первые месяцы войны сложились неудачно для Красной Армии. Советские войска были отброшены от границы, понесли большие потери в личном составе и технике. Немцам удалось глубоко вклиниться вглубь советской территории: уже к середине июля оказались захвачены значительная часть территории Беларуси, Правобережной Украины, Прибалтики.

Цель работы – путем сравнения сопоставить ход, развитие и итоги обороны территории Беларуси и Украины советскими войсками в первые месяцы Великой Отечественной войны. Речь идет о двух оборонительных операциях – Белорусской стратегической оборонительной операции (22 июня – 9 июля 1941 г.) и Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операции (22 июня – 6 июля 1941 г.).

Прежде всего, нужно отметить цели, которые руководство нацистской Германии ставило перед своими войсками накануне агрессии. И здесь нужно отметить, что свой главный удар командование вермахта планировало именно в Беларуси, на территории дислокации Западного особого военного округа. Согласно плану «Барбаросса» направление главного удара должно было быть подготовлено севернее Припятских болот, где следовало сосредоточить две группы армий. Южной из этих групп (ГА «Центр») поручалось, наступая особо

сильными моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее её, «раздробить силы противника в Белоруссии». После этого следовало совместно с ГА «Север» провести уничтожение советских войск в Прибалтике и только потом приступить к захвату Москвы. Группа армий «Юг» имела общей задачей уничтожение советских войск в Галиции и на Западной Украине к западу от реки Днепр и своевременный захват переправ на Днепре в районе Киева и южнее [1, с. 87].Таким образом, Западному особому военному округу предстояло сдержать удар самой мощной из трех групп армий, сосредоточенных немцами у границы с Советским Союзом.

Что касается расположения Красной Армии, то наиболее мощную группировку советское командование имело в Киевском особом военном округе. Отсюда достаточно отчетливо просматривается мнение советского Генштаба, что Гитлер будет наносить главный удар с юго-запада с целью овладения Украиной, ее богатым промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. В состав округа накануне войны входили 5, 6, 26 и 12-я армии, 4, 8, 9, 15, 16, 22 и 24-й механизированные корпуса. Всего в нем насчитывалось 58 дивизий, в том числе 16 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских. Впечатляющим выглядел танковый кулак округа – 3620 танков. 1-я танковая армия группы армий «Юг» имела в своем составе от 675 до 728 танков (по разным данным). Западный особый военный округ насчитывал в своем составе 44 дивизии (стрелковых – 24, кавалерийских – 2, танковых – 12, моторизованных – 6) [2, с. 4–5]. В его состав входили 3, 4, 10 и 13-я армии (*последняя имела лишь полевое управление*), 6, 11, 14, 17 и 20-й механизированные корпуса. Многие танковые и моторизованные дивизии, как в Киевском, так и в Западном округах, находились на стадии формирования. Нужно выделить неудобное со стратегической точки зрения расположение войск Западного особого военного округа. Основные силы первого эшелона округа (из 26 дивизий 19, в том числе все танковые) размещались в так называемом белостокском выступе. Такая конфигурация создавала угрозу удара под основание выступа с целью окружить и разгромить находящиеся в нем войска, что и подтвердили события начала войны.

Если перейти к непосредственному анализу хода развития боевых действий, то можно отметить, что ситуация на Юго-Западном фронте в целом развивалась более оптимистично, чем в Беларуси, в полосе обороны Западного фронта. Как уже отмечалось, свой главный удар немцы наносили именно на территории нашей страны. Концентрированными ударами в районе Бреста и на стыке Северо-Западного и Западного фронтов немцам уже в первые дни удалось глубоко вклиниться в оборону наших войск. О силе удара гитлеровцев на брестском направлении свидетельствует хотя бы тот факт, что 4-я армия, оборонявшая этот район, к 25 июля фактически оказалась разгромлена и вела бои разрозненными боевыми группами [4, с. 501–505, 540–542]. Под непрекращающимися ударами противника советские соединения вынуждены были отступать на восток. Не был удержан ни один из рубежей по плану

прикрытия границы, действия войск были разрозненными, носили очаговый характер. Командиры и штабы утратили управление войсками, аэродромы и склады, которые размещались в приграничных районах, были уничтожены. Уже на 2–3 день войны войска Красной Армии ощутили острую потребность в горючем и боеприпасах, удовлетворить которую зачастую не было возможности. Контрудары, предпринятые 23–25 июня в районе Гродно механизированными корпусами фронта, потерпели неудачу. Соединившимся 28 июня 1941 г. восточнее Минска, немцам удалось окружить в так называемом Новогрудском «котле» 3-ю, 10-ю, часть 4-й и 13-й армий. Таким образом, значительная часть советских войск оказалась сразу выключена из оборонительных действий, была вынуждена с тяжелыми боями и большими потерями пробиваться из окружения. В результате в построении советских войск на центральном направлении была пробита брешь, стратегический путь на Смоленск и Москву оказался открытым. Ставка Главного Командования именно на западное направление была вынуждена перебросить большую часть своих резервов.

В полосе Юго-Западного фронта ситуация сложилась несколько иначе, хоть немцы и на этом направлении также добились первоначального успеха. Сосредоточив основные усилия на левом фланге 5-й армии и на ее стыке с 6-й (участок Владимир-Волынский–Соколь), врагу уже в первый день удалось продвинуться на восток до 30 километров. Однако в последующем на наступающий немецкий «клин» обрушился целый град ударов советских механизированных корпусов, которые командование Юго-Западного фронта с первых дней начало активно использовать. Все это вылилось в грандиозное танковое сражение в треугольнике городов *Луцк–Ровно–Броды*, продолжавшееся с 23 по 30 июня 1941 г. И даже, несмотря на то, что корпуса Юго-Западного фронта потерпели поражение в этом сражении, им удалось задержать на неделю наступление 1-й танковой группы и сорвать планы противника по прорыву к Киеву и окружению 6-й, 12-й и 26-й армий Юго-Западного фронта в Львовском выступе. Снижение темпов немецкого наступления в полосе Юго-Западного фронта позволило Ставке ГК рокировать армии из внутренних округов на север, заново создавая разрушенный Западный фронт. Юго-Западный фронт неплохо держался, и это позволило безболезненно перебросить 16-ю армию М.Ф. Лукина и 19-ю армию И.С. Конева в полосу группы армий «Центр» [3, с. 234]. И в этом немалую роль сыграли танковые части. Они стали своеобразной «подпоркой» стрелковых дивизий, парируя возникающие в разных местах кризисы и проводя активные наступательные действия. Для примера можно привести действия 4-го механизированного корпуса А.А. Власова, практически не участвовавшего во встречном танковом сражении. Его сила была использована для усиления участка 6-й армии, атакованной крупными массами пехоты 17-й немецкой армии Штюльпнагеля на львовском направлении [3, с. 148]. Не наблюдалось в полосе Юго-Западного фронта и крупных окружений, подобных Новогрудскому «котлу», для этого

направления скорее характерен ряд локальных окружений советских войск (84-я и 127-я стрелковые дивизии, группа Попеля и т.д.).

Что же касается неудач контрударов в полосах Юго-Западного и Западного фронтов, то причины поражения подвижных частей Красной Армии в целом схожи: разрозненность вступления в бой механизированных частей, воздействие германской авиации. Оборона противника, насыщенная средствами противотанковой обороны, взламывалась одними танками практически без поддержки пехоты, в результате чего дивизии несли огромные потери в материальной части. Практически не применялся обход немецких опорных пунктов, а атаки в лоб успеха не имели. Из-за отставания и малочисленности артиллерии мехкорпусов артподготовки перед атаками и сопровождения огнем наступающих танков зачастую не производилось.

Определенные различия можно отметить и в действиях авиации. Общим здесь было то, что в первые дни войны ВВС Красной Армии понесли значительные потери от налетов люфтваффе на советские аэродромы. Только за 22 июня 1941 г. потери составили 1200 самолетов. Причем 738 из них были уничтожены в полосе Западного фронта [6, с. 111]. Потери Юго-Западного фронта в этот день составили 301 самолет. В сравнении с другими приграничными округами авиадивизии, дислоцировавшиеся на Украине, оказали немцам наибольшее сопротивление. Этому способствовал целый ряд субъективных и объективных факторов. Во-первых, наилучшим для особых округов было соотношение сил немецких и советских Военно-Воздушных сил. Во-вторых, руководство ВВС округа в лице Е.С. Птухина, уделяло много внимания маскировке аэродромов. Незадолго до вторжения командующий ВВС округа лично произвел облет аэродромов с целью проверки выполнения приказа НКО от 19 июня о маскировке. В-третьих, система базирования ВВС Киевского особого военного округа была эшелонирована на большую глубину и не все аэродромы оказались под ударом люфтваффе в первый день войны [6, с. 96].

Таким образом, при сравнении хода оборонительных боев, проводимых войсками Западного и Юго-Западного фронтов, можно отметить, что ситуация на Украине складывалась несколько более оптимистично. Свой главный удар немцы наносили в Беларуси. Вермахту удалось максимально использовать невыгодное в стратегическом отношении размещение войск Западного особого военного округа. После разгрома значительной части соединений в Новогрудском «котле» на центральном московском направлении образовалась брешь. Именно туда Ставка Главного Командования вынуждена была бросить значительную часть своих резервов. Темп продвижения немецких войск по территории Беларуси был выше, нежели на юго-западном направлении – на Украине. Оборонительная операция в Беларуси была самой кровопролитной за всю Великую Отечественную войну: среднесуточные потери тут составили 23 210 чел. Для сравнения: среднесуточные потери Юго-Западного фронта во Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операции составили 15414 чел. [5, с 267–268]. На юго-западном направлении немцы вынуждены

были столкнуться с многочисленными ударами советских мехкорпусов Киевского округа. Несмотря на неудачу наступательных действий, продвижение 1-й танковой группы замедлилось на неделю. Механизированные корпуса стали своеобразной «подпоркой» стрелковых дивизий, парируя возникающие в разных местах кризисы и проводя контратаки. Относительно устойчивое положение Юго-Западного фронта позволило советскому командованию даже изымать войска для восстановления обороны на московском направлении.

1. Директива № 21. План «Барбаросса»// Дашичев, В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2 т./ В.И. Дашичев.–М.: Наука, 1973.–Т.2:Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». 1941-1945./ В.И. Дашичев. – 1973. – 410 с.

2. Исаев, А. В. От Дубно до Ростова /А. В. Исаев. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.–667 с.

3. Егоров, Д. Н. Разгром Западного фронта / Д.Н.Егоров.– М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 800 с.

4. Ковалевский, Н.Ф. Боевой состав Красной Армии и Военно-Морского флота СССР на 22 июля 1941 года /Н.Ф.Ковалевский // Военно-исторический журнал. – 2009. – №6.–С.3–8.

5. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС,2001. – 608 с.

6. Хазанов, Д.В. 1941. Борьба за господство в воздухе /Д.В. Хазанов. – М.: Яуза, Эксмо, 2008 – 608 с.

С.Я. НОВІКАЎ

НОВЫЯ ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ ФАКТЫ Ў ДАСЛЕДАВАННІ ГІСТОРЫІ АБАРОНЫ МАГІЛЁВА 1941 г.

Адным з першых прыкметных унёскаў у Вялікую Перамогу 1945 г. з'яўлялася ўпартая абарона магілёўскага плацдарма ў канцы ліпеня 1941 г. Легендарная абарона, якая ў нямецкіх дакументах атрымала наступныя назвы: Магілёўская бітва, бастыён на Дняпры, крэпасць – Магілёў.

Аснову праведзенага даследавання складаюць данясенні чатырох нямецкіх пяхотных дывізій (7-й, 15-й, 23-й і 78-й), якія бесперапынна штурмавалі магілёўскі плацдарм на працягу 5-га тыдня вайны з нядзелі 20 па суботу 26 ліпеня 1941 г., а таксама рапарты, данясенні і зводкі штаба VII нямецкага армейскага пяхотнага корпуса камандаванню 2-й палявой арміі германскага вермахта.

Важна зразумець: на аснове якіх падстаў праціўнік характарызуе баявыя дзеянні на магілёўскім напрамку наступлення спачатку "**баямі** за Магілёў" [1],

распачатымі а 14-й гадзіне 20 ліпеня 1941 г., а на этапе іх завяршэння "магілёўскай **бітвай**" (Schlacht von Mohilew [2, Bl. 5])? Што ж насамрэч спыніла на цэлы тыдзень практычна цалкам укамплектаваныя [3, Bl. 33] па штатным раскладзе нямецкія дывізіі ў ходзе распачатай "наступальнай аперацыі" [4, Bl. 2], сэнс якой для немцаў вызначаўся "штурмам умацаванага плацдарма Магілёў" [5, Bl. 205; 6, Bl. 96; 7, Bl. 282].

Каб адказаць на гэтыя пытанні, трэба не проста зноў адгарнуць адну з самых адметных старонак беларускай ваеннай гісторыі 1941 г. – унікальнай магілёўскай бітвы, але і паглядзець на баявыя дзеянні з іншага боку, г. зн. вачыма баявога праціўніка. Любы бой мае два процілеглыя бакі. Цалкам асэнсаваць яго можна толькі з улікам усіх акалічнасцяў. Полем бітвы на працягу дажджлівага ліпеньскага тыдня з 20 па 26 ліпеня 1941 г. з'яўляўся магілёўскі абарончы плацдарм, на якім, паводле традыцыйнай гістарыяграфічнай канцэпцыі, "колькасна пераўзыходзячым" сілам немцаў супрацьстаялі вайсковыя часці 61-га стралковага корпуса ў складзе 110-й і 172-й стралковых дывізій, а таксама мабілізаванае на абарону горада народнае апалчэнне.

Інакш кажучы, гістарычна перад намі не звычайная абарона дняпроўскага рубяжа пад Магілёвам, а унікальная абарончая аперацыя, фактычна першая ўдала арганізаваная без дырэктыў зверху і па-майстэрску праведзеная ў неймаверна складаных умовах абарончая бітва, пра якую не пашкадавалі высокіх ацэнак нават непасрэдныя ўдзельнікі яго штурму–камандзіры нямецкіх пяхотных дывізій і камандаванне VII армейскага пяхотнага корпуса. Гэта азначае, у фокусе нашага навуковага разгляду знаходзяцца баявыя дзеянні дастаткова важнага ваенна-аператыўнага і, без вялікага перабольшвання, нават стратэгічнага значэння, якія адбываліся на беларускай зямлі ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны.

Адразу ж зазначым, што абарона войскамі Чырвонай Арміі і народным апалчэннем Магілёва з 20 па 26 ліпеня – адна з самых не толькі гераічных, але і надзвычай трагічных старонак гісторыі Беларусі першых месяцаў вайны. Большасць з айчынных чытачоў суадносяць баявыя падзеі пад Магілёвам з устойлівай назвай "абарона Магілёва 1941 г." [8, с. 315–316; 9, с. 8–16; 10, с. 111–114; 11] ці 23-дзённая [12, с. 81] абарона Магілёва летам 1941 г. Гэтыя гістарычныя і навуковыя дэфініцыі бяруць сваё паходжанне ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі, калі ў аснове ацэнак баявых падзей павінны былі ляжаць крытэрыі гераізму, мужнасці і самаахвярнасці ў імя перамогі. Другі бок баявых падзей ўяўлялі паражэнні, непазбежныя чалавечыя страты, палон і інш., што выцяснялася з памяці людзей ці проста замоўчвалася.

На цяперашні час працяг вывучэння магілёўскай абароны патрабуе больш крытычнага даследавання ўсяго наяўнага комплексу як айчынных, так і замежных дакументальных крыніц.

Цяпер мала хто аспрэчвае той факт, што доўгі час вывучэнне абароны Магілёва ўскладнялася строгім ідэалагічным кантролем і падпарадкаваннем праўдзівай гісторыі інтарэсам партыйнай прапаганды. Істотнай перашкодай на

шляху даследчыкаў з'яўлялася таксама закрытасць савецкіх архіваў і недаступнасць замежных архіўных фондаў. Таму ў аснову пасляваеннай канцэпцыі гісторыі абароны дняпроўскага рубяжа пад Магілёвам былі пакладзены ідэі, уведзеныя ў шырокі ўжытак у мемуарах савецкіх военачальнікаў і партыйных кіраўнікоў.

Паводле беларускай савецкай гістарыяграфіі, з 16 да 26 ліпеня абарона Магілёва адцягвала на сябе чатыры пяхотных дывізіі, танкавую дывізію, полк "Вялікая Германія" і іншыя часці гітлераўцаў, якія ў баях пад Магілёвам страцілі 30 тысяч салдат і афіцэраў. У дачыненні да баявых дзеянняў, якія адбыліся на Буйніцкім полі, сцвярджалася аб "колькасна пераўзыходзячых злучэннях 2-й нямецкай танкавай групы", якія вялі наступленне на Магілёў тыднем раней, летнім "гарачым днём" 12 ліпеня 1941 г. Але з нямецкіх дакументаў, пакінутых непасрэднымі выканаўцамі загада аб наступленні на паўднёва-заходнім участку абароны магілёўскага плацдарма, вынікае наступнае: 12 ліпеня 1941 г. на ўчастку абароны 388-га стралковага (камандзір палк. Куцепаў) і 340-га лёгкага артылерыйскага (камандзір – палк. Мазалаў) палкоў вялі няўдалае наступленне тры танкавых роты толькі аднаго–2-га нямецкага танкавага батальёна 6-га танкавага палка 3-й танкавай дывізіі [13, с. 12]. Паводле іншых дакументаў непасрэдных удзельнікаў штурму горада – дзённікаў баявых дзеянняў чатырох нямецкіх дывізій – агульная лічба страт з нямецкага боку ў ходзе штурму магілёўскага плацдарму складала – 3765 афіцэраў, унтэрафіцэраў і радавых, з якіх былі забытыя – 727, параненыя – 2867 і зніклыя – 171, у тым ліку 176 афіцэраў [14, с. 12].

У гэтым кантэксце ўзнікаюць і іншыя пытанні, вырашэнне якіх патрабуе вывучэння баявых падзей на магілёўскім рубяжы дняпроўскай абароны на аснове данясенняў камандзіраў нямецкіх пяхотных дывізій, зводак аператыўнага і разведвальнага аддзелаў VII нямецкага армейскага пяхотнага корпуса, а таксама іншых дакументаў нямецкага паходжання. Безумоўна, да іх неабходна ставіцца крытычна, хаця ў аўтара няма асаблівых падстаў сумнявацца ў дакладнасці прыведзеных лічбаў і згаданых фактаў.

Асаблівую цікавасць уяўляюць звесткі з нямецкіх дакументаў пра кліматычныя ўмовы вядзення баявых дзеянняў. У айчынная гістарыяграфіі гэты фактар фактычна не ўлічваецца. З дакументальных матэрыялаў бачна, што на момант пачатку магілёўскай бітвы надвор'е там істотна змянілася ў параўнанні з тым "гарачым" суботнім днём, які стаяў 12 ліпеня 1941 г., калі на паўднёва-заходнім участку савецкай абароны на горад наступаў II нямецкі танкавы батальён. Амаль увесь пяты тыдзень вайны на Магілёўшчыне ішлі дажджы. Асаблівая непагадзь распачалася ў сярэдзіне тыдня, калі на працягу трох дзён запар дажджы не спыняліся, было холадна, а ў пятніцу, 25 ліпеня, у другой палове дня быў працяглы лівень. Менавіта такая непагадзь, як нам уяўляецца, у пэўнай ступені паўплывала на далейшы ход абароны горада. З дакументаў VII нямецкага армейскага пяхотнага корпуса вынікае, што з-за непагадзі немцы практычна не маглі выкарыстаць штурмавую авіяцыю для разбурэння з высокім

майстэрствам узведзеных абарончых умацаванняў на магілёўскім плацдарме [15, Bl. 58 R.]. У данясенні камандзіра 23-й нямецкай пяхотнай дывізіі адзначаецца, што густы туман, які стаяў у горадзе на Дняпры на золку 26 ліпеня ў сувязі з вяртаннем цёплага надвор'я, спрыяў таму, што частцы абаронцаў удалося амаль што непрыкметна вырвацца з акружанага горада.

У такіх умовах камандаванне 2-й нямецкай палявой арміі аддае загад VII пяхотнаму корпусу "пачаць наступленне на Магілёў і фарсіраваць Дняпро 20 ліпеня 1941 г." [16, Bl. 53]. Выкананне пастаўленай задачы павінны былі забяспечыць дзве нямецкіх пяхотных дывізіі – 7-й ставілася задача па штурму паўночна-заходняга, 23-я – паўднёва-заходняга рубяжоў абароны горада, іх захопу і фарсіраванні Дняпра на працягу толькі другой паловы дня. Часам для пачатку наступлення на Магілёў прызначаецца 14-я гадзіна нядзелі 20 ліпеня 1941 г. З дзённікаў баявых дзеянняў армейскага камандавання бачна, што абаронцы магілёўскага плацдарма з першых гадзін баявых дзеянняў істотна парушылі нямецкія планы, адразу ж спыніўшы, а потым і на цэлы тыдзень затрымаўшы на дняпроўскім рубяжы значныя нямецкія сілы, так неабходныя для наступлення на Смаленск і Маскву. Таму 22 ліпеня да ўжо наступаўшых на Магілёў пяхотных дывізій VII армейскага корпуса ў поўным складзе была далучана 78-я пяхотная дывізія XII нямецкага корпуса, аператыўнай задачай якой з'яўляўся штурм горада з поўдня ў напрамку раёна Лупалава. А 23 ліпеня нямецкае камандаванне 2-й арміі пайшло нават на выкарыстанне стратэгічных рэзерваў – увяло ў бой свежыя сілы 15-й пяхотнай дывізіі [15, Bl. 59 R.]. Менавіта гэта дывізія ажыццяўляла канчатковы захоп Магілёва і ліквідацыю супраціўлення яго абаронцаў. Такім чынам, у штурме магілёўскага плацдарма ўдзельнічалі 4 пяхотных дывізіі 2-й палявой арміі германскага вермахта [5, Bl. 205].

Звесткі з данясенняў камандзіраў дывізій аб разгортванні баявых дзеянняў на асобных участках абароны Магілёва паказваюць высокую ступень баявой гатоўнасці абаронцаў горада, у першую чаргу – часцей Чырвонай Арміі [5, Bl. 208]. Як вынікае з дакументальных крыніц, на лініі наступлення праціўнік сустрэў эфектыўна дзеючую абарону, "вытанчала і па-майстэрску абсталяваныя" [15, Bl. 56] абарончыя пазіцыі, асабліва моцнай з якіх, як сцвярджаюць немцы, з'яўляўся амаль непрыступны бастыён (Bastion Gai) [15, Bl. 59] – трывала ўмацаваны лясны ўзлесак. З вячэрняга данясення ад 21 ліпеня 1941 г. VII армейскага корпуса камандаванню 2-й палявой арміі вынікае, што 7-я і 23-я пяхотныя дывізіі на працягу двух дзён несупынна вядуць "вельмі ўпартыя баі" [1]. На другі дзень вядзення несупынных баёў карпуснoe камандаванне пакідае наступны запіс: супраціўленне перад гэтымі дывізіямі настолькі моцнае і ўпартае, што ўзнікае сумнеў аб самастойным разгроме ворага і ўзяцці плацдарма [5, Bl. 208; 15, Bl. 57 R.].

Немцы практычна ва ўсіх дакументах адзначаюць, што на шляху наступлення пяхотных дывізій "была нечакана выяўлена добра адбудаваная сістэма [абарончых – **С.Н.**] пазіцый" [15, Bl. 56 R.], якую ўдала завяршалі шматлікія і трапна пастаўленыя мінныя палі [17, Bl. 42]. Дакументы не

замоўчваюць тое, што на ўсіх яе рубяжах пад Магілёвам нямецкія пяхотныя палкі былі сустрэты моцным агнявым супраціўленнем: на кожным участку вяліся жорсткія баі, выкарыстоўвалася самая розная тактыка і абаронцы не думалі здавацца. Паводле тагачасных нямецкіх ацэнак, атакуючым не ўдалося прымусіць замаўчаць артылерыю праціўніка, прычым яна была паўсюды адчувальна сваім трапным агнём. На трэці дзень штурму каманлаванне VII армейскага корпуса канстатуе: гэты дзень зноў не прывёў да канчатковага поспеху. Нягледзячы на гераічныя атакі 7-й і 23-й дывізій пры моцнай падтрымцы цяжкай артылерыі вораг упарта трымаецца ў выдатна адбудаваных палявых пазіцыях [15, Bl. 59 R.].

Камандаванне корпуса неаднаразова звяртае ўвагу ў дзённіку баявых дзеянняў як на "майстэрства" ўзвядзення савецкім бокам палявых пазіцый [15, Bl. 62], так і на мастацтва іх абароны воінамі Чырвонай Арміі: яны ўмела і ўпарта абараняюцца, ведучы агонь з добра ўмацаваных і галоўным чынам замаскіраваных пазіцый. На трэці дзень штурму аператыўным аддзелам камандзіра 23-й нямецкай пяхотнай дывізіі робіцца занатоўка ў дзённіку баявых дзеянняў: вядзенне абароны трэба характарызаваць як выдатнае [17, Bl. 42]. Паводле дзённікавых запісаў, з першага дня штурму немцамі магілёўскага плацдарма рос супраціў абаронцаў: кожны куст, кожны ўзлесак і кожную вёску трэба было браць з боем [18, Bl. 97].

Нават кароткія вытрымкі з нямецкіх дакументаў пераканаўча сведчаць, на працягу тыдня байцы Чырвонай Арміі і народнае апалчэнне ўпарта абаранялі магілёўскі плацдарм, стварыўшы на шляху 7-й і 23-й пяхотных дывізій, як пра гэта пішуць самі немцы, амаль непрыступную "крэпасць-Магілёў" (Festung-Mohilew) [2, Bl. 7].

У данясенні, падрыхтаваным праз тры тыдні аператыўным аддзелам штаба VII пяхотнага корпуса па выніках штурму ўмацаванага плацдарма Магілёў, камандаванне корпусам дае не толькі прынцыповы аналіз аператыўных дзеянняў 7-й, 15-й, 23-й і 78-й дывізій, фіксуючы пры гэтым упартую барацьбу, якую яны былі вымушаны весці на кожным з рубяжоў абароны магілёўскага плацдарма на працягу цэлага тыдня, але і адзначае асаблівую сілу, вытрымку, стойкасць і вынослівасць абаронцаў дняпроўскага рубяжа пад Магілёвам [5, Bl. 213]. У дакуменце пакінуты наступныя радкі: "плацдарм Магілёў браўся VII армейскім корпусам на працягу сямі дзён з нечакана жорсткімі баямі. Гэты штурм уяўляе сабой цалкам завершаную аперацыю, а таму з'яўляецца *рэдкай карцінай* ***асобнай бітвы*** (*выдзелена* аўтарам–**С.Н.**) армейскага корпуса... Рускі трымаецца да апошняга. Ён зусім не ўспрымальны да баявых дзеянняў на яго флангах і ў тыле. Трэба было з боем браць кожную стралковую ячэйку, кожную процітанкавую і кулямётную пазіцыю, кожны дом" [5, Bl. 214].

Такім чынам, новыя дакументальныя матэрыялы не толькі дапаўняюць традыцыйнае апісанне баявых падзей на дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам, але і даюць магчымасць убачыць іх вачыма праціўніка. Для гісторыкаў вайны

вельмі важна ўлічваць розныя аспекты баявой абстаноўкі і наблізіцца да рэальна існуючай сітуацыі, даведацца пра фактычныя сілы процілеглых бакоў, удакладніць сапраўдныя маштабы і вынікі баявых дзеянняў, даць адказ на пакуль што не вырашаныя пытанні.

Адным з такіх пытанняў, якое да сённяшняга дня застаецца "белай плямай" у беларускай гістарыяграфіі, з'яўляецца даследаванне трагічнага лёсу савецкіх ваеннапалонных, які патрапілі ў ходзе абароны горада ў рукі немцаў. Асобныя спробы айчынных гісторыкаў, у прыватнасці магілёўскага даследчыка М.Барысенкі, звярнуцца да гэтай праблемы пакуль што не даюць поўнага ўяўлення пра палон у ходзе абароны дняпроўскага рубяжа пад Магілёвам [19, с. 122]. На наш погляд, без ведання ўсёй праўды пра трагічную долю савецкіх салдат і афіцэраў не будзе напісана рэальная гісторыя абароны Магілёва летам 1941 г. Неабходнасць вывучэння дадзенага пытання з'яўляецца асабліва відавочнай у кантэксце таго факта, што ў Магілёве ў час вайны размяшчаліся 8 лагераў для ваеннапалонных [20]. Прычым толькі ў адным з іх – шталагу № 313, што размяшчаўся ў раёне Лупалава, знаходзілася, паводле айчынных дакументаў, звыш 40 тысяч палонных [21, с. 43].

Цяпер практычна ўсе ваенныя гісторыкі прызнаюць, што для сотняў тысяч воінаў Чырвонай Арміі летнія месяцы 1941-га на тэрыторыі Беларусі з'яўляліся "трагічным летам". Не быў выключэннем у гэтым плане і Магілёў [22, С. 275]. Паводле падлікаў, праведзеных аўтарам артыкула на падставе выяўленых на цяперашні час нямецкіх дакументаў – дзённікаў баявых дзеянняў 7-й, 15-й, 23-й і 78-й пяхотных дывізій, данясенняў і рапартаў камандавання VII пяхотнага корпуса, а таксама аператыўных зводак галоўнага камандавання 2-й палявой арміі германскага вермахта, – агульная лічба савецкіх вайскоўцаў, якія на працягу тыдня з 20 па 26 ліпеня 1941 г. трапілі ў нямецкі палон, складала **35031** чал., у тым ліку 31 афіцэр Чырвонай Арміі [5, Bl. 14; 15, Bl. 78 R.; 17, Bl. 52; 18, Bl. 96; 23, Bl. 398; 24, Bl. 293]. Нагадаем, што ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі прыведзена лічба толькі беззваротных страт, але пры гэтым не выдзелены палонныя: паводле падлікаў М.Барысенкі, у Магілёве ў ходзе шматдзённых баёў загінула больш за 15 тыс. воінаў Чырвонай Арміі, без уліку народных апалчэнцаў [25, с. 17].

Палон з'яўляўся рэальным фактарам баявых дзеянняў і на магілёўскім участку абароны дняпроўскага рубяжа. Аднак навуковай каштоўнасцю нямецкіх дакументаў аб гэтай староны злачынстваў германскага вермахта можна лічыць не толькі ўстанаўленне агульнай колькасці савецкіх палонных, але і падрабязны пералік вайсковых часцей Чырвонай Арміі, якія бралі непасрэдны ўдзел у абароне горада Магілёва. Па цяперашні час у айчыннай гістарыяграфіі размова ідзе галоўным чынам аб 110-й і 172-й стралковых дывізіях [12, С. 82]. Зразумела, што звесткі, выяўленыя намі ў нямецкіх дакументальных крыніцах, патрабуюць узважанага аналізу, крытычнага падыходу і грунтоўнага даследавання рознымі спецыялістамі. Аўтар артыкула не ставіў перад сабой такой задачы. Асноўнай мэтай з'яўлялася ўвядзенне у

навуковы ўжытак новых архіўных матэрыялаў, якія даюць магчымасць паглядзець на іншыя старонкі абароны Магілёва ў 1941 г. з боку праціўніка, што ўяўляецца карысным для стварэння максімальна поўнай і аб'ектыўнай карціны гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Дзякуючы звесткам з новых нямецкіх дакументаў беларускія гісторыкі *упершыню могуць вызначыць* фактычны склад удзельнікаў магілёўскай абароны, удакладніць савецкія вайсковыя часці, што былі сярод актыўна дзеючых абаронцаў горада, без якіх нельга вызначыць фактычныя маштабы баявых дзеянняў, паказаць фактычнае ваенна-аператыўнае, а з улікам экстраннай падрыхтоўкі абарончых рубяжоў на шляху галоўнага напрамку наступлення групы армій "Цэнтр" на Маскву і ўбачыць і асаблівае **стратэгічнае** значэнне магілёўскай бітвы. Але якая цана была заплачана абаронцамі горада за тое, што адразу ж увасобілася ў нямецкіх данясеннях у адной кароткай, але надзвычай істотнай назве "крэпасць – Магілёў". Менавіта так характарызавалі непасрэдныя ўдзельнікі тую дняпроўскую цвярдыню, якую ім на працягу тыдня прыйшлося бесперапынна штурмаваць, упершыню зведаўшы на беларускай зямлі моц зброі і сілу духу абаронцаў магілёўскай Бастыліі.

Паводле данясення аддзела разведкі VII армейскага корпуса ад 4 жніўня 1941 г., складзенага на аснове звестак, атрыманых у савецкіх ваеннапалонных у ходзе дазнання, абарону магілёўскага плацдарма вялі дзве штатных дывізіі (110-я і 172-я), якія раней не былі задзейнічаны ў баях; тры выматаных, але баяздольных дывізіі (148-я, 161-я і 210-я матарызаваная), а таксама рэшткі 24-й, 50-й, 100-й стралковых і іншых дывізій. Вось чаму пасля гэтага не выклікае поўнага непрыняцця *агульная колькасць савецкіх ваеннапалонных, якія* патрапілі ў нямецкі палон у ходзе тыднёвай магілёўскай бітвы [26, Bl 98–101].

Удумліва разглядаючы ход баявых дзеянняў Чырвонай Арміі і народнае апалчэнне летам 1941 г. у раёне Магілёва пачынаеш разумець, што гісторыя магілёўскай бітвы вымяраецца не толькі незлічонымі фактамі мужнасці, гераізму і самаахвярнасці, але адначасова і маштабнымі трагічнымі наступствамі. На ратным полі баёў на дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам перапляліся масавы гераізм і мужнасць з фактамі палону і неймаверна вялікіх людскіх страт. І далейшае замоўчванне сапраўдных маштабаў трагедыі ў ходзе магілёўскай бітвы будзе з'яўляцца для кожнага свядомага чалавека амаральным, таксама як і недаацэнка фактычных вынікаў абароны, подзвігу і гераізму байцоў і камандзіраў Чырвонай Арміі, мужнасці народных апалчэнцаў – усяго, што складае сутнасць гераічнай і трагічнай абароны "крэпасці–Магілёў" на Дняпры летам 1941 г. Кожны загінуўшы ці прапаўшы без вестак салдат ці афіцэр, апалчэнец ці мірны жыхар ахвяравалі сваё жыццё ў імя абароны сваёй любай Радзімы, дзеля будучага вызвалення роднага краю і ў імя светлага дня Перамогі.

Вышэйзгаданае азначае, што беларускім гісторыкам спатрэбіліся амаль сем дзесяцігоддзяў для таго, каб прыйсці да высновы: дырэктыва Вярхоўнага Галоўнакамандуючага аб пераўтварэнні горада ў непрыступную крэпасць [27, Bl. 198] была на справе амаль цалкам выканана. Аб гэтым пераканаўча сведчыць

змест шматлікіх нямецкіх зводак, рапартаў і данясенняў. Праціўнік дае абаронцам Магілёва самую высокую ацэнку, характарызуючы ўнікальнымі абарончыя баявыя дзеянні савецкага боку на магілёўскім плацдарме. Магілёў у выніку ўпартых баёў усіх яго абаронцаў, прадуманых дзеянняў камандавання 61-га стралковага корпуса, удзелу народнага апалчэння, да таго ж ва ўмовах поўнага акружэння і татальнага недахопу боепрыпасаў, з'яўляўся сапраўднай дняпроўскай цвярдыняй на шляху чатырох нямецкіх пяхотных дывізій, названых імі "крэпасць–Магілёў", інакш кажучы – магілёўскай Бастыліяй на Дняпры.

Гістарычныя дэфініцыі, якія вынікаюць з новых дакументальных крыніц і сведчаць аб існаванні "непрыступнага бастыёну" на Дняпры, баяздольнай "крэпасці-Магілёў" і стаўшай фактам "магілёўскай бітвы" летам 1941 г., з'яўляюцца для беларускай грамадскасці пераканаўчай падставай для таго, каб год 65-га юбілею Вялікай Перамогі стаў для нашчадкаў гераічнай абароны і ўсяго беларускага народа сапраўдным момантам ісціны, адметнай вяхой гістарычнай памяці, назаўсёды упісанай у нацыянальны летапіс гісторыі прысваеннем Магілёву **ганаровага звання "Горад-герой"!**

Такі падыход дасць цяперашняй навуковай грамадскасці дадатковы шанц для ўшанавання на вякі памяці аб вядомых і забытых удзельніках унікальнай **магілёўскай бітвы 1941 года**! Праўдзівае апісанне баявых падзей патрэбна нам усім, але ў першую чаргу моладзі, каб яна заўсёды ведала аб гераізме, мужнасці і самаахвярнасці нашых продкаў, памятала аб слаўных баявых традыцыях абаронцаў магілёўскага бастыёна на Дняпры і ніколі не губляла пульс гістарычнай памяці беларускага народа.

У навуковым плане становіцца відавочным, што традыцыйная канцэпцыя "абароны Магілёва 1941 года" патрабуе істотных удакладненняў. Гэта датычыцца як храналагічных рамак магілёўскай бітвы, так і пытання аб фактычных удзельніках абарончых баёў на дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам. Адкрытым таксама застаецца пытанне аб людскіх стратах. Праўдзівы паказ баявых падзей дасць грамадскасці магчымасць назаўсёды ўпісаць у беларускую гісторыю як гераічныя, так і трагічныя старонкі абароны магілёўскага плацдарма ў канцы ліпеня 1941 г.

1. Федэральны ваенны архіў Германіі (далей BA-MA). BA-MA. RH 24–7/49 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6–1.10.1941 : Anlagen zum KTB : Tagesmeldungen v. 22.6 – 1.10.1941 : Abendmeldung v. 21.Juli 1941 um 23.00 : Anlage 30.

2. BA-MA. RH 26–7/123 : Kurzberichte des I c der 7. Infanterie-Division von Einsatz in Russland. Zeitraum: Juni 1941–April 1944, Bl. 5; RH 26–7/15 : Kurzbericht über den Einsatz der Division in der „Schlacht von Mogilew“, v. 12.8.1941.

3. BA-MA. RH 24–7/158 : Stellenbesetzungen der Korpstruppen sowie dem Generalkommando unterstellten Einheiten v.22.6.–1.10.1941 : Abt. Ia, Gesamtverluste des VII. Armeekorps vom 22.6.41 bis 28.7.41 einschl.

4. BA-MA. RH 20–2/165a : Anlagen zum KTB, Teil I v. 21.6.1941–18.9.1941 (Operationsakten) : Armeebefehl Nr. 8 v. 18.7.41 AOK 2, I a, Nr. 1421/41 geh.

5. BA-MA. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1941.

6. BA-MA. RH 24–7/48 : Abt. I c, Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mogilew, v. 6.8.1941.

7. BA-MA. RH 26–23/25 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew.

8. Гардзееў, Б.П. Абарона Магілёва 1941 / Б.П. Гардзееў // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцыкл.; Рэдкал. : І.П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. – Мн., 1990.

9. Волчок, Г.И. Оборона Могилева летом 1941 года: вопросы историографии / Г.И. Волчок // Оборонительные бои на территории Беларуси. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию обороны г. Могилева от немецко-фашистских захватчиков (29–30 июня 2006 года) : материалы конф. / под ред. Н.М. Пурышевой. – Могилев, 2006.

10. Костеров, А.П. Оборона Могилева летом 1941 г.: историография проблемы / А.П. Костеров // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 28–29 апр. 2005 г.) : в 2 т. ; отв. ред. А.М. Литвин. - Мн., 2004. – Т. 1.

11. Костеров, А.П. Бессмертный подвиг защитников Могилева летом 1941 года / А.П. Костеров. – Могилев, 2004.

12. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. кол.), А.М.Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Мн., 2005.

13. Новікаў, С. Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных дакументах / С.Новікаў // Бел. гістар. часоп. – 2007. – № 7.

14. Новікаў, С. Абарона Магілёва (20–26 ліпеня 1941 г.) у святле новых дакументальных крыніц / С.Новікаў // Бел. гістар. часоп. – 2008. – № 7.

15. BA-MA. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6–1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41.

16. BA-MA. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K.: Gen. Kdo VII A.K.

17. BA-MA. RH 26–23/22 : KTB Nr. 6 Kdo 23. Inf.-Div. für die Zeit v. 25.5.–7.8.1941, Abt. I a.

18. BA-MA. RH 24–7/48 : Gen. Kdo. VII. A.K., Abt. I c : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mogilew v. 6.8.1941.

19. Борисенко, Н.С. Днепровский рубеж: трагическое лето 1941-го / Н.С. Борисенко. – Могилев, 2005.

20. Павлов, Я.С. Система фашистских концлагерей для советских военнопленных в Беларуси / Я.С. Павлов // Трагедия плена. Фронт и плен : сб. материалов науч. конф., 4–8 июня 1995 г. – Минск, 1995.

21. Шумский, В.В. Плен как историческое и социальное явление / В.В. Шумский // Война и плен. Мартиролог ; авт.-сост. Ю.Поляков. – Минск, 2005.

22. Борисенко, Н.С. 20-й механизированный корпус : история создания и трагическая боевая судьба на Могилевщине / Н.С. Борисенко // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва : зб. навук. прац / уклад. І.А. Пушкін. – Магілёў, 2001.

23. RH 26–7/15 : Kurzbericht über den Einsatz der Division in der „Schlacht von Migilew", v. 12.8.1941.

24. BA-MA. RH 26–23/25 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew.

25. Борисенко, Н.С. Проблема поиска имен и установления судеб защитников Могилева в июле 1941 года / Н.С. Борисенко // Оборонительные бои на территории Беларуси. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию обороны г. Могилева от немецко-фашистских захватчиков (29–30 июня 2006 года): материалы конф. / под ред. Н.М. Пурышевой. – Могилев, 2006.

26. BA-MA. RH 24–7/48 : Gefechts- und Erfahrungsberichte des VII. Armeekorps v. 22.6.–1.10.1941: Gen. Kdo. VII. A.K. Abt. I c : Zusammenfassung der Feindfeststellungen v. 4.8.1941.

27. Краснознаменный Белорусский военный округ. – Мн., 1973.

В.А. ТУПИКИН

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ В ПЕРВЫХ БОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ИЮНЕ 1941 г.

На брестском направлении была сосредоточена большая часть сил и средств самой крупной группировки немецких войск. К моменту начала боевых действий в полосе советской 4-й Армии наступали 2 моторизованных и 3 армейских корпуса, 2-я танковая группа Г. Гудериана, немецко-фашистские войска имели в данном направлении 4-5-кратное численное превосходство в живой силе и боевой технике [1, с. 102].

Неожиданным ударом артиллерии и авиации немецких войск удалось сжечь на приграничных аэродромах сотни наших самолетов, разрушить многие штабы, нарушить связь [2, с. 55].

Все это создавало благоприятнейшие условия для триумфального марша гитлеровских войск на восток. Но самоуверенных фашистских генералов с первых же часов войны постигло горькое разочарование. Советские бойцы и командиры беззаветно сражались за Родину. Повального бегства и сдачи наших войск в плен, как это имело место во Франции, здесь не произошло. Как пример этому может служить следующий факт: Франс Гальдер 29 июня 1941 года сделал в служебном дневнике следующую запись: «Упорное сопротивление

русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это недопустимо...» [3, с. 109].

В неблагоприятной обстановке были вынуждены вести борьбу с врагом войска 4-й Армии. Удар 2-й танковой группы и 4-й немецкой армии обрушился на поспешно выдвигавшиеся к границе и находившиеся в приграничных укреплениях части 49, 6, 42 и 75-й стрелковых дивизий. В первые же часы большие потери от воздействия авиации и артиллерии понес основной состав гарнизона Брестского укрепленного района (6-я и 42-я стрелковые дивизии). Много потеряла боевой техники и 22-я танковая дивизия, которая выходила в свой район восточнее Бреста под артиллерийским огнем противника [4, с.8].

Одновременно с тем, когда бои шли в 150—200 км от границы, в глубоком тылу противника героически сражалась небольшая группа советских войск, находившаяся в Брестской крепости. В крепости остались только отдельные подразделения дивизий, а также личный состав 33-го инженерного полка и пограничного отряда. Организовав оборону, советские воины оказали ожесточенное сопротивление 45-й и 31-й пехотным дивизиям 4-й немецкой армии. Несмотря на значительное численное превосходство противника, не прекращавшийся артиллерийский огонь, который вела специальная артиллерия, и удары вражеской авиации, советские войска стойко удерживали занимаемые позиции [5, с. 24].

Ежедневно в оперативных донесениях штаба 4-й немецкой армии отмечалось сильное сопротивление советских войск в Брестской крепости. Так, например, 25 июня доносилось: «В крепости Брест продолжают держаться остатки гарнизона, оказывая исключительно упорное и ожесточенное сопротивление». В тот же день генерал Франс Гальдер записал в служебном дневнике: «Подтверждается, что 45-я пехотная дивизия зря понесла в районе Брест-Литовска большие потери» [6, с. 109].

С целью уничтожения наседавших со всех сторон гитлеровцев советские воины делали вылазки из крепости и наносили короткие удары по врагу. Пехотинцы, артиллеристы и саперы, находившиеся в крепости, мужественно сражались с ненавистным врагом. Под стенами Бреста противник потерял много своих солдат и офицеров. Защитники крепости подорвали также несколько его танков. 45-я немецкая пехотная дивизия вела бой у Бреста в полном составе до 1 июля 1941 г. После этого на длительное время были оставлены для борьбы с храбро сражавшимися советскими воинами два ее батальона, усиленные артиллерией. Лишь около 20 июля они убыли в дивизию, передав район крепости охранным частям [7, с. 103].

В той или иной степени учитывался опыт боевых действий советских войск в борьбе с японскими захватчиками у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, опыт советско-финляндской войны, а также опыт боевых действий на фронтах мировой войны [8, с. 26].

Несмотря на стойкость и мужество, проявленное советскими воинами в борьбе с фашистскими захватчиками, а также умело организованную на отдельных участках оборону, приграничное сражение войск Западного фронта окончилось неудачно. Подтягиваясь к фронту и вступая в сражение по частям, они были не в состоянии остановить сильные подвижные группировки противника и тем более разгромить их. К концу дня немецкие танковые соединения, поддерживаемые бомбардировочной авиацией, вышли на глубину до 50–60 км.

Таким образом, можно сделать вывод, что к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз все намеченные мероприятия по повышению боевой готовности Советских Вооруженных Сил оказались незавершенными. Войска приграничных округов не были достаточно подготовлены к отражению внезапных ударов агрессора, несмотря на то, что они имели все необходимое для этого. Стрелковые дивизии первых эшелонов армий прикрытия находились далеко от границы и поэтому не могли воспрепятствовать вторжению вражеских войск в пределы нашей Родины. Не были подготовлены к нанесению мощных контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок противника и механизированные корпуса, танковые и моторизованные дивизии, которые располагались на большом удалении друг от друга. Авиация приграничных округов также не была готова к нанесению немедленных ответных ударов по врагу.

Так, начальник штаба группы армий «Центр» 22 июня доносил начальнику генерального штаба: «Наше наступление явилось полной неожиданностью для противника. Полевые укрепления, – сообщается в вышеуказанном донесении, – или вообще не имеют гарнизонов, или имеют очень слабые гарнизоны. Однако отдельные бетонные доты продолжают упорно сопротивляться». Да, там, где находились пограничные отряды, отдельные артиллерийско-пулеметные подразделения, стрелковые и саперные батальоны, уже в первый час войны враг встретил невиданное доселе сопротивление [6, с. 90].

Не достигнув намеченных по плану прикрытия рубежей развертывания, соединения 4-й Армии под ударами численно превосходящего с земли и воздуха противника в первый день войны были вынуждены отступить. Оценив обстановку, командующий 4-й Армией согласно приказу Военного совета Западного фронта решил с утра 23 июня нанести контрудар силами 14-го механизированного корпуса с целью разгрома вторгшегося врага и восстановления утраченного положения. Соединения этого корпуса располагались на большом удалении друг от друга, поэтому инициатива по-прежнему оставалась у противника, и осуществить задуманное не удалось.

Советская 4-я Армия, согласно оперативной сводке штаба фронта, «...потеряла средства управления. Штаб армии разделен на группы по руководству отрядами. Командующий армией, член Военного совета, начальник штаба, начальник оперативного отдела штаба выехали в войска для личного руководства боем...» [9, с. 21].

Неудачи советских войск объясняются, главным образом, тем, что они не были приведены в боевую готовность и развернуты в приграничных укрепленных районах. Советские соединения вводились в бой по мере подхода по частям, чтобы сорвать наступление противника. Однако остановить врага им не удалось. Сильные танковые группировки противника, действовавшие при активной поддержке авиации, не давали возможности нашим войскам закрепиться и создать устойчивую оборону. Кроме того, частые потери управления войсками не позволяли сосредоточить усилия обороняющихся на угрожаемых направлениях с целью достижения решительных результатов [8, с. 28].

Коробков А.А. до последней минуты не терял надежд на проведение контрударов по силам противника, однако оказавшись в плену сложившейся обстановки не по его вине он лишь мог констатировать факт превосходства сил противника и продвижение его на территорию нашей Родины.

Советская 4-я Армия отошла к г. Кобрину. Командующий фронтом Павлов Д.Г. выразил недовольство ее отходом; по воспоминаниям начштаба армии Л.М. Сандалова, заградотряды встречали отступивших бойцов и направляли их обратно в бой [7, с. 115].

Несмотря на это, оценив сложившуюся тяжелую обстановку, в которой оказалась 4-я Армия, командующий А.А. Коробков принял решение организовать более устойчивую оборону, привлекая для этого свежие силы, а также принял меры к нанесению контрудара.

Считаем, что вклад в Победу таких людей, как А.А. Коробков, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, Н.А. Клич, стоило бы также отметить в истории, ведь то, что они совершили в первые дни войны, явилось неоценимым в последующем для нашей Родины. Ведь именно поэтому особых слов народной благодарности и вековой памяти заслуживают солдаты, офицеры и генералы прославленных в сражениях Белорусских фронтов.

По мнению многих историков, и в частности Литвина А.М. оборонительные бои 4-й армии ЗапОВО не достаточно освещены и изучены военными и гражданскими историками. Многие события, которые показаны в данной работе, были разобщены и упоминались лишь краткими отрывками в работах военных и гражданских историков [10, с. 4].

Мы попытались показать, что 4-я армии ЗапОВО, которая первой приняла на себя тяжелый удар фашистов, не сломилась перед врагом, проявляя при этом массовый героизм. Каждый, начиная от солдата и заканчивая генералом армии, пытался внести свой вклад в Победу над врагом, каждый воин, совершивший подвиг во имя освобождения Родины, является примером для подражания сегодняшней молодежи.

1 Анфилов, В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня–середина июля 1941 г.) / В.А. Анфилов. – М.: Воен. Издат. МО СССР, 1962. – 240 с.

2 Никифоров, Ю.А. Некоторые вопросы современной российской историографии Великой Отечественной войны // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы международной научной конференции, Минск, 28-29 апр. 2005 г.: в 2 т. / Институт истории НАН Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя, А.М. Литвин (отв. редактор). – Мн., 2006. – С. 55-58.

3 Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. (Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939-1942) / Ф. Гальдер. – М.: Воениздат, 1968. – 440 с.

4 Андрющенко, Н.К. На земле Белоруссии летом 1941 года / Н.К. Андрющенко; под ред. Я.С. Павлов. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 220 с.

5 Смирнов, С.С. Брестская крепость / С.С. Смирнов. - М.: Воен. издат., 1957. – 116 с.

6 Гальдер, Ф. Военный дневник // Военно-исторический журнал [Электронный ресурс]. 1959. №7. Режим доступа: http://www.mil.ru/info/1068/11278/11845/25231/index.shtml.–Дата доступа: 15.11.2009.

7 Сандалов, Л.М. Пережитое (военные мемуары) / Л.М.Сандалов.– М.: Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1961. – 244 с.

8 Семидетко, В.А. Истоки поражения в Белоруссии (Западный особый военный округ к 22 июня 1941 г.) / В.А. Семидетко // Военно-исторический журнал [Электронный ресурс]. – 1989.–№4. – Режим доступа: http://www.mil.ru/info/1068/11278/11845/25231/index.shtml.– Дата доступа: 15.11.2009.

9 Басюк, І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі: Манаграфія / І.А.Басюк. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 238 с.

10 Литвин, А.М. 1941 год: трагическое и героическое / А.М. Литвин. – Сб.–Мн., 1991. Мн.: 1991.–112 с.

Я.А. ШАФОРОСТОВА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ПРОТИВОБОРСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. потрясла весь мир своими общечеловеческими результатами, имевшими глобальную значимость в недопущении фашистского порабощения целых народов и цивилизаций.

В своем выступлении Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественном собрании, посвященном 65-й годовщине освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков, сказал: «Буквально вся страна была превращена фашистскими агрессорами в руины. Были разрушены более двухсот городов и районных центров. Уничтожены почти десять тысяч деревень

и поселков, сотни из них сожжены вместе с людьми. На месте сегодняшнего праздничного Минска стояло лишь несколько полуразрушенных зданий. Оккупанты устроили на белорусской земле страшный конвейер смерти, создав 260 концентрационных лагерей и 110 гетто».

Исследованием причин и факторов победы еще долго будут заниматься не только историки, политологи, но и экономисты.

Когда Гитлер пришел к власти, немецкая армия была слабо вооружена, а военной промышленности как таковой просто не существовало. Третий рейх решил наращивать свою военную мощь.

Менее чем за десятилетие пребывания у власти руководящий слой третьего рейха стал настолько коррумпирован, что даже в критический период войны оказался не в состоянии отказаться от привычного роскошного образа жизни.

Из-за огромных потерь на Восточном фронте все прежние запасы оружия и стратегически важных материалов оказались израсходованными. Расход оружия и боеприпасов принял такие размеры, что существующее производство оказалось не в состоянии его покрыть.

Военная промышленность ощущала острую нехватку трудовых ресурсов. Не сумев найти новых рабочих внутри Германии, нацисты обратили свой взор на оккупированные территории. В общей сложности за весь военный период в Германию насильственным путем было ввезено около 7 млн. иностранных рабочих. Но и это не помогло решить проблему дефицита рабочих рук [1, с. 423-438].

Если в промышленной сфере, дела обстояли не столь уж и плохо, то кредитно-денежная система страны продолжала свое падение в пропасть

Никакие организационные мероприятия уже не могли спасти Германию от поражения в войне.

Для экономического ограбления и эксплуатации природных богатств оккупированных земель был создан специальный аппарат с огромным штатом специальных хозяйственных команд, инспекторов, отрядов для сбора средств производства и сырья.

Беларусь рассматривалась как один из важнейших источников снабжения сельскохозяйственной продукцией группы армий «Центр» и рейха, а также обеспечения в самой Германии рабочей силы. За годы оккупации было вывезено в Германию около 400 тыс. чел. [2, с. 150-151].

В годы оккупации экономический потенциал республики был подвергнут грабежу и жестокой эксплуатации, что привело экономику к упадку и разрушению. Однако это не помогло обеспечить экономического превосходства Германии над Советским Союзом.

В то же время планирование народного хозяйства в Советском Союзе сыграло огромную роль в период Великой Отечественной войны, которая потребовала максимального *напряжения сил и мобилизации всех ресурсов* страны на разгром фашизма.

В плановом порядке была проведена перестройка государственного аппарата, всей системы планирования и материально-технического снабжения. Благодаря жесткой централизации управления экономикой материальные, трудовые и финансовые ресурсы страны были сосредоточены на обеспечении нужд обороны, и прежде всего на развитии военной промышленности [3, с. 28–29].

Вместе с тем, промышленный потенциал Советского Союза в начале Отечественной войны существенно уступал потенциалу Германии. Поэтому на промышленность легла главная ответственность за материально-техническое решение ключевой задачи войны – достижение перевеса над вооружением противника в условиях боя, то есть в условиях беспощадной борьбы интеллекта, физических сил, огня и маневра.

С первых часов войны все хозяйство не оккупированной территории БССР было переведено на военный лад. Развернулась работа по эвакуации в глубокий тыл мирного населения, оборудования предприятий и других материальных ценностей. Из Белоруссии было эвакуировано около полутора миллиона человек.

В первые недели войны, несмотря на невероятные трудности, связанные с быстрым продвижением фашистских войск, удалось полностью или частично эвакуировать оборудование 124 крупных фабрик и заводов, 14 промысловых артелей, а также несколько десятков тысяч рабочих и служащих этих предприятий.

В военные годы система управления народным хозяйством Германии отличалась своей неповоротливостью, высоким уровнем бюрократизма. В стране процветала коррупция: расхищались финансовые ресурсы и культурные ценности.

Рассчитывая на победу, Гитлер не позволил в начальный период второй мировой войны сконцентрировать все необходимые ресурсы в военной промышленности. Вместо использования всех производственных мощностей для нужд фронта, многочисленные предприятия продолжали производить товары отнюдь не первой необходимости.

Децентрализованное управление военными заводами, отсутствие четких производственных планов и нерациональные методы производства дезорганизовали народное хозяйство третьего рейха. Дефицит боеприпасов и техники, паралич транспортной системы угрожали Германии уже к концу 1941 г. [4, с.287-289].

Проигрыш в войне для Германии означал не только проигрыш немецкой военной науки, но и крах национал-социалистической модели управления экономикой.

Более конкурентоспособной на тот момент времени оказалась сталинская макроэкономическая модель. Ее отличал гораздо меньший уровень бюрократизма, а также концентрация всех ресурсов исключительно в оборонной промышленности. СССР существенно ограничило выпуск

продукции гражданского предназначения, направив все имевшиеся ресурсы на производство оружия и боеприпасов.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов была обеспечена не только героическими усилиями воинов Красной армии и партизанами, но и организацией военной экономикой СССР. Централизованная система управления позволяла концентрировать все силы и ресурсы для решения главной задачи развития производства техники и вооружений. Рыночные отношения не смогли бы обеспечить такой мобильности и концентрации усилий.

Опыт военных лет, в том числе в экономической области, чрезвычайно важен в современных условиях. Он убедительно показывает: когда Отечество в опасности, кризисной ситуации или в экстремальных условиях крайне необходимо усиление регулирующей роли государства в экономике.

1. Погорлецкий, А.И. Экономика и экономическая политика Германии в XX веке: научное издание // А.И. Погорлецкий. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 685 с.

2. Абалкин, Л. Опираясь на уроки прошлого // Л. Абалкин. Коммунист. – 1987. – № 16. – С. 11.

3. Карапетян, М.Г. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне (1941–1943 г.г.) // М.Г. Карпетян. – Ереван.: изд. Ереванского ун-та, 1977. – 192 с.

4. Экономика Советской Белоруссии: 1917-1967. – Мн.: Наука и техника, 1967.–571 с.

И.А. ШМЕЛЕВ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Более шестидесяти лет назад нападением гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз началась Великая Отечественная война. Начало ее сложилось для СССР трагически. Противник, в силу ряда причин, сразу же захватил стратегическую инициативу.

Данный этап Великой Отечественной войны является наиболее тяжелым для советского народа и его армии. Многие его аспекты по-прежнему остаются предметом споров. Вокруг этого периода не утихают дискуссии – это подчеркивает его сложность. Несмотря на немалое количество исследований событий начала войны, научное осмысление данного периода активно продолжается.

К сожалению, в советское время отдельные события Великой Отечественной войны или умалчивались, или подтасовывались под

существовавшие идеологические и политические конструкции, что, безусловно, противоречило принципам исторической науки.

В советской научной литературе как основная причина поражений Красной Армии на первый план выдвигалось вероломное нападение Германии на СССР и, как следствие этого, достигнутая противником оперативная внезапность. Перед Великой Отечественной войной, в Советском Союзе предпринимались широкомасштабные меры по укреплению обороны страны, повышению боевой мощи Вооруженных Сил, их готовности к отпору агрессору. К сожалению, высшее политическое и военное руководство СССР при решении этой важной и необходимой задачи, допустило целый ряд ошибок. Стремясь любой ценой в интересах укрепления обороноспособности страны отодвинуть войну, оно вопреки объективным признакам приближения войны ошиблось в оценке сроков ее начала. Была допущена переоценка возможностей Красной Армии противостоять агрессору, не учитывались вероятность внезапного нападения и огромная сила удара отмобилизованной, имеющий боевой опыт армии.

Ничем не может быть оправдана и волна репрессий, уничтожившая огромное количество талантливых офицеров, прошедших суровую боевую школу Гражданской войны [1, с. 172]. Это серьезно сказалось на обороноспособности страны. За все эти просчеты пришлось кровью расплачиваться советским воинам. Потребовались колоссальные усилия всех народов СССР, чтобы, не растерявшись перед лицом вероломного врага и тяжелейших испытаний, исправить сложившиеся положение.

Правящая верхушка Рейха в большинстве своем была настолько уверена в успешном исходе кампании против Советской России, что немецкое военное командование еще задолго до начала войны против СССР приступило к выработке направлений для дальнейшей экспансии на Восток [2, с. 51]. Вынашивались планы захвата Британской Индии и Ближнего Востока. Однако среди высшего военного руководства были и те, кто осознавал всю тяжесть и рискованность такой войны. Ярко говорит об этом позиция генерала Гудериана: «То, что я считал невозможным, должно претвориться в действительность? Гитлер, который резко критиковал в моем присутствии политическое руководство Германии 1914 года, не понимавшее опасности ведения войны на два фронта, теперь сам хотел, не окончив войны с Англией, начать войну с Россией. Этим он сам навлекал на себя опасность, вытекающую из ведения войны на два фронта, от чего его настойчиво предостерегали все старые солдаты, и что он часто называл ошибочным шагом» [3, с. 81]. Уверенность в победе над СССР у сторонников войны окрепла в ходе первых катастрофических потерь Красной Армии.

Но оценка итогов начального периода войны только сквозь призму неудач советских войск, без учета ряда других важных положительных моментов, может привести к односторонним, а значит, неверным выводам.

Во-первых, потерпел неудачу план «Барбаросса», основной замысел германского командования, а именно уничтожение главных сил советских войск и беспрепятственное продвижение вглубь СССР. Советские войска оказали серьезное сопротивление противнику и сохранили значительные силы для дальнейшей войны.

Во-вторых, ожидания Германии на внешнеполитическую изоляцию СССР не оправдались. Страна в самом начале войны приобрела союзников: создалась основа для создания антигитлеровской коалиции.

В-третьих, начальный период опроверг расчеты Гитлера о непрочности социально-политического строя СССР: советское руководство, народ и армия не дрогнули и направили все силы на выправление создавшегося положения.

1 Вишневский, А.Ф. Политико-правовой режим советской державы (1917-1953) / А.Ф. Вишневский. – Мн.: Тесей, 2003. – 224 с.

2 Аллен, У.Э.Д. Русские кампании германского вермахта. 1941-1945 гг. / У.Э.Д. Аллен, П.П. Муратов. – М., 2005. – 558 с.

3 Гудериан, Г. Воспоминания Солдата. Пер. с нем. / Г. Гудериан. – Смоленск: Русич, 1998. – 653 с.

4 Городецкий, Г. Миф "Ледокола": накануне войны. Пер. с англ. / Г. Городецкий. – М., 1995. – 350 с.

РАЗДЕЛ 2. НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Е.А. ГРЕБЕНЬ

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ПРОФСОЮЗОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НЕМЕЦКИМИ ОККУПАЦИОННЫМИ ВЛАСТЯМИ (1942–1944 гг.)

Для большей эффективности управления территорией Беларуси немецкими оккупационными властями было инициировано создание профсоюзных организаций. Деятельность коллаборационных профсоюзов охватывала только генеральный округ Беларусь, где гражданская оккупационная администрация пыталась осуществлять более гибкую политику, в отличие от военной администрации тыловой зоны группы армий «Центр», которая делала ставку на репрессивные методы управления. Обращает на себя внимание тот факт, что в самой Германии профсоюзы были ликвидированы нацистами, и создание профсоюзов на оккупированных территориях СССР можно рассматривать как тактический шаг немцев.

По своей структуре профсоюзы периода оккупации принципиально не отличались от советских, поэтому немецкая и белорусская коллаборационная администрация стремились показать населению якобы имеющиеся плюсы новых профсоюзов. Идеологическая подоплека была изложена на страницах печатного органа профсоюзов газете «Наша праца» [1, с. 1]. Во втором номере газеты (март 1944 г.) была помещена обширная статья «Жыццё, праца і імкненні прафсаюзу Беларусі». Автор совершил экскурс в историю профсоюзного движения на Беларуси, отмечая, что при советской власти белорусские профсоюзные организации находились в подчинении Центрального союза в Москве и что деятельность профсоюзов кардинально противоречила самой сути движения, содействуя замаскированной эксплуатации трудящихся «советским империализмом». В статье отмечалось, что советская власть стремилась создать многочисленное покорное и бедное сословие «пролетариат», до уровня которого большевики низвели белорусское крестьянство (результат коллективизации) [1, с. 1].

Решение организовать профсоюзы было принято генеральным комиссаром Беларуси В. Кубе в августе 1942 г., и утверждено постановлением рейхскомиссара Остланда Г. Лозе от 16.04.1943 г. об организации профсоюзов в генеральных округах Латвии, Литвы, Эстонии и Беларуси [3, л. 7]. Первые профсоюзные организации стали появляться в 1943 г., вначале в г. Минске (1.05.1943 г.), с июня 1943 г.– в г. Барановичах, с августа того же года в г. Вилейке, с начала 1944 г. планировалось организовать профсоюзы и в других округах. 7.07.1943 г. начало функционировать Центральное бюро профсоюза

Беларуси, а 1.09.1943 г. Г. Лозе утвердил профсоюзный устав [2, л. 22]. Согласно уставу (был издан на немецком, белорусском и русском языках отдельной брошюрой), официальное название организации было «Профессиональный Союз Беларуси», создаваемый с целью достижения объединения всех трудящихся, их воспитания в европейском мышлении, использования их рабочей силы добросовестно и на пользу новой Европе, а также обслуживания их в социальных и культурных отношениях» [3, л. 8]. Руководство размещалось в г. Минске, в округах планировалось создать окружные представительства. Эмблемой профсоюза было зубчатое колесо, символизирующее производство, в центре которого находился колос (благосостояние членов организации) и книга–эмблема (просвещение) [3, л. 22] На предприятиях назначались делегаты и помощники делегатов.

Традиционно членство в профсоюзной организации носит сугубо добровольный характер, однако в уставе было записано положение, что каждый рабочий независимо от профессии, получающий заработную плату, является ***обязательным*** членом профсоюза, т.е. членство было автоматическим. Косвенным доказательством массового принудительного вовлечения трудящихся в профсоюзы являлся тот факт, что из заработной платы всех рабочих и служащих в обязательном порядке высчитывался 1 % профсоюзный взнос, причем с начала оккупации, когда профсоюзы отсутствовали. Членство в профсоюзах запрещалось только евреям и цыганам. Граждане т.н. «вольных профессий» и ремесленники, желающие получить одиночное членство в профсоюзе, могли подать соответствующее прошение, внеся одновременно 1 % от месячного заработка, причем руководство имело право отказать таким лицам в членстве, не сообщая причину [2, л. 7 об.]. Только эти категории граждан имели право свободного выхода из профсоюза, но только через год после вступления и не позднее, чем за три месяца до конца календарного года. Членство в профсоюзе могло заканчиваться по причине выхода, исключения или смерти рабочего, а также (временно) если человек находился вне генерального округа Беларусь. Исключение могло последовать за грубое нарушение дисциплины и неблаговидные проступки. Если проступок был незначительным, допускалось восстановление членства. Решение об исключении принимал шеф-делегат профсоюза, отменить которое мог только генеральный комиссар.

В третьем параграфе Устава отмечалось, что профсоюз защищает интересы рабочих в социальной и культурной сферах, заботится об улучшении условий и справедливом вознаграждении труда, дает членам профсоюза юридические советы. С целью повышения производительности труда профсоюз организовывал курсы обучения рабочих или помогал в организации таковых. По потребности и возможности предусматривалось издание журналов и других видов печатной продукции для членов организации бесплатно или за деньги [2, л. 8 об.].

Ежемесячный членский взнос, как и в довоенное время, предусматривался в 1 % месячного заработка или прибытка (дохода) работника и уплачивался в конце месяца. Заработком считалось вознаграждение, получаемое работником за исполнение работы, а прибытком – сумма дохода, облагаемая налогом. Невыплата членского взноса могла повлечь принудительное удержание требуемой суммы на основании решения суда. Членские взносы удерживались работодателем и вносились им в профсоюз не позднее пятого числа каждого месяца. Индивидуальные члены должны были вносить деньги в бюро профсоюза [2, л. 8 об.].

Во главе профсоюза стоял шеф-делегат, который назначался генеральным комиссаром Беларуси и входил в состав коллаборационной организации Рады доверия. В своей деятельности шеф-делегат опирался на старших делегатов гебитскомиссариатов и городов [2, л. 23; 3, л. 20]. Руководитель профсоюза обладал полномочиями издавать инструкции внутреннего характера, по его указанию к началу каждого хозяйственного года составлялся проект бюджета профсоюзной организации, предусматривалась процедура ежегодного отчета шефа-делегата перед немецкими властями. Награждение сотрудников, приобретение и продажа недвижимого имущества совершались только с разрешения генерального комиссара. Таким образом, белорусская профсоюзная организация изначально целиком и полностью ставилась под контроль немецкой оккупационной администрации в лице генерального комиссара, о чем свидетельствует текст устава и вся деятельность организации [2, л. 9 об.].

Для представительства интересов на каждом предприятии или в учреждении с количеством сотрудников более 20 чел. выделялся один делегат-представитель. В случае если сотрудников было менее 20 чел., предприятие присоединялось к предприятию, близкому по профилю. Если сотрудников было 100–200 чел., выделялось два делегата, мужчина и женщина (если сотрудников обоего пола было не менее 20 чел.). Делегаты являлись общественными посредниками между персоналом и руководством. Делегатами могли быть только белорусы. Также создавались группы охраны труда из числа лучших сотрудников во главе с делегатами. Делегаты периодически участвовали в собраниях уполномоченных округа или города [3, л. 20].

Центральное бюро профсоюзов подразделялось на пять рабочих групп. Организационная группа занималась вопросами персонала, организацией работы профсоюзов, пропагандой национал-социалистических идей в прессе и среди членов профсоюзов. Группа социального обеспечения ведала обеспечением членов профсоюза жильем, продовольствием, организовывала отдых. Культурно-просветительская группа организовывала культурный отдых на предприятиях (концерты во время перерыва и после окончания работы, организация групп самодеятельности). Группа профессионального обучения отвечала за подготовку квалифицированных специалистов из числа молодежи и повышение уровня квалификации рабочих, карьерный рост лучших рабочих, организацию пропагандистских поездок в Германию или привлечение немецких

специалистов. Финансовая группа отвечала за распределение денежных средств [3, л. 21].

Главнейшей задачей, которую преследовали оккупационные власти, создать с помощью профсоюзов видимость заботы о правах трудящихся, а также, используя массовое членство, проводить агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих и служащих. С этой целью при Центральном бюро профсоюзов была создана пропагандистская группа (подчинялась отделу прессы и пропаганды генерального комиссариата Беларуси, согласовывая действия с белорусским старшим пропагандистом генерального комиссариата), которая обращалась с воззваниями к трудящимся в газете и листовках [4, л. 1, 16, 35]. Не позднее июля 1943 г. старшим пропагандистом были определены основные направления деятельности своей группы со старшим пропагандистом при отделе пропаганды генерального комиссариата Беларуси. Подготовка инструкций и материалов, распределение заданий между пропагандистами, согласование работы со структурами генерального комиссариата; пропаганда в сфере культурного обслуживания сотрудников предприятий и учреждений, развитие самодеятельности, организация спортивно-массовой работы; пропаганда среди рабочих с учетом специфики различных профессий и улучшения труда; ведение пропаганды среди молодежи, проходящей профессиональное обучение на предприятиях и в учреждениях; участие профсоюза в распределении рабочей силы через отдел труда и обслуживание граждан, направляемых в Германию, налаживание их переписки с родственниками [3, л. 12].

Пропагандистская работа велась исключительно интенсивно. В листовке «Ашуканства, пакуты і забойствы – шлях крывасмока Сталіна» описывались зверства Сталина, евреев и партизан и высказывалась от имени белорусского народа благодарность немецким властям за якобы предоставленную возможность работать без «прыгону калгасных брагадзіраў» [3, л. 8]. Слова благодарности пропагандисты адресовали также убитому белорусскими патриотами генеральному комиссару Беларуси В. Кубе, благодаря которому белорусский народ, якобы, получил возможность возрождения национальной культуры труда и просвещения. Создание профсоюзов – условие формирования европейского мышления у белорусских рабочих. Кардинальным отличием от советских времен стала возможность вступить в профсоюз лицам свободных профессий и предпринимателям, и что вместо расширения пролетарских масс и расширения борьбы за «социальное неравенство», как это было в СССР, созданы условия для воспитания трудящихся в духе национальной солидарности и всеобщего обогащения. В основе деятельности коллаборационных профсоюзов декларировалось «укрепление дружбы, сотрудничества и культурных отношений между трудящимися» [3, л. 9]. В заключение автор листовки Рябушко отмечал, что задачей белорусского народа является совместный с Германией труд для борьбы против «большевистского ига» [3, л. 9 об.].

2.01.1944 г. старший пропагандист утвердил график проведения концертов народных инструментов на предприятиях г. Минска. С 11 по 22.01.1944 г. планировалось провести концерты на 11 крупных предприятиях [3, л. 73–73 об.]. 8–12.02.1944 г. состоялось очередное посещение профсоюзными пропагандистами предприятий г. Минска, в ходе которых производилось обследование условий труда, питания рабочих, раздавался пропагандистский материал, производились доклады и концерты [3, л. 64]. Каждое воскресенье с 7.30 до 7.40 проводились выступления пропагандистов по минскому радио; помимо агитации сообщалось также расписание дальнейших пропагандистских акций группы пропаганды [3, л. 40–40 об.]. В апреле 1944 г. центральное бюро организовало трехнедельную поездку 24 белорусских рабочих и служащих в Германию (гг. Бреслау, Бойман, Вена, Зальцбург и Дрезден). 8.05.1944 г. в Германию была направлена еще одна группа [3, л. 76].

Одним из направлений деятельности пропагандистов было привлечение максимального числа рабочих к празднованию 1 мая. Отмечалось, что благодаря «заботам» немецких властей, жители Беларуси уже в третий раз получили возможность в торжественной обстановке отмечать 1 мая как «праздник труда и животворящей весны, дающий силы и новую молодость тем, кто хочет жить и работать с твердым убеждением, что его работа, согласно желаниям и убеждениям, ведет к лучшему будущему». Подчеркивалось, что этот день широко отмечается и в национал-социалистской Германии [3, л. 70–71]. При непосредственном участии профсоюзов прошло празднование 1 мая в г. Минске в 1944 г. На митинге (присутствовало 32 тыс. чел.) выступили городской комиссар и представитель профсоюзов, нарисовав собравшимся картину «светлого будущего» Беларуси под руководством Белорусской центральной рады. Аналогичные митинги в гг. Слуцке, Барановичах, Пинске, Бобруйске были инициированы Союзом борьбы против большевизма [5, л. 15].

Профсоюзные пропагандисты были задействованы также и в ходе мобилизации граждан Беларуси на принудительные работы в Германию. Абсолютное большинство граждан всячески уклонялось от вербовки, поэтому пропагандисты, полностью поддерживавшие данную акцию, стремились своей деятельностью якобы отстаивать интересы белорусов, апеллируя к оккупационным властям. В обращении пропагандистов к шефу отдела труда и социальной политики генерального комиссариата Беларуси Фройденбергу отмечалось, что в ходе отправки в Германию жителей г. Минска весной 1943 г. допускались перегибы: имели место многочисленные случаи отправки рабочих, в результате чего семьи оставались без кормильцев, или забирались домохозяйки, которые обслуживали работающих в местной экономике, ухаживали за иждивенцами. Пропагандисты просили предоставить им возможность посетить сборный лагерь, установить подобные факты и составить к 21–22.04.1943 г. списки людей, которых не следует пока отправлять в Германию до выяснения всех обстоятельств. К 24.04.1943 г. пропагандисты обещали обследовать семейное положение этих граждан, чтобы окончательно

освободить от угона хотя бы 5–10 %. Данный шаг, по мнению пропагандистов, помог бы завоевать доверие минчан и к ним самим, и к немецкой власти, стал бы проявлением «заботы» о белорусах [4, л. 1–1 об.].

Еще одним направлением деятельности профсоюзов было участие в подготовке трудовых резервов из числа местной молодежи. Профсоюзные пропагандисты выступали с воззваниями к молодежи, агитируя получать рабочие специальности, и инспектировали подготовительные курсы. По итогам экзаменов 5.11.1943 г на минском радиозаводе была подготовлена обширная докладная с оценкой состояния трудового обучения в г. Минске, адресованная уполномоченному профсоюзов Беларуси Шротару, отделу прессы и пропаганды центрального бюро и руководителю радиозавода [3, л. 35–36].

В подготовленной старшим пропагандистом 8.11.1943 г. статье, своеобразном обращении к будущим ученикам, отмечались «блага» обучения группы молодых белорусов (около 60 чел.) на радиозаводе: наличие униформы СБМ, агитация со стороны СБМ, хорошее обеспечение продовольствием, предоставление иногородним общежития, наличие специальных классов для занятий по теоретическим дисциплинам (черчение, изучение технологии, ряда общих предметов и немецкого языка) [3, л. 36]. Аналогично расписывались «прелести» обучения и в статье того же пропагандиста «Прафесійнае навучанне моладзі». Отмечалось, что после издания немецкими властями летом 1943 г. новых директив относительно процесса обучения, возможности получить рабочую специальность расширились. Обучение проводится на многих предприятиях в двух формах: подготовительное обучение (6 месяцев) и специальное обучение (18 месяцев). Ученики в процессе обучения получают заработную плату, половина которой изымается руководством предприятия и возвращается ученику в виде сберегательной книжки после окончания срока обучения. Молодежь информировалась, что зимой 1943 г.– весной 1944 г. работа курсов будет закончена, планируется набор новых групп [3, л. 42].

Профсоюзные пропагандисты привлекались оккупационными властями в процессе разъяснения местному населению ситуации на фронтах. В информационном листке № 17 с пометкой «для служебного пользования» русских пропагандистов» от 24.06.1944 г. содержатся показания якобы перебежчика из-под г. Витебска, в которых говорится, что советское командование очищает прифронтовую полосу на глубину 25 км от гражданского населения и препровождает его в рабочие лагеря. Отмечалось также якобы бедственное положение населения в вопросе обеспечения продовольствием в советском тылу, где хлебный паек составлял 300 гр хлеба в день. Данное сообщение интересно тем, что профсоюзные пропагандисты обвиняли советские власти в том, что в то же время успешно проводили на Беларуси сами немцы, очищавшие перед отступлением целые районы от населения, угоняя трудоспособных граждан на Запад и уничтожая нетрудоспособных. Продовольственный же паек работающих белорусов в годы немецкой оккупации составлял 200–250 гр хлеба [5, л. 40].

Проблема перемещения немцами белорусов затрагивалась профсоюзными пропагандистами в своих агитационных материалах еще в конце 1943 г., которые планировали использовать данную категорию граждан для пополнения антибольшевистских кадров. Возможность привлечения таких граждан к агитационной работе мотивировалась самим фактом их прибытия в Центральную и Западную Беларусь, поскольку они, якобы, осознано решили не оставаться в районах, занимаемых советскими войсками. При этом совершенно не брался во внимание тот факт, что абсолютное большинство этих людей насильственно перемешалось на запад немцами [4, л. 34 об.].

Замечания пропагандиста по поводу привлечения к труду трудоспособных граждан г. Минска (документ не датирован) являются иллюстрацией того, как оккупационные власти объясняли силовые действия в процессе трудоиспользования. Обязательная трудовая повинность мотивировалась необходимостью создания продукции, нужной для жизни самого белорусского народа, как залог победы над «плутократией и большевизмом», что требует от всех работоспособных активного участия. Немецкий народ ведет тотальную войну, и все европейские народы обязаны внести свой вклад в процесс созидания новой Европы. В то же время белорусы несознательны и отравлены большевистским влиянием, результатом чего стал слабый приток белорусских рабочих-добровольцев в Германию, что вынуждает немецкие власти применять силу в ходе мобилизации. Чтобы обосновать применение немцами силы, профсоюзный пропагандист использовал патерналистскую риторику, сравнивая подобное принуждение с принуждением, применяемым родителями по отношению к детям в процессе воспитания: «...дети родителям не всегда благодарны при их заставлении (так в тексте – **Е.Г.**) делать то, что, по разуму родителей, нужно, и лишь после работы или вернее исполнения ее дети, сначала недовольные, остаются весьма благодарными. Те взрослые, у которых родители были великодушны к ним и мало заставляли их трудиться и учиться, говорят, ах, как жаль, что их родители мало наказывали за своеволье и мало заставляли в молодости тому, в чем они их только приглашали, но по их же великодушию не заставляли» [4, л. 2]. Народы восточных областей (оккупированные территории СССР), в том числе и белорусы, в семье европейских народов представлялись детьми, которых необходимо заставлять делать то, в чем они впоследствии увидят хорошее.

Анализируя недочеты в процессе мобилизации белорусов на работы в Германию, старший пропагандист отмечает, что неоднократно имели место случаи отправки всех трудоспособных членов семьи, отмечает, что в других случаях напротив ряд членов семьи не работают, занимаясь работой на приусадебном хозяйстве или спекуляцией на черном рынке. Сам же пропагандист видел причину в том, что многие люди не работают на предприятиях из-за боязни отправки в Германию, и в то же время не считал причину приемлемой [4, л. 2–3]. Был высказан ряд предложений по интенсификации вербовки.

Предлагалось зарегистрировать на бирже труда всех домохозяек, имеющих на воспитании детей до 5 лет, ни в коем случае не посылать их в Германию, так как это создаст проблему с содержанием их детей, а лучше разрешить им добровольно работать на местных предприятиях. Необходимо также проверить воспитательный состав детских домов, изъяв оттуда сотрудниц, не имеющих детей, и направить их в Германию, а на их место определить женщин с детьми. Такая своеобразная «забота» о матерях и детях нанесет удар по большевистской пропаганде, которая как раз делает ставку на то, что немцы о них не заботятся [4, л. 3]. Предлагалось освобождать от поездки в Германию мужчин-вдовцов, воспитывающих не менее двух детей до 10 лет. Если же такие мужчины женаты вторично, то лучше посылать в Германию жен. В случае, если имеются дети и от второго брака, такие семьи в Германию не должны посылаться категорически. На место отправляемого в Германию одинокого рабочего всегда можно найти замену среди семейных [4, л. 3–4]. Подобные взгляды пропагандиста можно расценивать как его частное мнение, идущее вразрез с политикой немецких властей, которые высказывались за отправку в рейх целых семей.

Не логично, по мнению пропагандиста, было отправлять в Германию женщин, недавно вышедших замуж, поскольку возможное рождение ребенка отвлечет ее от работы. Если же у супружеской пары по истечении первого года брака детей нет, то они оба могут быть отправлены в рейх [4, л. 4]. Необходимо привлечь к труду всех граждан, независимо от того, где они могут работать, пусть даже на приусадебном хозяйстве, лишь бы платились налоги. Главное избегать ситуаций, когда при проверке документов в г. Минске таковые граждане прятались, боясь отправки в Германию, а при обнаружении их отправлялись независимо от их семейного положения. Во избежание подобного биржа труда должна отбросить подозрительность к лицам, которые долго не работали, однако пришли на регистрацию [4, л. 4].

В решении данной проблемы непосредственное участие должен принять профсоюз. Было предложено создать от 3 до 5 комиссий по обследованию семейного положения минчан, чтобы избегать отправки в рейх семейных граждан. В состав подобных комиссий предлагалось включить одного представителя СД, двух–трех белорусских полицейских и одного представителя профсоюзных пропагандистов (в документе приведены фамилии потенциальных кандидатов, в том числе и сам Колядко) [4, л. 5]. Комиссии должны были бы устраивать неожиданные проверки прописки граждан, выявляя незарегистрированных, а значит и нетрудоспособных лиц; обследование районов города необходимо проводить не планово, а неожиданно, причем вновь проверять уже обследованные районы; проводить проверки с 17.30 до 20.30 часов, когда большинство граждан дома. Материалы обследования предполагалось передавать отделу биржи труда, занимающемуся гражданами, уклоняющимися от трудовой повинности [4, л. 6].

Предложение профсоюзного пропагандиста нашло частичную поддержку немцев, была разработана специальная ведомость регистрации населения г. Минска инспекцией трудового контроля отдела труда по форме: номер дома, номер квартиры, фамилия и имя гражданина, национальность и год рождения, специальность и семейное положение [2, л. 7]. Однако облавы на трудоспособных в городе продолжались.

Одним из аспектов деятельности профсоюза являлась организация культурно-массовых мероприятий на предприятиях. Подобной работой было охвачено до 15 предприятий г. Минска, на которых дважды в месяц проводили концерты (с участием артистов драматического театра) во время обеденного перерыва либо по окончании рабочего дня продолжительностью один час, организовывалась художественная самодеятельность, были созданы две футбольные команды, на 9 предприятиях во время обеденного перерыва проводились занятия физкультурой, организованы курсы спортивных инструкторов (24 чел.), проводились шахматные турниры [4, л. 34]. Столь пристальное внимание к культурно-массовым мероприятиям вполне объяснимо. В условиях полуголодного существования абсолютного большинства рабочих, которые не воспринимали лозунги нацистской пропаганды о том, что (якобы их труд способствует формированию новой Европы, освобождению от «жидобольшевизма» и т.д.), профсоюзные активисты старались отвлечь трудящихся от повседневных проблем путем вовлечения их в культурную и спортивную работу (своеобразная сублимация негативных эмоций). Проводились выступления с пояснением роли профсоюза и других коллаборационных организаций (Белорусское научное общество, Союз белорусской молодежи), беседы о роли профсоюзного актива на предприятиях [4, л. 33 об.].

На минском радио была создана специальная рубрика «Рупор профсоюза». В радиовыступлении 5.12.1943 г. на тему «Профсоюзы Беларуси имеют свой устав» был дан краткий экскурс в историю организации профсоюзов: указаны даты создания профсоюзов в гг. Минске и Барановичах и Вилейке, организации Центрального бюро, кратко охарактеризован устав профсоюза и приведены выдержки, охарактеризована деятельность профсоюза г. Минска, начиная с 15.02.1943 г. На момент выступления городской профсоюз объединял 50 тыс. рабочих и служащих, их представителями являлись более 200 делегатов, организованы профсоюзные активы в виде групп охраны труда, в которые входило более 2 тыс. чел. Летом 1943 г. профсоюзный актив собирался дважды в месяц в городском саду. На подобных мероприятиях профсоюзные делегаты обучались маршировке, физкультурным упражнениям [2, л. 19]. Чтобы информация звучала более убедительно, приводилась цитата из выступления генерального комиссара Беларуси К. Готтберга от 21.12.1943 г., в котором он публично обещал профсоюзам поддержку немецких властей [2, л. 21]. В радиовыступлениях также звучали победные реляции о выдаче заводским столовым продуктов, помимо тех, что полагались рабочим по карточкам

(упоминалась выдача гороха, творога, мяса, яиц, капусты, сахарина), а также товаров народного потребления и мебели. Декларировалась забота о беженцах, бесплатный ремонт обуви для членов профсоюза [2, л. 29]. В целом, данные радиовыступлений отражали суть всей немецкой пропаганды, проводимой через профсоюзы: «...каждый белорусский рабочий и работница должны быть на том месте, где он наиболее необходим, где он может принести наибольшую пользу для своего народа и стать под своим белорусским флагом, который развернулся рядом с немецким, и призывает на путь светлого, счастливого будущего без евреев и большевиков» [2, л. 21].

Таким образом, созданные немецкими оккупационными властями коллаборационные профсоюзы лишь декларировали «заботу» о трудящихся и в принципе не решали никаких социальных задач. Центральное бюро профсоюзов было полностью подконтрольно немецкой оккупационной администрации и использовалось оккупантами лишь для ведения пропагандистской работы среди рабочих и служащих, насаждения нацистских идей. Профсоюзы рассматривались как инструмент эксплуатации рабочих оккупированной Беларуси.

1. Наша праца.–1944.–№ 2.–С. 1.
2. Национальный архив Республики Беларусь, ф.555, оп.1, д.4.
3. Национальный архив Республики Беларусь, ф.555, оп.1, д.3.
4. Национальный архив Республики Беларусь, ф.555, оп.1, д.2.
5. Национальный архив Республики Беларусь, ф.555, оп.1, д.5.

Е.Н. ДОКУНОВА

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Проигнорировав международные конвенции и обычаи ведения войны, элементарные требования гуманности, немецкие агрессоры совершили чудовищные преступления на оккупированной территории Беларуси. Среди них – массовое уничтожение советских военнопленных. В осуществлении этих преступных планов нацистской Германии служили лагеря для военнопленных.

Правовое положение военнопленных к началу Второй мировой войны было определено международными соглашениями: Гаагской конвенцией 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, Женевской конвенцией 1929 г. о режиме содержания военнопленных, Женевской конвенцией Красного Креста 1929 г. о судьбе раненых и больных в действующих армиях [1, с.156].

Женевская конвенция, являвшаяся в Германии с 1934 г. имперским законом, обязывала всех немецких солдат защищать пленных от насилия и встречать их с человечностью (Ст. 2), относиться к ним с необходимым

вниманием и уважением (Ст. 3) и заботиться об их содержании (Ст. 4). Пленных следовало размещать в прочных домах или бараках, безупречных с гигиенической точки зрения, а также заботиться об их достаточном продовольственном снабжении (Ст. 10 и 11). Рядовой состав, попавший в плен, разрешалось в строго определенных рамках привлекать к работе (Ст. 27–34). С точки зрения дисциплины все пленные попадали под действие военного уголовного права Германии, при этом наказывать их полагалось так же, как в подобных случаях наказывали немецких солдат (Ст. 45–67). Эти правила считались обязательными для каждой страны, независимо от того, ратифицировала она эту конвенцию или нет [2, с. 15].

Несмотря на это, исходным положением немецких документов об обращении с советскими военнопленными определило в значительной степени то, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 г. о содержании военнопленных. Немецкие власти использовали это для отказа от соблюдения стандартов международного права в отношении размещения, питания, медицинского обслуживания и физической неприкосновенности советских военнопленных. Подтверждением тому служит одно из положений приказа Главного командования сухопутных войск от 21 октября 1941 г.: «7. Советский Союз не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г, а поэтому с нашей стороны нет обязательства обеспечивать советских военнопленных установленным этим соглашением количеством продовольствия и предусмотренной квотой» [3, л. 109].

Однако устав Нюрнбергского международного военного трибунала и Приговор суда квалифицировали нарушение законов и обычаев войны нацистской Германией в годы Второй мировой войны как тягчайшие международные преступления – военные преступления и преступления против человечности.

В Приговоре международного военного трибунала отмечается, что, находившиеся в руках гитлеровцев военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности. Нюрнбергский процесс определил, что обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью, их убийства имели организованный, систематический и планомерный характер, при этом гитлеровцы не считались ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали [4, с. 84].

Режим, установленный немецко-фашистскими захватчиками в лагерях для военнопленных, имел в отдельных лагерях лишь незначительные различия, как, например, в отношении жилищных условий или рода выполняемой работы, и на протяжении войны имел некоторые изменения, связанные с использованием военнопленных в качестве рабочей силы. В принципе система содержания советских военнопленных в лагерях была одинакова и имела целью физическое уничтожение.

Так, в качестве примера, рассмотрим лагерь военнопленных – Дулаг № 121 г. Гомеля, подчинявшийся 203-й охранной дивизии, а также коменданту по делам военнопленных округа «Р». Гомельский лагерь № 121 назывался Центральным пересыльным лагерем. Бышие советские военнопленные Бердичевский М.Г., Фирсов Н.Д. и свидетель Пашкевич А.А. рассказали: «...В результате голодания и нечеловеческих условий существования, военнопленные совершенно теряли человеческий облик, наступало психическое отупение, безразличие ко всему, кроме пищи. Впечатление от этой продуманной нацистами системы планомерного уничтожения русских было тяжелое...» [5, л. 191].

Создав лагерь, как средство массового уничтожения советских военнопленных, нацисты до мельчайших деталей продумали технику гибели военнопленных. Прежде всего, лагерь был организован в помещениях, совершенно неприспособленных для жилья, в котором отсутствовали не только нары, но и не было потолка, пола и окон. Он был устроен в конюшнях одного из кавалерийских полков, дислоцировавшегося до войны в Гомеле. В таких помещениях военнопленные вынуждены были лежать на голой земле, в грязи на сильном сквозняке. В этом, совершенно не оборудованном лагере, гитлеровцы умудрялись содержать до 30–35 тыс., а временами и до 60 тыс. советских военнопленных. Результатом этого была чрезмерная скученность, доходившая до того, что люди совершенно не имели места, где можно было бы стоять, а не только лежать. Значительная часть военнопленных была вынуждена находиться под открытым небом, независимо от времени года и состояния погоды. Бывшие военнопленные Шапоров И.М., Шумский С.Ф. и Якушев М.Н. сообщили: «...В конюшнях находились русские военнопленные около 60000 чел. Они были слишком переполнены. Конюшни были не оборудованы и не утеплены, без пола и окон, и люди валялись в грязи...»; «...В конюшнях было такое количество людей, что трудно было найти место, где можно было свободно постоять. Многие утром не просыпались, так как были мертвы...»; «...Эти бараки не могли вместить всех военнопленных, поэтому большая часть военнопленных находилась под открытым небом...» [6, л. 192].

В каждом бараке было по одной печи, например, в бараке размером в длину 25 м, ширину 10 м и высоту 5 м. Всего бараков было 15–20. В лагере военнопленные были разбиты по ротам. Спать пленные ложились летом в 22 часа, а зимой в 21 час. Подъем был летом в 5 часов, а зимой в 6 часов. На обеденный перерыв давался 1 час, а в остальное время военнопленные находились на работах. Нарушителей распорядка дня допрашивали, после чего сажали в карцер и непосредственно заставляли работать. В карцер сажали нарушителей до 14 суток по распоряжению коменданта лагеря [7, л. 22].

Игнорируя международные законы о порядке ведения войны и правил содержания военнопленных, нацисты морили их голодом, тем самым умышленно обрекали их на мучительную смерть. Многочисленные показания пострадавших военнопленных свидетельствуют о том, что в начальный период

существования лагеря военнопленным в течение суток, кроме одного литра супа (баланды), состоявшего из гречневой шелухи, ячменных отрубей или мороженого картофеля, ничего не давали. Так, военнопленные Ефимов В.Н., Прошин И.Ф. Крылов В.А. сообщили: «...В день для военнопленных выдавался суп «баланда», из отрубей и мерзлой картошки; хлеба совсем не давали...»; «...Питание военнопленных было очень плохое: один литр «баланды» из мерзлой картошки в день...» От систематического недоедания и недоброкачественной пищи, содержавшей различные суррогаты, советские военнопленные страдали острыми желудочно-кишечными болезнями.

Усугубляло положение военнопленных отсутствие элементарной медицинской помощи. Гитлеровцы не давали военнопленным даже воды для питья и умывания. В баню их не водили, белья не меняли. Военнопленные не имели обмундирования, ходили в лохмотьях, головных уборов и обуви также не было. Советские военнопленные находились в чрезмерной скученности, в холодных помещениях, совершенно разутые и раздетые. Военнопленный Фирсов Н.Д. рассказывал: «...В лагере царила антисанитария, в баню русских военнопленных не водили, белья не давали. Русские военнопленные ходили в почерневшем от грязи белье, на ногах была рваная обувь, а некоторые не имели обуви, ходили босиком. Воды русские военнопленные не получали ни для питья, ни для умывания. Конюшни, где помещались пленные, были битком набиты. Вшивость от тесноты и грязи была общая...». Преднамеренно созданные в лагерях невыносимые для человека условия породили различные инфекционные заболевания: дизентерию, тиф, туберкулез и другие, вследствие которых люди гибли в большом количестве. Больные и здоровые содержались в одном помещении. Ежедневная смертность среди военнопленных достигала 200–500 чел. Этот факт подтверждал бывший военнопленный Фирсов Н.Д.: «...Смертность достигала до 300 человек в день. За одну неделю конца ноября и начала декабря 1941 г. умерло свыше 2000 человек...» [8, л.194].

В лагере нацисты ввели систему телесных наказаний виновников за малейшее нарушение лагерного порядка, привязывали к столбу, после этого палачи зверски избивали его резиновыми дубинками, палками, прикладами, проволокой. Пострадавший Ефимов В.Н. и свидетель Быковский И.Л. сообщали: «...Зимой 1942–1943 гг. за какую-либо провинность раздевали военнопленного, привязывали к столбу и замораживали...»; «...Зимой 1942-1943 гг. немцы военнопленных евреев раздевали догола, обливали холодной водой в сильные морозы и оставляли их на улице, на территории лагеря, где они умирали...».

Привязывали к столбу и зверски истязали за то, что военнопленный, истощенный голодом, не мог подняться и пойти на работу. Избивали за то, что военнопленный хотел скушать вторую порцию баланды и за другие повинности. Бывший военнопленный Шумский С.Ф. сообщал: «...Многие из военнопленных были до такой степени истощены и измучены, что не в состоянии были выйти по естественным надобностям, оправлялись под себя. Как только об этом

узнавали полицейские, виновника привязывали к столбу, а к лицу подвешивали банку с его испражнениями. Так он должен был простоять 12 часов, а иногда и больше. Причем полицейские наносили удары палкой, другие резиновой плеткой или же проволокой. Многие, и без того потерявшие всякие силы, не выдерживали и умирали [9, л. 126].

Советских людей избивали, им наносили ножевые ранения только за то, что они не приветствовали немцев. Так, пострадавший Голышенко К.М. рассказал: «... Розен (комендант лагеря) запомнился в моей памяти тем, что он зверски относился к военнопленным. Избивал резиновой палкой и даже наносил ножевые ранения пленным лишь только за то, что его не приветствовали...» [10, л. 197].

Вся система гитлеровских лагерей для советских военнопленных была рассчитана на их быстрое, а главное – тотальное уничтожение. Режим в этих лагерях по своей жестокости почти не отличался от режима, существовавшего в концлагерях, хотя по международному праву военный плен – это не преступление. Режим в лагерях для военнопленных в отличие от концентрационных лагерей характеризовался следующими особенностями:

1. Охрану лагерей для военнопленных несли войска вермахта.
2. Внутреннее управление и надзор военнопленных осуществляли полицейские из числа самих военнопленных.
3. Военнопленные находились в военной форме, в которой они попали в плен, а не в полосатых арестантских костюмах.
4. За политическим настроением военнопленных вели наблюдение офицеры армейской контрразведки и по согласованию с командующим вермахта их контролировали органы гестапо. Тех военнопленных, которых считали наиболее опасными в политическом отношении, либо уничтожали сразу же после выявления, либо направляли в концентрационные лагеря.

1. Шарков, А.В. Правовое регулирование военного плена в годы Второй мировой войны и послевоенный период / А.В. Шарков // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў / Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, НАРБ, 2004.
2. Попов, Ю.Н. Исторический анализ правового положения военнопленных в годы Первой и Второй мировых войн / Ю.Н. Попов // «Война и плен. Мартиролог» – Минск: Юнипак, 2005.
3. НАРБ, ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 952.
4. Саваняка, М.Я. Прававыя асновы ваеннага палону напярэдадні і ў гады Другой сусветнай вайны / М.Я. Саваняка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4.
5. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.
6. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.
7. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.

8. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.
9. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.
10. НАРБ, ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2849.

А.І. КОРСАК

ВЫРАШЭННЕ "ЯЎРЭЙСКАГА ПЫТАННЯ" НА ТЭРЫТОРЫІ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ "ЛІТВА" НА ПРЫКЛАДЗЕ ВІДЗАЎСКАГА ГЕТА

Відзы на сённяшні дзень – гэта невялікі пасёлак гарадскога тыпу, які знаходзіцца ў паўночна-заходняй частцы Віцебскай вобласці з 2-тысячнай колькасцю пражываючага насельніцтва, сярод якога асоб яўрэйскай нацыянальнасці амаль няма.

Яшчэ да пачатку ваенных дзеянняў супраць СССР нацысты распрацавалі план адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу акупіраваных у будучым зямель, рэалізацыя якога з некаторымі змяненнямі адбылася восенню 1941 г. Так, тэрыторыя з улікам нацыянальнасці насельніцтва і ў прыблізным суаднясенні з межамі дзеянняў груп армій дзялілася спачатку на рэйхскамісарыяты: "Украіна" на чале з Э. Кохам і "Остланд", якім кіраваў Г. Лозе. Рэйхскамісарыяты складаліся з генеральных акруг: "Беларусь", "Літва", "Валынь–Падолія", "Жытомір", тылавы раён групы армій "Цэнтр". Генеральныя акругі ў сваю чаргу падзяляліся на абласныя акругі (гебіты).

Што датычыцца паўночна-заходняй тэрыторыі сучаснай Віцебшчыны і Міншчыны, то частка Ашмянскага, Свірскага, Відзаўскага, Астравецкага, Смаргонскага і Пастаўскага раёнаў далучылі да генеральнай акругі "Літва" на чале з генеральным камісарам Андрыянам фон Рэнтэльнам [1, с. 204]. Такім чынам, па выніках адмініставцыйна-тэрытарыяльнага падзелу Відзы былі ўведзены ў склад Вільнюскага гебіта Швянчонскага уезда генеральнай акругі Літва.

Швянчоніс быў акупіраваны немцамі 27 чэрвеня 1941 г. Адразу былі ўстаноўлены нацысцкія органы акупацыйнай улады на тэрыторыі ўезда, кіраўніком якога быў прызначаны Міколас Кукутіс, бургамістрам горада–Вінцас Блажыс. На чале паліцыі ў 1941 г. стаяў маёр Пятрас Янушкавічус [2, с. 49].

Свае абавязкі мясцовае кіраўніцтва выконвала старанна, асабліва калі гэта датычылася яўрэйскага насельніцтва, жыццё і правы якіх абмяжоўваліся рознымі распараджэннямі акупацыйных улад. Так, камісар Вільнюскай акругі Х. Вульф 18 жніўня 1941 г. выдаў загад сваім падначаленным на месцах аб абавязаннасці яўрэяў насіць апазнавальныя знакі і пражываць у гета. На падставе дадзенага распараджэння М. Кукутіс 25 жніўня 1941 г. даводзіць да мясцовага яўрэйскага насельніцтва аб забароне набываць прадукты харчавання ў сялян на вуліцах і паблізу дарог, наведваць рынкі да 11 гадзін дня, дазвалялася купляць прадукты ў магазіне, але толькі ў прамежак часу з 17 да 18 гадзін [2, с. 52].

Трэба адзначыць, што гета на пачатак акупацыі тэрыторыі яшчэ не было створана – яўрэі працягвалі пражываць на сваіх старых месцах. Але былі знішчаны непатрэбныя, на погляд нацыстаў, элементы з ліку яўрэйскага насельніцтва, пакінулі толькі тых, хто меў пэўную працоўную кваліфікацыю і іх сем'і. Пра гэта сведчыць справаздача камандуючага аператыўнай каманды–3 аб вырашэнні яўрэйскага пытання ў Літве (чэрвень 1941 г.): "Я магу сёння сцвярджаць, што мэта вырашыць яўрэйскую праблему ў Літве выканана аператыўнай камандай 3. У Літве больш няма яўрэяў, акрамя тых, хто патрэбны для працы і іх сем'яў. Гэта: у Шаўляі 4500 чал., у Каўнасе 15000, у Вільнюсе 15000... Гэта яўрэі і іх сем'і ні ў якім разе не павінны быць расстраляны...(пер. аўтара.)" [3, с. 75].

У чэрвені 1941 г. нямецкія войскі ўступілі ў Відзы. Асаблівасцю населенага пункта было тое, што на яго тэрыторыі не адбывалася значных баёў. Галоўныя напрамкі наступлення вермахта мінулі яго.

У першы тыдзень акупацыі нацысты прыступілі да канчатковага вырашэння "яўрэйскага пытання" на рэгіянальным узроўні. Так, у раёне Відзаўскага возера было расстраляна каля 50 чалавек яўрэяў, у тым ліку дзеці, старыя і жанчыны. "Перад расстрэлам іх падверглі зверскім пыткам: жанчын і дзяўчат распранալі дагала, гвалтавалі і забівалі, а потым усіх загналі ў возера. Прычым частка яўрэяў патанула, а астатніх расстралялі на беразе возера" [4]. У тэкстах дзённіка дырэктара бібліятэкі Вільнюскага гета Германа Крука пададзена іншая лічба – 80 чал. [2, с. 69].

Восенню гэтага ж года было створана гета ў межах сучасных вуліц Пушкіна і Горкага г.п. Відзы, старастай прызначаны Л. Левін[1]. Умовы існавання былі невыноснымі, скіраваныя, у першую чаргу, на фізічнае знішчэнне праз голад, холад і распаўсюджанне розных інфекцыйных хвароб. Акрамя таго, вязні гета кожны дзень выконвалі свае працоўныя абавязкі перад акупацыйнымі ўладамі на патрэбы нацысцкай Германіі. Паводле ўспамінаў мясцовай жыхаркі В.М. Дзевянчуковай: "... мне было 9 год, калі немцы прыйшлі ў Відзы, у пасёлку яны стварылі гета, якое было агароджана дротам, знаходзілася ў Відзах за ракой. Памятаю, як зараз, у немцаў былі вялізныя плошчы памідор, а яўрэі іх палолі..."[2].

Вясной 1942 г. сярод вязняў распаўсюдзілася эпідэмія сыпнога тыфу. Вядома, што немцы баяліся розных інфекцыйных захворванняў, таму дзеля барацьбы з хваробай на тэрыторыю гета быў адпраўлены ўрач Х. Гінзбург. Згодна яго успамінаў пасля прыбыцця на тэрыторыю лагера: "... гета было агароджана высокім плотам, але аховы не было. Тэрыторыя лагера была вызвалена ад мясцовага беларускага і польскага насельніцтва. Выхад быў вольны. Так было да восені 1942 г. Сыпным тыфам захварэла чалавек каля 10, іх удалося ізаляваць..." [5].

---

[1] Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Адамовіч В.М. 1926 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна
[2] Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

16 ліпеня 1942 г. Вільнюскі акруговы камісарыят інфармаваў Вільнюскую біржу працы, што ў Відзаўскім гета знаходзіцца 444 працаздольных яўрэя – 291 мужчына і 153 жанчыны. 6 жніўня 1942 г. Швянчонская біржа працы даводзіць да ведама Вільнюскай біржы працы, што ў Відзаўскім гета пражывае 1505 яўрэяў. Сярод іх 721 чал. – працаздольныя мужчыны і жанчыны. У той час на розных работах было занята 520 яўрэя гета, у 210 працаздольных вязняў гета не было працы [2, с. 69].

У канцы лета ў зоне беларуска-літоўскага памежжа была праведзена акцыя па ліквідацыі малых гета. Перад акцыяй акупацыйныя ўлады рабілі рэгістрацыю ўсіх працаздольных яўрэяў, каб ведаць, колькі яўрэяў можна пакінуць у жывых і колькі знішчыць непрацаздольных.

У пачатку лістапада 1942 г. у Відзы прыбылі паліцэйскія атрады украінцаў і літоўцаў. Афіцыйнай версіяй іх прыезда была арганізацыя экспедыцыі ў раёне Каз'янскага леса [5].

Паводле ўспамінаў відавочцаў: "... калі яўрэі даведаліся, што іх будуць страляць, яны прыходзілі да людзей хавацца. Хавалі і ў маёй сям'і яўрэйскага пастуха, ён ў нас прабыў два дні, а на трэці дзень, уночы, пастукалася яго радня і забрала. Былі і такія ў пасёлку, якія за гэта бралі грошы. Мы грошаў не бралі, як жа не пусціш, калі тыя падалі на калені. Людзі раней былі дружныя і не баяліся смерці, хоць і разумелі, што іх чакае за ўкрыццё яурэяў толькі смерць. Немцы то немцамі, але і былі мясцовыя бандыты, якія здекваліся з яўрэяў і рабавалі іх, але пра гэта даведаліся немцы і вывезлі бандытаў за могілкі. Доўга іх там мучалі, патрабавалі аддаць нарабаванае, а потым расстралялі"[3].

Наконт таго, калі было знішчана Відзаўскае гета , існуе рознагалоссе. У Расійскай яўрэйскай энцыклапедыі падаецца снежань 1942 г. [6]. У літоўскім выданні "Гетто Ошмянского, Свирского, Швянчонского уездов: списки узников" на падставе дадзеных Літоўскага дзяржаўнага цэнтральнага архіва наогул сказана, што "... восенню ўсе відзаўскія яўрэі (за выключэннем 72 чал.) былі пераведзены ў Швянчонскае гета. Затым 4 красавіка 1943 г. яны разам з астатнімі вязнямі былі вывезены ў Вільнюс і на наступны дзень расстраляны ў Панярай" [2, с. 69]. Тое, што нацысты пачалі акцыю па ліквідацыі гета ў Відзах восенню 1942 г., пацвярджаюць і ўспаміны мясцовых жыхароў: "... у саміх Відзах яўрэяў не расстрэльвалі, восенню іх вывезлі за пасёлак"[4]. Колькасць знішчанага яўрэйскага насельніцтва ў гета Відзаў падаецца ў 2708 чал. [4; 6]. З вышэй прыведзеных дадзеных можна меркаваць, што частка яўрэяў Відзаў была знішчана непасрэдна ў мястэчку, а частка (верагодна, працоўная) пераведзена спачатку ў Швянчонскае, а затым Вільнюскае гета, вязні якога часткова былі знішчаны ў 1943 г., астатнія пераведзены ў лагеры Эстоніі з наступнай ліквідацыяй у 1944 г. [7, с. 168–170]. Улічваючы тое, што згодна ўспамінам Х. Гінзбурга, украінскія і літоўскія атрады з'явіліся на тэрыторыі Відзаў у

[3] Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна
[4] Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

лістападзе 1942 г., а на момант 22 лістапада гэтага ж года гета яшчэ існавала, то можна зрабіць вывад аб ліквідацыі часткі гета на памежжы лістапада–снежня, адсюль і ідзе розніца ў датах знішчэння відзаўскіх вязняў.

Такім чынам, гета ў Відзах праіснавала каля года – восень 1941 г.–восень – снежань 1942 г. Невялікі *тэрмін існавання быў характэрны для ўсіх* малакалькасных гета на акупіраванай тэрыторыі Беларусі.

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна. – Мн.: БЕЛТА, 2001. – 688 с.

2. Гетто Ошмянского, Свирского, Швянчёнского уездов: списки узников. – Вильнюс: Литовский государственный центральный архив, 2009. – 659 с.

3. Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов.– М.: Европа, 2006. – 400 с.

4. НАРБ. – Ф. 845. – Воп. 1. – Спр. 64. – Л. 3.

5. Ханоих Давидович Гинзбург. Видзы Браславский район. Режим доступа: http://shtetle.co.il/Shtetls/vidzy/vidzy.html.

6. Видзы // Российская Еврейская Энциклопедия. Режим доступа: http://rujen.ru/index.php.

7. Крысин, М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность / М.Ю. Крысин. – М.: Вече, 2007. – 576 с.

А.М. ЛІТВІН

ПРЫМУСОВАЯ ПРАЦА НАСЕЛЬНІЦТВА СТОЛІНШЧЫНЫ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТЫ І ЎСПАМІНЫ ОСТАРБАЙТЭРАЎ

Адной з недастаткова распрацаваных у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі тэм з'яўляецца тэма выкарыстання прымусовай працы насельніцтва Беларусі на карысць нацысцкай Германіі ў гады Другой сусветнай вайны. Па шэрагу прычын гісторыя прымусовай працы савецкіх людзей, гісторыя остарбайтараў замоўчвалася як у савецкай, так і германскай гістарыяграфіі. Дакументы аб рэжыме жыцця насельніцтва на акупіраванай тэрыторыі, дзейнасці нямецкіх акупацыйных органаў, прамысловых і сельскагаспадарчых прадпрыемстваў, судова-прававых, карных, фінансавых, навучальных, лячэбных і іншых устаноў доўгі час заставаліся засакрэчанымі. У навуковае карыстанне яны пачалі ўводзіцца толькі з канца 80-х гадоў XX ст. [1, с. 27]. Да яе навуковага асвятлення айчынныя даследчыкі прыступілі толькі ў апошнія дзесяцігоддзі. Асабліва актывізавалася гэтая праца з пачатку 90-х гадоў у сувязі з прыняццем урадамі Германіі і Аўстрыі рашэння аб выплаце кампенсацый за прымусовую працу былым остарбайтарам.

На акупаваных жа тэрыторыях выкарыстанне мясцовай працоўнай сілы акупанты пачалі выкарыстоўваць фактычна з першых дзён акупацыі.

Згодна з распараджэннем рэйхсміністра акупіраваных усходніх абласцей А.Розенберга ад 5 жніўня 1941 г. уводзілася абавязковая працоўная павіннасць для мясцовага насельніцтва ва ўзросце ад 18 да 45 год, у тым ліку і жанчын. У распараджэнні падкрэслівалася, што рэйхскамісары "могуць для пэўных груп жыхарства пашырыць або абмежаваць абавязак да працы". На практыцы, як сведчаць архіўныя дакументы, узроставыя рамкі працоўнай павіннасці карэкціраваліся на месцах і пашыраліся на жанчын ад 15 да 55-гадовага ўзросту [2, арк. 229]. Аднак, як бачна з успамінаў сведкаў, звычайна да прымусовай працы прыцягвалася моладзь і больш маладога ўзросту, а таксама жыхары больш сталага веку. У якасці прыкладу можна прывесці захопленыя партызанамі кавалерыйскага атрада Матавілава ў 1941 г. дакументы, сярод якіх была дакладная запіска ваеннага каменданта г. Барысава. У ёй адзначалася, што згодна інструкцыі ўсё працаздольнае насельніцтва ад 10 да 65 год узята на ўлік. Уведзена абавязковая працоўная павіннасць. Усе заняты на дарожных і земляных працах. Працоўныя калоны суправажае канвой [3, арк. 128–129]. Прыцягненне да прымусовай працы мела ў розных месцах свае асаблівасці, звязаныя з наяўнасцю працаздольнай працоўнай сілы, патрэбамі гаспадаркі і г.д. Агульным было патрабаванне ўліку і рэгістрацыі працоўнай сілы і яе прымусовае выкарыстанне ваеннымі і акупацыйнымі органамі. Улікам працаздольнага насельніцтва займаліся спецыяльна створаныя аддзелы і біржы працы (арбайтсамты). Галоўнай задачай гэтых органаў быў прымусовы ўлік усіх працаздольных і прыцягненне іх да працы. Яны адначасова з'яўляліся як органамі акупацыйнай адміністрацыі, так і органамі агульнагерманскай службы працы.

Так, напрыклад, усе жыхары Навагрудскай акругі ва ўзросце ад 14 да 60 год павінны былі зарэгістравацца да 10 лютага 1942 г. Пры рэгістрацыі падаваліся звесткі аб месцы жыхарства, даце нараджэння, сямейным становішчы, колькасці дзяцей, прафесіі і асвеце. За невыкананне ў вызначаны тэрмін рэгістрацыі парушальнік прыцягваўся да адказнасці ў выглядзе арышту, ці штрафу ў памеры 1 тысячы руб. [4, арк. 12].

Тэрыторыя сучаснага Столінскага раёна ў гады Вялікай Айчыннай вайны ўваходзіла ў склад былых Столінскага і Давыд-Гарадоцкага раёнаў Пінскай вобласці. Узбуйненне раёнаў у адзін раён адбылося ў студзені 1961 г. Напярэдадні вайны тут пражывала 100113 чал. З іх: 86965 беларусаў, 9021 яўрэяў і 3396 палякаў. Акупацыя Століншчыны нямецкімі войскамі адбылася ў першай дэкадзе ліпеня 1941 г. 6 ліпеня 1941 г. нямецкія войскі ўвайшлі ў Столін. Як і ў іншых захопленных раёнах ў першы месяц акупацыі раёнам кіравала ваенная камендатура, якая была ў жніўні заменена грамадзянскай адміністрацыяй. Століншчына была ўключана ў Генеральную акругу Валынь (Generalbezirk Wolyn), якая ў сваю чаргу дзялілася на 24 акруг – гебітаў [5, с. 307–308.] Столін атрымаў статус цэнтра акругі, у ім быў створаны

акруговы камісарыят (гебітскамісарыят) – орган, які кантраляваў працу грамадзянскага кіраўніцтва. На чале яго стаяў гебітскамісар. Гебітскамісарыят знаходзіўся ў былым палацы князя Радзівіла у Манькавіцкім парку. Лепшыя будынкі горада былі заняты ўпраўленнямі камісарыята, жандармерыяй, паліцыяй.

У Столінскім і Давыд-Гарадоцкім раёнах да вайны пераважала сельскагаспадарчая вытворчасць, пераважная частка насельніцтва займалася сельскай гаспадаркай. Акрамя працы па выкананню сельскагаспадарчых паставак жыхары раёнаў прыцягваліся да прымусовай працы на дарожным будаўніцтве, у лясной гаспадарцы, працы на Давыд-Гарадоцкай судаверфі і г.д.

З першых дзён акупацыі раёна захопнікі пачалі выкарыстоўваць мясцовае насельніцтва ў якасці дарэмнай працоўнай сілы як пры выкананні бягучых вайсковых спраў, так і пры рэалізацыі сталых гаспадарчых праграм і планаў акупантаў. Таму забяспячэнне мясцовай працоўнай сілай шэрагу прамысловых і сельскагаспадарчых прадпрыемстваў, аб'ектаў ваенна-будаўнічага прызначэння было адной з галоўных функцый органаў акупацыйнай улады. На тэрыторыі Столінскага гебіта буйных прадпрыемстваў не было. З найбольш значных прадпрыемстваў была Давыд-Гарадоцкая судаверф, якая мела два лесапільныя заводы, дрэваапрацоўчы і кавальска-слясарны цэхі, прыстань. На другім буйным прадпрыемстве Давыд-Гарадка – гарбарным заводзе працавала каля 60 чал. У Століне напярэдадні вайны працавалі мэблевая фабрыка, слясарна-механічная, калёсная, бандарная майстэрні, дзе працавала каля 500 чал. Акрамя таго, на тэрыторыі Століншчыны было некалькі невялікіх лесапільных і цагляных заводаў, спіртзаводаў і млыноў. Зразумела, што акупанты імкнуліся выкарыстаць любую магчымасць, каб існуючыя прадпрыемствы працавалі на карысць фронту і Германіі. Асаблівую ўвагу яны ўдзялялі лясным багаццям, паколькі драўніна з'яўлялася ваеннай сыравінай. Таму па-драпежніцку высякаліся лясы, у тым ліку і векавыя дубы ў пойме Гарыні і Прыпяці. З першых дзён акупацыі пачалося метадычнае рабаванне сялянскіх гаспадарак Століншчыны. Акупанты шляхам вайсковай канфіскацыі імкнуліся як мага болей вывезці збожжа, садавіны, гародніны, буйной рагатай жывёлы, свіней, дамашняй птушкі і г.д. За невыкананне ці зрыў паставак прымяняліся штрафы, цялесныя пакаранні, турэмнае зняволенне і адпраўка сялян у працоўныя і канцэнтрацыйныя лагеры, расстрэлы і спаленне вёсак разам з насельніцтвам.

Знаёмства з архіўнымі матэрыяламі паказвае, што да канца 1942 г. асаблівых праблем з выкананнем паставак у акупантаў не было. Аднак з пашырэннем на тэрыторыю Століншчыны партызанскага руху, дзякуючы баявой актыўнасці падпольшчыкаў, узрастаючаму супраціўленню насельніцтва значная частка нарабаванага акупантамі дабра заставалася партызанам ці знішчалася. Так, былы камандзір партызанскага злучэння Антон Пятровіч Брынскі ў сваіх успамінах піша аб тым, што ў пачатку 1942 г. столінскія падпольшчыкі на станцыі Гарынь падпалілі будынак, у якім знаходзілася больш 200 свіней і каля 100 кароў, якія немцы адабралі ў насельніцтва і збіраліся

адправіць у Германію. Узнялася паніка. Выкарыстаўшы яе, падпольшчыкі змаглі загнаць кароў у лес, а потым раздзяліць іх паміж сялянамі суседніх вёсак [5, с. 325]. Шмат звестак аб дзейнасці партызан і падпольшчыкаў па зрыву эканамічных мерапрыемстваў захопнікаў ёсць сярод дакументаў партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Століншчыны. Ішла жорсткая барацьба на выжыванне. У ёй месцамі прымяняліся ўсе магчымыя сродкі. Адным са сродкаў усталявання «новага парадку», барацьбы супраць партызан, вынішчэння мірнага насельніцтва былі карныя аперацыі, якія праводзіліся з першых дзён акупацыі. Сельскае насельніцтва неахвотна плаціла падаткі, а ў большасці вёсак партызанскай зоны іх прыходзілася браць сілай. Пры гэтым акупанты праводзілі палітыку «выпаленай зямлі», пад час якой вынішчалася насельніцтва і спальваліся партызанскія вёскі. У 1942 г. была спалена з часткай насельніцтва вёска Гарадная. У 1943 г. такі лёс напаткаў вёскі Беразцы, Бухлічы, Варані, Велямічы, Кораб'е, Люты Бор, Ястрабель. Але найбольшага размаху палітыка "выпаленай зямлі" дасягнула ў 1944 г., калі ў жудасным агні згарэлі разам з часткай жыхароў вёскі Аздамічы, Альманы, Альшаны, Атвержыцы, Белавуша, Вялікія Вікаравічы, Вялікі Лес, Гарадзішча (хутары), Кароцічы, Калонія-Пасошкі, Малыя Вікаравічы, Люты Бор, Мачуль, Нячатава, Струга, Фядоры, Хотамель. Цалкам былі спалены вёскі Рубель(730 двароў, знішчана 122 чал.), Беразцы (203 двары, 28 чал.), Атвержыцы (131 двор, 7 чал.), Хотамель (134 двары, 7 чал.), адна хата з 173 засталася ў в. Калонія-Пасошкі, дзве з 202 у в. Альманы, тры з 140 у в. Кароцічы, 40 з 340 у в. Манькавічы.

Вялізныя страты на франтах, мабілізацыя ў войска ўсё новых кантынгентаў вайсковаабавязанных прывялі да вострага дэфіцыту працоўнай сілы, што вымусіла Гітлера пайсці на шырокае выкарыстанне прымусовай працы грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных з захопленых Германіяй краін.

У кастрычніку 1941 г. Гітлер дазволіў спачатку выкарыстанне працы савецкіх ваеннапалонных для патрэб ваеннай эканомікі, а ў лістападзе Герынг выдаў дырэктывы аб выкарыстанні савецкай працоўнай сілы, што стала першым сігналам будучай буйнамаштабнай акцыі па мабілізацыі савецкага насельніцтва на працу ў Германіі.

Непасрэдная вярбоўка на працу ў Германію пачала праводзіцца крыху пазней, з пачатку 1942 г. Вярбовачная кампанія праводзілася нямецкімі біржамі працы і іншымі ўстановамі і суправаджалася шырокімі прапагандысцкімі мерапрыемствамі. Першапачаткова яна праводзілася на добраахвотнай аснове. Кожны, хто запісваўся на выезд, праходзіў адпаведную медыцынскую камісію і паліцэйскую праверку. Пэўнымі ільготамі карысталіся сем'і добраахвотнікаў. Ім выдавалася грашовая дапамога, сем'ям аказвалася дапамога ў вядзенні сельскагаспадарчых работ і г.д. Добраахвотнікам дазвалялася карыстацца пачтовай сувяззю. Поўных звестак аб колькасці добраахвотнікаў з Беларусі няма. Зразумела, што пэўная частка насельніцтва паддалася на спакусы, якія абяцала прапаганда: набыццё прэстыжных прафесій, у тым ліку вадзіцеляў,

высокая заработная плата, жаданне паглядзець як жывуць там людзі і г.д. Аднак па шэрагу прычын масавай гэтая з'ява не сталася. Як бачна з матэрыялаў Нюрнбергскага працэсу, з пяці мільёнаў замежных рабочых, добраахвотна на працу ў Германію прыехала не болей 200 тыс. чал.

Таму акупанты вымушаны былі прыбягаць да прымусовага вывазу моладзі. У маі 1942 г. генеральны ўпаўнаважаны па выкарыстанні працоўнай сілы гаўляйтэр Фрыц Заўкель выдаў спецыяльнае распараджэнне аб прымусовай працоўнай мабілізацыі. Асобы, якія ўхіляліся ад вярбоўкі і рэгістрацыі, аб'яўляліся сабатажнікамі і партызанамі. Адначасова ён патрабаваў значна скараціць патрэбы ў працоўнай сіле на месцах, абмяжаваўшы іх толькі ваеннымі патрэбамі. Гэта канчаткова развязала рукі тым, хто на месцах адказваў за барацьбу супраць партызанаў і за пастаўку рабочай сілы ў Германію.

Як бачна са зводкі № 193 паліцыі бяспекі і СД аб падзеях у СССР ад 17 красавіка 1942 г.: "Генеральны камісарыят Беларусі павінен быў паставіць у рэйх у адпаведнасці з распараджэннем Заўкеля 100 тыс. чал. Аднак да сённяшняга часу пастаўлена толькі 17 тыс. Каб выканаць устаноўленую норму пастаўкі працоўнай сілы, з сённяшняга часу ўсякі прынцып добраахвотнасці адмяняецца і прымяняюцца меры прымусовага набору працоўнай сілы"! [6, с. 91]. Таму паўсюль гітлераўцы прыступілі да прымусовага набору, які ажыццяўляўся самымі рознымі спосабамі. Найбольш характэрнымі з іх былі наступныя.

1. Пазыў па абвестках. Пад адказнасць службовых асоб дасылаліся абвесткі тым, хто быў узяты перад гэтым на ўлік. У павесцы прызначаўся дзень і час, калі трэба было з'явіцца на медыцынскую камісію. Пры станоўчым рашэнні камісіі прызыўнікі накіроўваліся на зборныя пункты, адкуль накіроўваліся далей. Гэты спосаб найбольш быў характэрны для раёнаў, дзе была моцная мясцовая ўлада і адсутнічалі партызаны. Знаёмства з дакументамі акупантаў паказвае, што нягледзячы на ўзмоцненую прапаганду жадаючых паехаць добраахвотна было няшмат.

2. Спосаб масавых аблаў, калі войскамі, паліцыяй і жандармерыяй ацэпліваліся цэлыя гарадскія раёны, кварталы, вёскі і іншыя населеныя пункты, а таксама месцы масавых збораў насельніцтва – гандлёвыя рынкі, вакзалы, прадпрыемствы і г.д. У якасці прыклада можна прывесці шырокамаштабную аперацыю, якая атрымала назву "Чароўная флейта", 17 красавіка 1943 г. у 4 гадзіны раніцы ўвесь горад Мінск быў акружаны з усіх бакоў. Кожны квартал і кожны будынак быў падвергнуты вобыску. Праз створаныя 6 фільтрацыйных пунктаў на працягу 6 дзён было прапушчана 52500 чал. Многія з іх былі арыштаваны, а больш тысячы накіравана на працу ў Германію [7, с. 369].

Трэцім і найбольш распаўсюджаным спосабам набору быў захоп насельніцтва, у тым ліку і партызан, пад час правядзення супрацьпартызанскіх акцый. Гэты спосаб шырока пачаў прымяняцца з лета 1942 г. і найбольш быў характэрным для 1943–1944 гг., калі згодна распараджэння ОКВ ад 8 мая 1943 г. усе асобы мужчынскага полу ва ўзросце ад 16 да 55 гадоў, якія былі захоплены

пад час правядзення карных аперацыяў, пачалі лічыцца ваеннапалоннымі. Згодна распараджэння Бах–Зялеўскага ваеннапалоннымі з верасня 1943 г. пачалі таксама лічыць усіх мужчын, якія пражывалі ў непасрэднай блізасці ад партызанскіх зон [7, с. 13]. Фактычна ўсе аперацыі, якія праводзіліся супраць партызан у гэты перыяд, утрымліваюць звесткі аб адабраных для адпраўкі ў Германію. Так, у справаздачы аб выніках аперацыі "Герман", якая праводзілася супраць партызан на тэрыторыі былой Баранавіцкай вобласці, пад кіраўніцтвам Готберга, адзначалася: забіта 4280 чал. і ўзята ў якасці рабочай сілы 20944, у тым ліку 4178 дзяцей [7, с. 14].

Па афіцыйным дадзеным аддзела перасялення і рэпатрыяцыіі СНК БССР, з агульнай колькасці 399 374 чал., якія былі вывезены на прымусовую працу ў Германію, на 29 мая 1947 г. назад вярнулася каля 250 тыс. чал. [8, с. 287]. З тэрыторыі сучаснага Столінскага раёна за гады акупацыі было вывезена на прымусовую працу ў Нямеччыну 7035 чал. (7,03 % ад агульнай колькасці насельніцтва!), а з тэрыторыі Пінскай вобласці 30981 чал. [9]. Па дадзеных 22 сакавіка 1949 г. у вобласці налічвалася да 18 тыс. чал. рэпатрыянтаў, у тым ліку 3700 чал. з амерыканскай зоны акупацыі, да 3 тыс. з англа-французскай, а астатнія з Чэхаславакіі, Польшчы, Германіі і іншых краін [8, с. 282]. Усе яны пасля вяртання запаўнялі апытальныя лісткі пры праходжанні праверкі (фільтрацыі) адпаведнымі органамі дзяржаўнай бяспекі. У іх знаходзіцца шмат карыснай інфармацыі аб абставінах угону, месцы і ўмовах працы, паўсядзённага жыцця і ўмовах выжывання, адносінах да остарбайтароў нямецкага насельніцтва і шмат іншых. З апытальнага ліста Вольгі Паўлаўны Кецька, 1925 г.н., ураджэнкі Давыд-Гарадка: " ...Угнана ў Германію у кастрычніку 1942 г. Везлі ў таварных вагонах, якія былі перапоўнены, сядзелі на падлозе. Дзверы былі зачынены. Па дарозе не давалі ніякай яды. Калі прыехалі ў Германію, заключылі ў лагер, дзе трымалі пад аховай нямецкіх паліцэйскіх. Працавала на фабрыцы чорнарабочай. Атрымлівала 10 марак. Харчаванне было дрэннае. Два разы на дзень гнілая капуста ці бручва і 300 грамаў хлеба. За грошы, якія атрымлівала, купіць нічога не магла, бо рускім не адпускалі. За увесь час працы я атрымала адну сукенку і калодкі. Падвяргалася збіенню ў гестапа, дзе знаходзілася, за тое, што праехала ў нямецкім цягніку" [9]. З апытальных лістоў бачна, што жыхары раёна – мужчыны і жанчыны працавалі на прамысловых прадпрыемствах, фабрыках, заводах, у сельскай гаспадарцы, на будаўніцтве, на розных іншых работах.

У сучасны момант у Беларусі і на Століншчыне пражывае значная колькасць былых остарбайтараў. Іх успаміны аб гадах, праведзенных у няволі, іх ураженні ад убачанага там, споведзі аб жыцці і працы, аб адносінах да іх звычайных немцаў, аб вяртанні на Радзіму з'яўляюцца карыснай крыніцай, якая значна дапаўняе нашы веды аб акупацыйным рэжыме, створаным нацыстамі падчас мінулай вайны. Намі запісаны шэраг успамінаў былых остарбайтараў 1925–1930 г.н., якія былі вывезены ў 1942–1944 гг. Іх успаміны ўражваюць юнацкім і дзіцячым успрыманнем падзей, асобных дэталей паўсядзённасці таго

часу, пра якія не магчыма знайсці звестак нават у архіўных дакументах. Запіс успамінаў былых остарбайтараў Століншчыны дазволіў значна пашырыць звесткі аб тым, як праходзіў працэс мабілізацыі моладзі на прымусовую працу, удакладніць геаграфію і месцы працы, умовы пражывання і г.д. Так, з успамінаў жыхароў вёсак Аздамічы, Альшаны, Цераблічы, Семігосцічы і інш. бачна, што на Століншчыне пачынаючы з 1942 г. ажыццяўлялася пастаянная адпраўка насельніцтва на прымусовую працу ў Нямеччыну. Найбольш значнымі былі масавыя адпраўкі восенню 1942 г., вясной і летам 1943 г. і вясной-летам 1944 г. У вёсцы Семігосцічы было тры масавыя адпраўкі на прымусовую працу ў Германію. Першая была ў пачатку кастрычніка 1942 г. Яна праводзілася па загаддзя разданым абвесткам моладзі з улікам узросту і колькасці моладзі ў сем'ях. Быў дадзены час на збор і сказана, што патрэбна ўзяць з сабою. Першая група была адпраўлена ў Столін 5 кастрычніка 1942 г. Было ўзята больш 30 чал., а затым, праз некалькі дзён была адпраўлена другая група, якая была яшчэ большай за першую. У другой групе было вывезена некалькі мужчын больш сталага ўзросту – мясцовых актывістаў, якім пагражаў арышт і яны вымушаны былі хавацца. У тым ліку Літвін Павел Цімафеевіч, Андрайчук Аляксей Паўлавіч, Жогаль Іван Яўсеявіч, Карнейчук Канстанцін Пятровіч (першы старшыня калгаса) і інш. Як казалі, стараста сам прапанаваў ім ехаць, таму што ведаў, што немцы могуць у любы час растраляць іх і іх сем'і [10, с. 274, 288–289].

Трэці масавы вываз быў у красавіку 1943 г., на трэці дзень Пасхі. З раніцы вёска была ачэплена немцамі і паліцэйскімі. Усіх маладых людзей, хлопцаў і дзяўчат 1925–1928 г.н. сагналі ў цэнтр вёскі ў клуб. Тут па загаду немцаў мясцовыя паліцаі ўдакладнілі па спісе імёны затрыманых і пад страхам смерці было загадана з'явіцца ўсім, хто быў у спісе, але не было на месцы. За неяўку пагражалі расстрэлам бацькоў і сваякоў. Ад адпраўкі вызваляліся толькі сямейныя пары і паліцаі. Усяго з вескі было вывезена 107 чал. Тры з іх: Баган В.І., Жогаль І.Ф. і Карняйчук І.Ф. загінулі ў Германіі [10, с. 291].

Такая ж карціна была і па іншых вялікіх весках Століншчыны, дзе пражывала шмат моладзі і дзе знаходзіліся нямецкія гарнізоны.

1. Лісава, Л. Дакументальны фонд Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці перыяду Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944) // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Матэрыялы Рэсп.навук. канф., прысв. 50-годдзю Перамогі, Мінск, 26-27 крас.1995 г. – Мн., 1995. С. 27–30.

2. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці, ф. 623, воп.1, спр.173.

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, ф.4, воп.33 а. спр.405.

4. Дзяржаўны архіў Гродненскай вобласці, ф.642, воп.1, спр.1, а.

5. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Док. и материалы в трех томах. Т. 1. Киев, 1985.

6. Белорусские остарбайтеры. Кн. 1.,- Мінск., 1996.

7. Бринский А.П. По ту сторону фронта. Кн. 2.- М.,1961.

8. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі, Мінск.,1995.

9. Белорусские остарбайтеры. Историко-аналитическое исследование/ Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.Д. Селеменев. Под ред. Г.Д. Кнатько.– Мн.: НАРБ, 2001.

10. Навіны Палесся.1998.11 кастрычніка.

11. Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. 2 ліпеня 2004 г, Мінск, 2005.

В.І. МАСЮК

МЕСЦА РУСКАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ НА ПАЛІТЫЧНАЙ АРЭНЕ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Палітыка тэрору і адміністратыўныя меры закранулі ўсе канфесіі і наогул ўсю духоўную сферу савецкага грамадства, што прывяло да таго, што да канца 30-х гг. XX ст. ураду амаль удалося здзейсніць сваю мэту па ўсталяванню атэістычнага грамадства [1, с. 36]. Такая палітыка прывяла да скрытай дзейнасці праваслаўнай царквы, якая здзяйснялася з мэтай вытрымаць націск з боку ўлады.

Царкоўная дзейнасць перад пачаткам Вялікай Айчыннай вайны насіла падпольны характар, храмы былі зачынены і разбураны ці выкарыстаны для патрэб савецкай улады. Рэлігійная актыўнасць як клірыкаў, так і міран мела вынікам рэпрэсіўныя меры, таму і здзяйснялася дзейнасць рэлігійных устаноў на перыяд пачатку вайны скрытна, але з развіццём падзей вайны царква ўсё больш актыўна праяўляла сябе. Гэтага, на наш погляд, патрабавала патрыятычная пазіцыя і разуменне немагчымасці пакінуць народ у цяжкі час. Такая актывізацыя насіла шматбаковы характар. Патрыяршая царква пад час вайны імкнулася да цэнтралізацыі ў адзінай барацьбе з ворагам, але атрымаўся раскол. Частка клірыкаў заходніх рэгіёнаў перайшла на бок немцаў, але імкненні да аўтакефаліі не былі пацверджаны юрыдычна і пры вызваленні заходніх тэрыторый царква была зноў аб’яднана, а клірыкі-здраднікі падвергліся рэпрэсіям. Галоўным напрамкам дзейнасці патрыяршай царквы была патрыятычная дапамога насельніцтву, якая адлюстроўвалася ў правядзенні царкоўных службаў, ідэалагічнай і маральнай падтрымцы, прапагандзе, харчовай дапамозе, забеспячэнні вайскоўцаў зброяй. Самі царкоўныя будынкі былі выкарыстаны ў якасці прытулку для тых, хто страціў свае хаты. Будынкі храмаў і касцёлаў служылі аховай ад авіябомб. Царква збірала сродкі на ваенныя патрэбы. Патрыятычная дзейнасць царквы, якая імкнулася да легалізацыі, прымусіла дзяржаву змяніць свае погляды, вынікам чаго стала сустрэча І. Сталіна з кіраўніцтвам праваслаўнай царквы.

Такі вялікі ўплыў царквы на насельніцтва і яе шматгранная патрыятычная дзейнасць выдвінулі Рускую Праваслаўную царкву на значныя пазіцыі на палітычнай арэне. Тым больш пачалася цэнтралізацыя і аб'яднанне праваслаўнай царквы вакол Маскоўскай патрыярхіі і яе кіраўніка мітрапаліта Сергія (Старгарадскага), што надавала Рускай Праваслаўнай царкве яшчэ большае значэнне.

Першым палітычным крокам Рускай Праваслаўнай царквы стаў зварот мітрапаліта Сергія (Старгарадскага) да насельніцтва СССР 22 чэрвеня 1941 г. са словамі падтрымкі і спачування. З гэтага ж моманту праваслаўная царква канчаткова выйшла з "падполля" і заняла актыўную патрыятычную пазіцыю. З гэтага ж часу царква стала аб'ектам кіравання народамі, якія імкнуліся падначаліць сабе як СССР, так і Германія.

У гэты ж перыяд сама праваслаўная царква падзялілася на прыхільнікаў Маскоўскай патрыярхіі, г.зн. прыхільнікаў СССР, і прыхільнікаў Германіі, якія ў большасці сваёй знаходзіліся на заходніх тэрыторыях СССР.

30 жніўня 1942 г. у Мінску адбыўся так званы «Усебеларускі Праваслаўны Царкоўны Сабор». Ініцыятарамі яго былі прыхільнікі аўтакефаліі на чале з Ф. Нарко [2, с. 67–69]. Вынікам чатырох дзён сабора стала распрацоўка статута Беларускай Царквы і пацвярджэнне мерапрыемстваў па дасягненню аўтакефаліі. І хоць у матэрыялах сабора было сказана пра незалежнасць Беларускай Царквы, але на самой справе трэба была згода ўсіх Цэркваў. Але ў сувязі з наступнымі падзеямі вайны і адносінамі клірыкаў і міран да аўтакефаліі такая згода не была атрымана ніколі. Афіцыйная аўтакефалія пацярпела крах. Але існаванне яе прыходаў працягваецца да сённяшніх дзён. Такім чынам, палітыка немцаў адносна царквы на Беларусі, якая праводзілася мірным шляхам, так і не была падтрымана беларускім духавенствам.

Патрыяршая царква падчас вайны імкнулася да цэнтралізацыі ў адзінай барацьбе з ворагам, акрамя таго мэтай яе была легалізацыя дзейнасці царквы і скасаванне старых прававых актаў, якія абмяжоўвалі і забаранілі дзейнасць праваслаўнай царквы і іншых рэлігійных арганізацый на тэрыторыі СССР. Таксама праваслаўная царква змагалася за рэабілітацыю святароў, адкрыццё храмаў, дазваленне прапаганды, правы вернікаў і імкнулася аказаць ім дапамогу. З гэтымі патрабаваннямі і выступала Руская праваслаўная царква на палітычнай арэне.

Дакладныя мэты супрацоўніцтва кіраўніцтва СССР з Рускай Праваслаўнай царквой не ўсталяваны, існуе шмат поглядаў гісторыкаў і навукоўцаў. Ёсць погляды, што супрацоўніцтва дзяржавы з царквой звязана непасрэдна з палітыкай. Прафесар А.К. Святазарскі, як і прафесар Шкароўскі М.В., лічаць, што афіцыйнае аднаўленне дзейнасці царквы і сустрэча І. Сталіна з кіраўніцтвам Рускай Праваслаўнай царквы 4 верасня 1943 г. звязана з міжнароднай палітыкай Савецкага Саюза – бальшавікі жадалі паказаць дэмакратычнасць і свабоду веравызнання вядучым краінам сусвету, што

безумоўна спрыяла павышэнню ролі СССР на міжнароднай арэне [3, с. 213-221]. Прычынай хуткага вырашэння шэрагу падзей і пытанняў, якія цікавілі Рускую Праваслаўную царкву, як адзначае М.І. Адзінцоў, стала Тэгеранская канферэнцыя [4, с. 21]. Гэта значыць, што было ў Сталіна жаданне выставіць узаемаадносіны паміж дзяржавай і царквой у СССР на міжнародным ўзроўні як лаяльныя і дэмакратычныя.

Такім чынам, Руская праваслаўная царква, выступіўшы на палітычнай арэне на баку Савецкага Саюза, атрымала магчымасць на адкрыццё храмаў, адкрытую дзейнасць і абранне патрыярха. Разам з тым рабіліся і іншыя саступкі царкве. Дабрачынная дзейнасць царквы, на наш погляд, мела станоўчыя вынікі не толькі для насельніцтва і дзяржавы, але і для самой царквы. Трэба адзначыць, што легалізацыя рэлігійнай дзейнасці мела для самой царквы другаснае значэнне, на першым месцы былі заўсёды веруючыя і Радзіма. Трэба адзначыць, што и дзяржава мела свае плённыя вынікі ад палітычнага супрацоўніцтва з царквой як унутры краіны пры барацьбе з ворагам, так і на міжнароднай арэне для падняцця свайго аўтарытэту.

1 Васильева, О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны / О.Ю. Васильева. - М.: Институт истории АН СССР, 1990.–191 с.

2 Informator o archiwalich z kresow polnocno-wshodnich Drugej Rzeczypospolitej w yasobie archiwow bialoruskich i LCVA w Wilnie / Bialystok, 1996. – 51 с.

3 Шкаровский, М.В. Русская православная церковь и религиозная политика советского государства в 1939 – 1964 гг. / М .В. Шкаровский. - СПб., 1996. – 178 с.

4 Одинцов, М.И. Власть и церковь в странах Восточной Европы, 1939–1958 / М.И. Одинцов. – М., 2000. – 380 с.

И.В. САБЛИН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

Многовековая история Беларуси свидетельствует, что Православие всегда являлось духовной основой менталитета белорусского народа и его христолюбивого воинства – защитников Отечества. За более чем тысячелетнее существование Православной Церкви на белорусских землях ее судьбы всегда были неразрывно связаны с судьбой народа. Всегда, при нашествии иноплеменных полчищ, колокольный набат святых обителей и церквей сзывал народ на защиту Родины, а духовные пастыри благословляли воинство на это богоугодное дело.

В начале Великой Отечественной войны духовная ситуация в стране кардинальным образом отличалась от предшествующих веков. Годы государственного богоборчества и атеистической пропаганды не прошли бесследно. Многие оставили веру отцов. Давно умолкли колокола, все монастыри и очень многие храмы были закрыты, а духовное окормление военнослужащих священнослужителями Русской Православной Церкви отменено. Но когда наступило время тяжелейших испытаний, духовная атмосфера в стране стала преображаться. И, прежде всего, во всей своей силе стал проявляться патриотизм архипастырей, пастырей и мирян, оставшихся верными Церкви Христовой [1, с.7].

Уже в первый день Великой Отечественной войны – 22 июня 1941 г., глава Русской Православной Церкви Патриарший местоблюститель, митрополит Московский и Коломенский Сергий (Страгородский) обратился ко всем приходам с посланием «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором взывал: «...Фашистские разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь граждан уже орошает родную землю... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины...» [2, с.93–94].

Это событие не могло не изменить отношения советского государства к Православной Церкви. Уже первые слова И.В. Сталина к народу 3 июля 1941 г.: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» были подсказаны не марксистско-ленинской идеологией, а скорее церковной проповедью. Реальная действительность заставляла руководство ВКП(б) начать пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом [3, с.195–196].

Многие лица духовного звания были призваны на фронт в первые дни и месяцы войны, некоторые прошли через ее жесточайшие испытания, иные пали на поле брани. Другим священнослужителям выпало служить в храмах, которые стали открываться в тылу, некоторые оказались в партизанских отрядах и среди подпольщиков. Сотни священнослужителей стали служить во вновь открывавшихся храмах на временно оккупированной врагом территории.

Как известно, вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. началось с ударов немецкой армии по белорусской земле. Продвижение немецких войск было настолько стремительным, что уже к сентябрю 1941 г. вся территория Белоруссии была в руках агрессора. На оккупированной территории оказалось почти 8 млн. жителей Белоруссии и около 1 млн. красноармейцев, попавших в плен в ходе неудачных боев на белорусской земле. Причем оккупационный режим длился более 3 лет, вплоть до освобождения 28 июля 1944 г. города Бреста [4, с.87].

Борьба населения Беларуси против захватчиков началась сразу же после оккупации. Она вылилась не только в невыполнение установленных оккупантами порядков, но и в вооруженное сопротивление. Партизанские

отряды и группы создавались как из местного населения, так и из военнослужащих-окруженцев [5, с. 78].

Многие священнослужители участвовали в борьбе с захватчиками на оккупированных немцами территориях. Мера участия была разной – от молитв о спасении Отечества – до борьбы с врагом с оружием в руках в партизанских отрядах. Однако были и такие лица духовного звания, которые по тем или иным причинам стали выполнять все предписания оккупационных властей в отношении религиозной деятельности и не поддерживали партизанское движение, а некоторые из них даже боролись с партизанами и подпольщиками. Тем не менее, и среди партизан было разное отношение к православной вере и Церкви – от жесткого неприятия до сочувствия и глубокой веры, а сами партизанские отряды различались по своим целям и задачам. Кроме тех, которые подчинялись Центру партизанского движения в Москве, на оккупированных территориях действовали и другие вооруженные отряды [6, с. 198].

Помимо изложенного, следует отметить, что в Белоруссии православные священнослужители становились жертвами как нелегальных отрядов украинских националистов, так и бойцов польской Армии Крайовой, которые нередко сражались не только с немцами, но и с партизанами и, кроме того, откровенно бандитских отрядов, называвших себя партизанами [7, с. 339–347].

Рассматривая проблему «священники и партизаны», нельзя забывать о стихийном, бурном развитии церковной жизни на оккупированных немцами землях. Уже за первые месяцы войны там открылись исключительно по воле верующего народа сотни храмов. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, ограниченных материальных возможностей силами верующих было восстановлено более 40 % дореволюционного количества церквей. По разным оценкам, число храмов, открытых на оккупированной территории СССР, варьирует от 7,5 тыс. до 10 тыс. Вокруг храмов сплотилась значительная часть населения и, вопреки ожиданиям немцев, они стали центрами национального самосознания. Результаты опросов и переписей населения, проводившихся немцами в оккупированных городах СССР, свидетельствовали о высоком проценте верующих среди опрошенных (до 90 %) и низком – атеистов: от 1 до 4 %. Как справедливо отмечал М.В. Шкаровский: «Эти данные нельзя принимать за полностью соответствующие реальной ситуации. Ведь среди ушедших на восток с советскими войсками был большой процент неверующих; кроме того, часть населения могла думать, что фашисты будут ассоциировать атеистов с коммунистами, и поэтому скрывали свои подлинные взгляды» [3, с. 137–183].

Как вспоминал впоследствии протоиерей Алексий Ионов: «Религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их ремонт и украшение» [6, с. 199].

Первоначально процесс открытия храмов имел стихийный характер: как только передовые немецкие части захватывали то или иное селение, его жители старались отворить врата местного храма. Так, например, храм во имя святого благоверного Великого князя Александра Невского, что на Военном кладбище г. Минска, был открыт благочестивыми минчанами уже на второй день после того, как город оказался в руках у немцев. К концу 1941 г. только в пределах одной Минской епархии было открыто около 120 храмов. За сравнительно короткое время возобновились богослужения во всех районных центрах Витебской области. Более 20 храмов открылось в пределах Бобруйского округа. Оккупанты никаких препятствий, как правило, этому не чинили. Постепенно у оккупационных властей формировались взгляды относительно того, как использовать это стихийное стремление народа в своих интересах [4, с. 87–88].

Поддержка руководством гитлеровской Германии Православной Церкви на оккупированных территориях СССР была вопросом тактики, а атеизация проживавшего там населения – вопросом стратегии. Первоначально часть верующего населения проявляла чувство благодарности германской армии за «возвращение» религиозной свободы. Однако верующие и не предполагали, что нацисты, стоявшие у руководства Германии, в действительности хотели бы иметь обратный результат. Но далее, почти во весь период оккупации, главную роль в практическом осуществлении религиозной политики на оккупированных территориях СССР играли не офицеры вермахта, а рейхсминистерство занятых восточных территорий и его рейхскомиссары. А они, как и их шеф, один из главных идеологов нацизма Альфред Розенберг, повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала, были враждебны всякой форме христианства. Начальник группы религиозной политики вышеуказанного германского министерства Карл Розенфельдер писал в меморандуме от 31 января 1943 г.: «Определяющая точка зрения для германского политического руководства заключается в том, что всякое христианское церковное направление по своей глубинной сути находится в непреодолимой мировоззренческой противоположности к национал-социализму... Я повторно указываю на то, что со стороны германской администрации неверно придавать слишком большое значение Православной Церкви, как средству управления людьми» [3, с. 137–183].

Реальная жестокая политика нацистов на оккупированной территории вскоре показала местному населению истинное лицо «освободителей». Так, в Белоруссии, по приказу генерал-комиссара Кубе в 1941–1942 гг. за одного убитого немца расстреливали 50–100 невинных мирных жителей, что вызывало лишь горячую ненависть к оккупантам и быстрый рост партизанского движения. Немецкие власти пытались даже ввести григорианский календарь вместо принятого в Русской Православной Церкви юлианского календаря, что вызывало бурный протест верующих.

На оккупированной территории, по разным оценкам, проживало не менее 60–70 миллионов граждан СССР, и у многих из них родные и близкие воевали в Красной Армии. Поэтому с настроениями этой части населения, с их

проявлениями патриотических чувств, с приверженностью многих к Православию должны были считаться все: и руководители воюющих стран, и те, кто воевал на фронтах. В том числе, и партизаны.

Значительная часть советских партизан стала относиться к священнослужителям положительно, начиная с сентября 1943 г., когда произошла встреча в Кремле И.В. Сталина с тремя митрополитами: Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), и был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР [2, с. 96; 3, с. 205–206].

Среди священнослужителей, активно участвовавших в борьбе с захватчиками на оккупированных немцами территориях СССР, был и настоятель Одрижинской Свято-Успенской церкви Ивановского района Брестской области Василий Данилович Копычко. Он родился 22 июня 1905 года на Пинщине в Брестской области. В г. Речице окончил гимназию, затем, по возвращении в Пинск и завершении учебы в реальном училище, вступил на путь церковного служения. С самых первых дней войны отец Василий оказывал посильную помощь отступающим солдатам и офицерам, попавшим в окружение, и раненым воинам Красной Армии, призывая к этому своих знакомых и верующих.

Летом 1942 г. партизанскими подпольными группами почти всему духовенству на оккупированных территориях было передано послание Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия «К верным чадам Русской Православной Церкви». Получил его и отец Василий. Партизаны точно установили, что это послание распространяется среди верующих в переписанном виде отцом Василием. Через некоторое время его дом стал местом встреч подпольщиков с партизанами, а в экстремальных случаях – надежным укрытием с добрым советом и помощью.

С начала войны до ее победного завершения отец Василий духовно укреплял своих пасомых, совершая богослужения ночью, без освещения, чтобы не быть замеченным. Почти все жители окрестных деревень приходили на службу. Отважный пастырь рассказывал верующим о положении на фронтах, призывал противостоять захватчикам, переписывал и передавал сводки Совинформбюро, партизанские листовки, обращенные к солдатам Русской освободительной армии (РОА) и полиции. Отец Василий организовал среди крестьян сбор одежды, обуви, продуктов для раненых партизан, присылал им оружие.

Вот как описывает деятельность отца Василия и свою первую встречу с ним командир Пинской партизанской бригады И. Шубитыдзе: «...Мы, шутя, называли его своим агитатором и однажды пригласили в партизанский лагерь. Он охотно приехал в сопровождении партизан. Копычко долго присматривался к нашей жизни, к нашим порядкам, обошел с десяток землянок и за ужином, который приготовили специально для него в штабе, разговорился: «Вот и верь этим немцам! Обманщики, безбожники, бандиты! Вижу, что вы все

православные, дай вам Бог здоровья! Я так и говорил своим прихожанам...» Было видно, что Копычко полюбил нас, радовался, что не ошибся в своих предположениях, обещал молиться о нас и помогать, чем может. Отправили мы его из лагеря торжественно, на тачанке, с охраной. С этого времени Копычко стал нашим связным. Он сдержал свое слово, помогал не только молитвами, но и материально: собирал продукты для раненых, присылал временами и оружие» [6, с. 199–200].

В конце 1943 г. гестапо стало известно о его активной связи с партизанами. Карательный отряд особого назначения получил приказ публично казнить отца Василия и его семьи. Благодаря подпольщикам об этом узнали в штабе партизанской Пинской бригады. В ту же ночь отец Василий был перевезён в партизанскую зону, а на рассвете к его дому прибыли каратели и подожгли Храм и церковноприходской дом.

За заслуги перед Родиной протоиерей Василий Копычко был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

В Пинском партизанском соединении служил протоиерей Александр Федорович Романушко, настоятель церкви села Мало-Плотницкое Логишинского района Пинской области. Он не раз участвовал в боевых операциях, ходил в разведку, был в полном смысле слова, партизанским батюшкой. В оставленных некоторыми священниками храмах и местностях, где церкви были сожжены, отец Александр, совершал отпевания расстрелянных, заживо сожженных, а также павших на поле боя партизан. И неизменно во время богослужения или при исполнении треб призывал верующих помогать партизанам и защищать родную землю от фашистов.

Когда летом 1943 г. к командиру партизанского соединения генерал-майору В.З. Коржу, обратились родственники убитого партизанами полицая с просьбой «командировать» на похороны партизанского священника, он предоставил право самому отцу Александру принять или отклонить приглашение. Один священник отказался, а отец Александр согласился. Взял облачение, кадило и в сопровождении двух автоматчиков выехал в деревню. На кладбище была выставлена вооруженная охрана. Все приготовились слушать отпевание. Обведя глазами собравшихся, отец Александр, обращаясь к матери и отцу убитого, сказал: «Не наших молитв и «со святыми упокой» своей жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» произнесем «Анафема»». Среди изумленных собравшихся установилась мертвая тишина. Все сказанное священником прозвучало очень смело и могло повлечь за собой его гибель. Но отец Александр, подойдя к полицаям, продолжал: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите своё оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых

людей, в Божьих храмах заживо сжигает верующих и священников». Потрясенные полицаи не тронули служителя Церкви. Слова священника потрясли и прихожан. Они говорили, что если уже священники взялись за оружие, то им сам Бог велит идти в партизаны.

В зону базирования группа отца Александра возвратилась с похорон, увеличенная во много раз. Среди нового партизанского пополнения были полицаи, но теперь уже бывшие. Всем участникам этих «похорон» Герой Советского Союза генерал-майор В.З. Корж объявил благодарность. Через некоторое время, перед строем партизан, отец Александр Романушко был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Протоиерей отец Александр участвовал в партизанском движении с лета 1942 г. по лето 1944 г. Из его письма, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию, следовало, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 %. Многие из них были расстреляны за содействие партизанам [8, с. 35–36].

Многие клирики Русской Православной Церкви, в годы Великой Отечественной войны, осуществлявшие свое пастырское служение на оккупированной врагом территории, получили государственные награды. Сотни священников совершали тогда геройские поступки, но многие имена забыты, или остались безвестными. Надеемся, что совместными усилиями и трудами удастся восстановить имена всех служителей Православной Церкви, с честью и достоинством выполнявших свой пастырский долг на землях нашего Отечества, временно занятых иноземными захватчиками.

В настоящее время взаимодействие и сотрудничество структур органов военного управления и Белорусской Православной Церкви приобретает особую важность в условиях укрепления государственного суверенитета Республики Беларусь. Возвращение воинства к истинно духовным, христианским и военно-патриотическим ценностям находит понимание и поддержку в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь. На современном этапе развития общества христианская религия, Православная Церковь по-прежнему остаются мощным фактором, оказывающим значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая военную.

1. Савва, игумен. Слово главного редактора / Игумен Савва (Молчанов) // Вестник военного и морского духовенства. Спецвыпуск. – 2005. – С. 6–8.

2. Золотарев, О.В. Христолюбивое воинство русское /О.В. Золотарев. – М.: Граница, 1994.–110 с.

3. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский – М: Издательский Дом «Грааль», 2000. – 400 с.

4. Коржич, Н. Вместе с народом Божиим. Православная Церковь в Белоруссии и патриотическая деятельность белорусского духовенства в 1941–

1944 гг. / Священник Николай Коржич // Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – Издательский Совет Русской Православной Церкви. – М.: 2005. – С. 87–96.

5. Вооруженные формирования Беларуси. К юбилеям великих побед / сост. Г.Ч. Лянькевич, И.И. Птуха; редкол.: В.В. Гайдукевич, А.А. Павловский [и др.]. – Минск: Беларусь, 2005. – 135 с.: ил.

6. Православное духовенство на временно оккупированных территориях (Материалы из архивов, публикаций, воспоминаний очевидцев) / Материалы церковно-общественной конференции «За други своя». – Издательский Совет Русской Православной Церкви. – М.: 2005. – С. 198–209.

7. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / Архиепископ Афанасий Мартос.– Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2000. – 352 с.

8. Силова, С.В. Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг./С.В. Силова. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2004. – 72 с.

С.М. ТУКАЛА

АЙЧЫННЫЯ І ЗАМЕЖНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА МІНСКАМУ ГЕТА: ПАРАЎНАЎЧЫ АНАЛІЗ

Па шматлікім аспектам праблемы генацыду і барацьбы яўрэяў у мінскім гета (ліпень 1941 – кастрычнік 1943 г.) існуюць як неапублікаваныя архіўныя матэрыялы, так і разнастайныя апублікаваныя крыніцы. Аналізу апошніх і прысвечаны дадзены артыкул.

Апублікаваныя крыніцы па мінскаму гета можна падзяліць на наступныя групы: 1) матэрыялы справаводства. 2) статыстычныя матэрыялы. 3) крыніцы асабістага паходжання (дзённікі, успаміны, пісьма). 4) літаратурныя і публіцыстычныя творы. 5) перыядычны друк.

Матэрыялы справаводства ўключаюць апублікаваныя акты надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па расследаванню злачынстваў нямецкіх акупантаў, дакументы праціўніка – планы, загады, справаздачы, распараджэнні ўрадавых органаў і вышэйшага камандавання трэцяга рэйха. У дадзеным выпадку значную навуковую каштоўнасць для параўнаўчага аналізу ваенных падзей 1941–1944 гг. маюць шматлікія дакументы і матэрыялы аб акупацыйнай палітыкі фашысцкай Германіі на захопленай тэрыторыі СССР (у тым ліку Беларусі): “Преступления немецко–фашистских оккупантов в Беларуси” [1]; “Преступные цели – преступные средства...” [2]; “Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками” [3]; “Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР” [4]–дадзеныя зборнікі савецкага часу ўключаюць сапраўдныя ўнікальныя

дакументы, аб'ектыўна выкрываючыя і дакладна характарызуючыя злачынныя дзеянні немцаў на тэрыторыі Беларусі: масавае знішчэнне мясцовага (у тым ліку яўрэйскага) насельніцтва ў Мінску і яго ваколіцах – мінскім гета і трасцянецкім лагеры смерці; рабаванне і вываз у Германію нацыянальных багаццяў нашай краіны; маштабнае разбурэнне матэрыяльных аб'ектаў і сусветна вядомых гісторыка-культурных помнікаў; мэты, задачы, змест і трагічныя вынікі праводзімай немцамі чалавеканенавісніцкай, антысеміцкай палітыкі генацыду на тэрыторыі БССР.

Да першай групы крыніц адносяцца і сучасныя зборнікі дакументаў, прычым значная іх колькасць раней не публікавалася: "Холокост в Беларуси. 1941–1944" [5] (уключае справаводчыя дакументы і матэрыялы аб злачынствах нямецка–фашысцкіх захопнікаў супраць яўрэйскага насельніцтва на беларускай зямлі); "Трагедия евреев Беларуси в 1941 – 1944 гг."[6] (тут упершыню прадстаўлены кароткі спіс яўрэяў Мінскага гета); "Judenfrei! Свободно от евреев: История Минского гетто в документах" [7] (дадзеная кніга змяшчае не толькі нямецкія дакументы па генацыду яўрэяў, але і вялікую колькасць успамінаў падпольшчыкаў гета, якія пасля вайны былі дапытаны прадстаўнікамі савецкіх урадавых органаў: аб афармленні арганізацыйнага падпольнага цэнтру Мінскага гета ў жніўні 1941 г. і намаганнях падпольшчыка М. Гебелева ў ажыццяўленні гэтага амбіцыйнага плана, станаўленні падпольных груповак і іх ролі ў актывізацыі падпольнага і партызанскага руху ў Беларусі, сувязях гетаўскіх падпольшчыкаў з Мінскім патрыятычным падполлем і партызанамі па–за межамі Мінска); "Лагерь смерти Тростенец ..." (налічвае не менш 41 дакумента па сталічнаму гета) [8].

Напрыклад, у зборніку "Холокост в Беларуси. 1941–1944" па Мінскаму гета маецца 48 дакументаў як палітычнага, так і эканамічнага характару: распараджэнні камісара Мінска аб працавыкарыстанні яўрэяў; рэйхскамісара Остланда аб выкарыстанні адзення і маёмасці, канфіскаванага ў яўрэйскага насельніцтва; пратакол бяседы ст. памочніка начальніка разведаддзела БШПР Н. А. Касога з вязнем Мінскага гета Х.І. Рубінчык, якая падрабязна і ўзвешана апавядае аб першасных мерапрыемствах немцаў у адносінах да яўрэйскага насельніцтва г. Мінска ў першыя дні акупацыі, аб унутраным распарадку і адміністрацыі гета, фактах і метадах знішчэння жыхароў лагера, дэпартацыі гамбургскіх яўрэяў у Мінскае гета і іх далейшым лёсе. Не менш цікавымі ў дакументальным плане з'яўляюцца пратакол допыту былога вязня гета Я.Р. Шапіра (у якасці сведкі па справе В. Янецке на судовым працэсе ў Бабруйску), які ўзгадвае розныя моманты з жыцця яўрэяў Мінска ў гады нямецкай акупацыі і акцэнтуе сваю ўвагу на асаблівасцях правядзення фашыстамі масавых пагромаў, а таксама паказанні нямецкага ваеннапалоннага А. Абтса, які непасрэдна прымаў удзел у канчатковай ліквідацыі Мінскага гета ў кастрычніку 1943 г.

Неабходныя абагульняючыя дадзеныя справаводчага характару па Мінскаму гета можна знайсці і ў замежных зборніках дакументаў і матэрыялаў.

Першае месца сярод такіх выданняў займае “Черная книга...” [9] – зборнік матэрыялаў аб знішчэнні яўрэяў на тэрыторыі СССР і ў лагерах Польшчы ў 1941–1945 гг., які падрыхтавалі да друку і рэдагавалі І. Эрэнбург і В. Гросман. У кнізе ў навукова–папулярнай форме да шырокай грамадскасці даносяцца асноўныя дакументальныя звесткі аб генацыду і барацьбе яўрэяў у Мінскім гета.

Карысную інфармацыю змяшчае таксама зборнік дакументаў і матэрыялаў Нацыянальнага інстытута Памяці ахвяр нацызму і герояў Супраціўлення – “Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)” [10].

Статыстычныя матэрыялы па разглядаемай праблеме характарызуюцца паўнатой, дакладнасцю, наяўнасцю масавых і колькасных дадзеных. Заслугоўвае ўвагі кніга “Нямецка–фашысцкі генацыд на Беларусі”(1941–1944) [11], у якой прыведзены ўдакладненыя і дапоўненыя статыстычныя звесткі і новы фактычны матэрыял аб акупацыйнай палітыкі захопнікаў на тэрыторыі Беларусі. Разам з гэтай кнігай – крыніцай (убачыла свет у 1995 г.) трэба адзначыць унікальны нарыс аб гісторыі Мінскага падполля (у тым ліку на тэрыторыі сталічнага гета), дзе змешчаны арыгінальныя малавядомыя і невядомыя дакументы – “Мінскае антыфашысцкае падполле” [12]. Толькі ў гэтым выданні ёсць поўны, дасканалы спіс усіх 22 падпольных груповак, іх прадстаўнікоў, масавыя дадзеныя аб асноўных задачах апошніх, якія дзейнічалі на тэрыторыі Мінскага гета ў 1941–1943 гг., цікавыя статыстычныя звесткі аб канспіратыўных кватэрах і г.д. Вельмі карысным з’яўляецца даведнік аб нямецка-фашысцкіх лагерах, гета, іншых месцах прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны 1941–1943 гг., які змяшчае дадзеныя аб колькасці вязняў і знішчаных яўрэяў Мінскага гета.

Важна падкрэсліць значнасць і інфарматыўнасць нетрадыцыйных крыніц асабістага паходжання – дзеннікі, успаміны сведкаў Халакосту і жудаснай палітыкі генацыду яўрэяў у гады Другой сусветнай вайны. Безумоўна, яны напісаны ў розны час, аб розных падзеях ваенных гадоў, часам маюць гістарычныя недакладнасці і нясуць на сабе сляды суб’ектыўных пачуццяў, цяжкіх маральных, псіхалагічных перажыванняў ахвяраў вайны. І гэта зразумела. Аднак трэба памятаць, што такія крыніцы на сённяшні дзень з’яўляюцца, бадай, адзінымі больш-менш дэталёвымі дакументальнымі аповедамі выжыўшых людзей, якія бачылі ўласнымі вачыма, адчулі на сабе фізічна і моцна духоўна ўсе негатыўныя жахі нацызму, антысемітызму, генацыду, Халакосту і крывавай машыны вайны. Таму ў дадзеным выпадку асноўная задача даследчыка – аб’ектыўны аналіз гэтых асабістых успамінаў дзеля раскрыцця галоўнага зместу і сутнасці закладзенай у дакуменце інфармацыі.

Аб’емныя і даволі маштабныя ўспаміны былі напісаны Р. Смолярам, які вырашыў кардынальна перапрацаваць сваю кнігу “Мстители гетто” і па-новаму,

максімальна праўдзіва адлюстраваць усю гісторыю Мінскага гета ад пачатку да канца. Тым больш, што настаў час, калі ўжо можна было казаць усю праўду пра яўрэйскае гета. У 1989 г. успаміны Смоляра на англійскай мове выйшлі ў ЗША [13]. У 2002 г. яны былі перакладзены на беларускую мову і дайшлі да чытача пад наступнай назвай: "Менскае гета: барацьба савецкіх габраяў – партызан супраць нацыстаў" [14]. Дадзеная кніга ўяўляе вялікую цікавасць як жывое сведчанне аднаго з нешматлікіх уцалелых у сталічным гета яўрэяў. Успамінам Смоляра ўласцівы характэрныя рысы дэталёвага навуковага даследавання: аўтар, з'яўляючыся адным са спецыялістаў у галіне гетазнаўства, аналізуе гісторыю Мінскага гета ў кантэксце агульнаеўрапейскай палітыкі нацыстаў адносна яўрэяў, спрабуе праліць святло на такія маладаследаваныя моманты як устанаўленне кантактаў гетаўскага *падполля з пазагетаўскім* – Мінскім падпольным гарадскім камітэтам камуністычнай партыі, адносіны яўрэйскіх партызанаў з Цэнтральным штабам партызанскага руху і г.д. Таксама ў якасці дапаўняючага матэрыялу трэба спаслацца на публікацыю Р. Смоляра ў часопісе "Полымя" пад назвай – "Антыфашысцкае падполле ў мінскім гета (ліпень 1941–жнівень 1942 гг.)" [15].

Каштоўнымі і дакументальна насычанымі сталі ўспаміны І. Вайца, А. Гальбурта, Г. Краснаперкі, С. Марголінай, А. Лапідуса, Г. Завольнер і інш. [16].

Рэдкім і цудам уцалелым з'яўляецца дзённік аб жыцці і далейшым лёсе вязняў гета К. і Б. Брук "Когда слова кричат и плачут: дневники Брук Л. и Б" [17], якія сталі актыўнымі ўдзельнікамі партызанскай барацьбы на Беларусі.

Не менш важнае значэнне маюць апублікаваныя інтэрв'ю былых вязняў Мінскага гета М. Трэйсцера, Х. Рубінчык, М. Бруднера, Я. Шапіра, Ц. Батвіннік – Луп'ян, С. Гебелевай – Асташынскай, Р. Ліпскай, Г. Мачыз, Р. Гітлінай, М. Гарэліка, С. Голуба, Я. Грынштэйна, Л. Рубінштэйна, Л. Меламеда, М. Шмелькіна і інш [18]. Так, успаміны М. Трэйсцера [19] на ўласным прыкладзе аўтара яскрава, дакладна, праўдзіва, шчыра характарызуюць сапраўднае псіхалагічнае становішча вязняў Мінскага гета падчас праводзімых немцамі аблаваў, начных і дзённых пагромаў, масавых забойстваў жыхароў гета.

Па складанай праблеме дэпартацыі грамадзян яўрэйскай нацыянальнасці краін Заходняй Еўропы ў "зондэргета" Мінскага гета існуюць вельмі рэдкія дакументальныя фрагменты Б. Срэбніка, Л. Меламеда, Л. Ланскога, А. Дамашэвіча, Р. Кантара, З. Вінера, П. Добіна і інш. [20].

Быў праведзены аналіз шматлікіх пратакольных запісаў аб дзейнасці выканаўцаў злачынстваў, накіраваных супраць яўрэяў, формах і метадах іх знішчэння. Гэта паказанні супрацоўнікаў паліцыі бяспекі і СД у Мінску І. Айгемана, І. Руіса, Э. Фрыдла, К. Бухнера, служачага зондэркаманды № 8 Ф.К. Геса, камандуючага паліцыяй бяспекі генеральнай акругі Беларусь Э. Герфа, мінскага гарадскога камісара В. Янецке і інш. [21].

Вялікую ролю ў адлюстраванні трагічных старонак па Мінскаму гета адыгрываюць успаміны, пісьмовыя сведчанні, дзеннікі дэпартаваных замежных

яўрэяў, якія таксама сталі ахвярамі агульнаеўрапейскай палітыкі генацыду і прайшлі праз неймаверныя пакуты яўрэйскага гета ў Мінску. Найбольш раннія– гэта ўспаміны нямецкага вязня К. Левенштайна аб дэпартацыі і яго знаходжанні ў Мінскім гета [22]. Упершыню яны былі апублікаваны ў 1956 г. Другім апублікаваным дакументам з'яўляецца кніга гамбургскага яўрэя Х. Розенберга пад назвай "Годы ужаса... и я остался жить, чтобы тебе это все рассказать" [23].

Аднак самым цікавым і важным, мяркуецца, з'яўляецца дзённік дэпартаванага з Бярліна аўстрыйскага яўрэя Б. Руднера [24]. Запісы пачынаюцца непасрэдна з дэпартацыі і нечакана абрываюцца ў чэрвені 1942 г. Руднер падрабязна апісвае цяжкі і доўгі працэс падрыхтоўкі высялення яўрэяў і адпраўкі іх на Усход, складаную сітуацыю, якая панавала ў Мінскім гета па прыбыццю ў Мінск і на працягу свайго знаходжання ў "зондэргета": псіхалагічная прыгнечанасць мясцовых вязняў, крыкі, плач дзяцей, нявызначанасць, антысанітарныя, нечалавечыя ўмовы існавання, адсутнасць элементарных прыстасаванняў для нармальнага пражывання і харчавання. Значную ўвагу аўтар акцэнтуе на асаблівасцях нялегкіх узаемаадносін нямецкіх і мясцовых яўрэяў, падрабязна паказваючы ўсе характэрныя бакі такіх кантактаў. Значнасць дзённіка Б. Руднера ў тым, што ў дадзенай крыніцы асноўныя падзеі фіксуюцца па свежых слядах, тым самым захоўваецца храналагічная і гістарычная дакладнасць.

Літаратурныя і публіцыстычныя творы па Мінскаму гета маюць багатую дакументальную аснову і насычаны цікавымі гістарычнымі фактамі. Напрыклад, "Правда о Минском гетто" – гэта дакументальная аповесць, напісаная А. Рубенчыкам – былым воінам–партызанам, сведкай тых жудасных падзей вайны, які, дзякуючы ўласнай упартасці, храбрасці, непахіснасці, выжыў у страшэнных умовах Мінскага гета. Галоўная каштоўнасць кнігі заключаецца ў тым, што яе аўтар піша шчыра і праўдзіва, не скажаючы гістарычных фактаў.

Арыгінальныя матэрыялы былых малалетніх вязняў Мінскага гета М. Крапінай і Ф. Рэйзман [25], у аснове апавядання якіх дакументальная гісторыя сямейнага жыцця, пакут і барацьбы за выратаванне ва ўмовах нямецкай акупацыі і за сценамі яўрэйскага гета, паказваюць самыя розныя бакі жыцця яўрэяў: правядзенне аблаваў і пагромаў, дзеці гета ва ўмовах голаду, хваробаў і антысанітарыі, спосабы выжывання вязняў і г.д.

Нельга не адзначыць унікальную па свайму зместу працу савецкіх часоў, у якой утрымліваецца шмат цікавых фактаў аб дзейнасці падпольшчыкаў гета і іх сувязях з мінскім гарадскім падполлем. Гэта дакументальная аповесць савецкага журналіста І. Новікава "Руины стреляют в упор" [26]. Апошняя не мала ўвагі ўдзяляе апісанню ролі гетаўскага падпольшчыка Р. Смоляра ва ўстанаўленні прамых кантактаў з прадстаўнікамі Мінскага падпольнага гаркама КПБ.

Абагульненыя, базісныя звесткі аб генацыду яўрэяў у Мінскім гета можна знайсці ў шматлікіх выданнях перыядычнага друку, у такіх газетах і навуковых часопісах як "Авив", "Вечерний Минск", "Звязда", "Советская Белоруссия",

"Рэспубліка", "Минский курьер", "Спадчына", "Беларусь", "Вопросы истории", "Беларуская мінуўшчына", "Беларускі гістарычны часопіс" і іншыя. Найбольш актыўна і падрабязна, на аснове гістарычных дакументаў, праблематыка Халакосту і генацыду яўрэяў Мінскага гета разглядаецца ў газеце "Авив", публікацыі якой прысвечаны асаблівасцям існавання яўрэйскага гета, дзейнасці яўрэйскага камітэта, антыфашысцкага падполля і г.д. [27].

1. Преступления немецко – фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 – 1944: сб. док. и мат./ И.П. Хавратович [и др.]; под. общ. ред. И. П. Хавратовича. – Минск: Гос. издат. БССР, 1963. – 436 с.

2. Преступные цели – преступные средства: док. об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944 гг.) / сост. Г.Ф. Заставенко. – Москва: Экономика, 1985. – 325 с.

3. Нюрнбергский процесс: сб. мат. в 2 т. – Москва: Гос. издат., 1955. – Т. 1. – 935 с.

4. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко – фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15 – 29 января 1946 г.). – Минск: Гос. изд – во БССР, 1947. – 472 с.

5. Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2002. – 275 с.

6. Трагедия евреев Беларуси в годы немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.): сб. матер. и док. / сост. Р.А.Черноглазова, А.Т. Лейзеров. – Минск: Гальперин, 1995. – 362 с.

7. Judenfrei! Свободно от евреев: История Минского гетто в документах / сост. Р. А. Черноглазова. – Минск: Асобны дах, 1999. – 395 с.

8. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Ком. по архивам и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2003. – 292 с.

9. Гроссман, В. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко – фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Сов. Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 / В. Гроссман, И. Эренбург. – Вильнюс: Йад, 1993. – 578 с.

10.Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941 – 1944): сб. док. и мат. / Яд Ва-Шем. Национальный институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления. – Иерусалим, 1991.

11. Нямецка – фашысцкі генацыд на Беларусі (1941 – 1944) / Белар. н.-д. цэнтр дакументазнаўства, археаграфіі і арх. справы; рэдкал.: У.М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск: БелНДЦДААС, 1995. – 411 с.

12. Мінскае антыфашысцкае падполле / Я. І. Бараноўскі [і інш.]; пад агульн. рэд. Я.І. Бараноўскага. – Мінск: Беларусь, 1995. – 256 с.

13. Smolar, H. The Minsk Ghetto. Soviet – Jewich Partisans Against the Nazis / H. Smolar. – New York, 1989.

14. Смоляр, Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габраяў – партызанаў супраць нацыстаў / Г. Смоляр. – Мінск: Тэхналогія, 2002. – 182 с.

15. Смоляр, Р. Антыфашысцкае падполле ў мінскім гета (ліпень 1941 – жнівень 1942 г.) // Полымя. – 1995. – № 6. – С. 208 – 244.

16. Вайц, И. Ликвидация минского гетто / И. Вайц // Катастрофа европейского еврейства / И. Вайц. – Тель – Авив, 2000. – Гл. 7. – С. 117-120; Гальбурт, А. Воспоминания / А. Гальбурт. – Минск: Энциклопедикс, 2000. – 64 с; Краснаперка, Г. Пісьмы маей памяці / Г. Краснаперка. – Мінск, 1984; Krasnoperko, A. Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von Minsk 1941/ 1942 / A. Krasnoperko. – Haus Villigst, 1991; Давыдова, Г.Р. От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: Документальная повесть / Г.Р. Давыдова. – Минск: Четыре четверти, 2000. – 232 с; Лапидус, А. Нас мало осталось, нам много досталось: (Воспоминания бывшего малолет. узника гетто) / А. Лапидус // Вестник. – 2003. – №3; Рубенчик, А. Правда о Минском гетто: док. повесть узника гетто и малолетнего партизана / А. Рубенчик. – Тель-Авив, 1999. – 192 с; Завольнер, Г. Жизнь, дарованная судьбой / Г. Завольнер. – Минск, 2005.

17. Когда слова кричат и плачут: дневники Брук Л. и Б. – Минск, 2004.

18. Гебелева, С. Таким был Михаил Гебелев: [Об участнике Минского подполья] / С. Гебелева // Авив. – 1993. – 19 окт. – С. 3, 6; Минское гетто: [По воспоминаниям бывших узников] / В. Левин, Д. Мельцер // Черная книга с красными страницами: Трагедия и героизм евреев Белоруссии / В. Левин, Д. Мельцер. – Балтимор, 1996. – С. 343 – 414.

19. Трейстер, М. Минское гетто. Проблески памяти / М. Трейстер // Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации: сб. науч. раб. / Истор. мастер. г. Минска, Дортмунд. межд. образ. центр; редкол.: Я.З.Басин [и др.]. – Минск, 2005. – С. 79 – 88; Трейстер, М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации / М. Трейстер. – Минск: Ист. мастерская, 2007. – 242 с.

20. Левкова, Е. Девять месяцев под землей / Е. Левкова // Мінскае гета. 1941–1943 гг.: Трагедыя. Гераізм. Памяць. Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24 каст. 2003 г. / Гіст. майст. г. Мінска; рэдкал.: К. І. Козак [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 189.

21. "У сваіх справаздачах я ніколі не паведамляў аб расстрэлах яўрэяў, а пісаў пра іх адсяленне альбо пераезд. Гэта быў наш умоўны шыфр... " (па Мінскаму гета: дак. архіваў КДБ) // Беларусь. – 1994. – № 8. – С. 6 – 7.

22. Loewenstein, K. Minsk, im Lager der deutschen Juden / K. Loewenstein. – Bonn, 1961.

23. Rosenberg, H. Jahre des Schreckens. ... und ich blieb übrig, das ich Dir's ansage / H. Rosenberg. – Göttingen, 1985.

24. Руднер, Б. Дневник из Минского гетто (ноябрь 1941 – июнь 1942) / Б. Руднер // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў: матэрыялы Міжнар. навук.- практ. канф., Мінск, 2 ліп.

2004 г. / Гіст. майст. г. Мінска; рэдкал.: У.Ф. Балакіраў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – С. 202 – 219; Руднер, Б. Записки из Минского гетто. Памяти Марты Крон, умершей 26 января 1942 г. в 18 часов в Минском гетто. Рассказ о последних трех месяцах жизни (12.11. 1941 – 26.1. 1942) / Б. Руднер // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў: матэрыялы Міжнар. навук.- практ. канф., Мінск, 2 ліп. 2004 г. / Гіст. майст. г. Мінска; рэдкал.: У.Ф. Балакіраў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – С. 220 – 225.

25. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман: материалы и док. / сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман; под ред. К.И. Козака. – Минск, 2005. – 258 с. + 26 с. ил.

26. Новиков, И. Руины стреляют в упор. Документальная повесть / И. Новиков. – Минск: Беларусь, 1965. – 464 с.

27. Жизнь и гибель Минского гетто (Публикация Музея истории и культуры евреев Беларуси) // Авив. – 2003. – 19 окт. – С. 4; Лейзеров, А. «Из фондов [Минского] гетто»: [По материалам арх. док. оккупац. властей] / А. Лейзеров // Авив. – 2000. – 19 июля – 19 августа. – С. 14-15; Липский, Ф. Герой и летописец Минского гетто: [Памяти Смоляра Г., рук. Сопротивления в Минском гетто] / Ф. Липский // Авив. – 1993. – 19 марта. – С. 15.

РАЗДЕЛ 3. ПАРТИЗАНСКАЯ И ПОДПОЛЬНАЯ БОРЬБА

В.Я. БЕЗДЗЕЛЬ

ВЫРАТАВАННЕ ДЗЯЦЕЙ ПАРТЫЗАНАМІ І ПАДПОЛЬШЧЫКАМІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Зараджэнне і станаўленне партызанскага і падпольнага руху на тэрыторыі Беларусі адносіцца да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Асноўныя задачы і мэты руху супраціву былі акрэслены ў прамове І. Сталіна, а затым дакументах ЦК КП(б)Б, у прыватнасці, у дырэктыве № 2 ад 1 ліпеня 1941 г. Патрабаванні зводзіліся да стварэння невыносных умоў для ворага ў яго ўласным тыле. З узмацненнем руху супраціву, павелічэннем колькасці партызанскіх шэрагаў, пашырэннем дзейнасці падполля патрыятычныя партыйныя, камсамольскія органы, партызанскія фарміраванні змаглі ўзяць на сябе функцыі па абароне і выратаванні жыцця дзяцей, а пазней і выхаваўчыя. Ужо з 1943 г., калі партызаны кантралявалі прыкладна 60% тэрыторыі Беларусі, можна гаварыць аб тым, што нараўне з баявымі задачамі па зрыву планаў акупантаў, прымаліся меры па захаванні жыцця беларускіх дзяцей, што з'яўлялася ў сваю чаргу адной з састаўляючых комплексу мерапрыемстваў па захаванні насельніцтва ад знішчэння акупантамі і вывазу яго ў Германію.

Важнае значэнне меў і асабісты фактар. Па прызнанні многіх камандзіраў партызанскіх атрадаў, шараговых партызан, дзеці, асабліва тыя, што былі задзейнічаны ў баявых аперацыях, станавіліся “любімчыкамі” ў атрадах. Зразумела, што дарослыя мужчыны імкнуліся зберагчы іх не толькі таму, што яны значна саступалі па ўзросту, але і таму, што ў многіх з іх у акупаваных вёсках таксама засталіся дзеткі.

У першую чаргу ўвагу звярнулі на дзяцей, што засталіся без бацькоў, знаходзіліся ў дзіцячых установах, бадзяжнічалі. Адной з прычын такой пільнай увагі сталі сувязі выхавацеляў з патрыятычным падполлем і партызанамі, існаванне ў многіх дзетдамах падпольных груп, у большасці выпадкаў з удзелам у іх дзяцей старэйшага ўзросту. Ведаючы аб гаротным становішчы выхаванцаў такіх устаноў (голад, холад, адсутнасць медыцынскага абслугоўвання), падпольшчыкі бралі іх пад свой кантроль і ўсемагчымымі сродкамі дапамагалі дзецям. Спектр сродкаў дапамогі быў розным: ад нелегальных шляхоў пастаўкі прадуктаў харчавання да прыкрыцця такіх паставак акупацыйнымі разнарадкамі і дазволамі. Так, Браслаўскі дом немаўляці фінансаваўся за кошт гарадской управы па ўказанні старасты А.А. Васілеўскага, які займаў гэты пост па заданні гарадскога падполля. У яго абавязкі ўваходзіла арганізоўваць збор прадуктаў харчавання сярод насельніцтва і папярэджваць выкарыстанне дзяцей у якасці донараў [1, с. 387]. Восенню 1943 г. пасля арышту А.А. Васілеўскага дзетдом перадалі на ўтрыманне Браслаўскай БНС. Каб не дапусціць выкарыстання

перадалі на ўтрыманне Браслаўскай БНС. Каб не дапусціць выкарыстання дзяцей у медыцынскіх мэтах, падпольшчыкі пусцілі чуткі аб тым, што дзеці хворыя на сухоты.

У тых раёнах, дзе нямецкія гарнізоны былі менш колькасныя, патызаны прыбягалі да метадаў індывідуальнага тэрору. Маецца на ўвазе запугванне дырэктароў дзіцячых устаноў, дапаможнай адміністрацыі. Так адбылося ў выпадку з дзятлаўскім бургамістрам.

Сярод дзетдамоў, што апекаваліся падпольшчыкамі і партызанамі ў гады акупацыі, можна назваць Наваельненскі прытулак (антыфашысцкая група пад кіраўніцтвам Т. Умновай), Гомельскі (доктарам там працаваў член гомельскай падпольнай камсамольскай арганізацыі), дзетдом у Карэлічах, у в. Быкаўшчына Полацкага раёна (партызанская брыгада "Няўлоўныя" пад кіраўніцтвам М.С. Пруднікава) [2]. Дадзеныя аб аказанні дапамогі беспрытульным дзецям маюцца ў архіўных дакументах, справаздачах падпольных партыйных і камсамольскіх органаў, аднак яны носяць фрагментарны і неінфарматыўны характар [3, арк. 34].

У шэрагу выпадкаў партызанам нават удалося вывезці дзетдамы ў партызанскія зоны. На дадзены момант вядома аб двух такіх выпадках: аперацыя "Зорачка" (вываз Полацкага дзетдома) і "Дзеці" (вываз прытулку з Сёмкаў Гарадка). Абедзве акцыі былі праведзены зімой–вясной 1944 г. Неабходна адзначыць, што вывезці дзяцей з тэрыторыі, падкантрольнай акупантам, партызан прымусілі абставіны. Па прызнанні І. Фёдарава, камісара партызанскай брыгады "Штурмавая", якая адказвала за выратаванне выхаванцаў Сёмкаў-Гарадоцкага прытулку, размяшчэнне вялікай колькасці дзяцей (274 чал.) у партызанскіх атрадах "моцна адбілася б на рухомасці і мабільнасці атрадаў, а гэта значыць і на іх баяздольнасці" [4, с. 155]. Гэта было, на наш погляд, галоўнай прычынай, па якой такіх аперацый было толькі дзве, бо і іншыя дзетдамы рэспублікі не мелі сродкаў да існавання.

Штуршком да прыняцця непрастога рашэння аб эвакуацыі дзяцей стала пагроза іх жыццю: фашысты планавалі выкарыстаць дзяцей у якасці донараў і вывезці іх у Германію. Нагадаем, што зімой 1944 г. савецка-германскі фронт стабілізаваўся на тэрыторыі ўсходняй Беларусі. Нямецкая армія адступала і не толькі рабавала беларускія тэрыторыі, але і вывозіла насельніцтва, у тым ліку і дзяцей, у Германію. Таму пагроза для дзіцячых устаноў была сур'ёзная. Наладжаныя да гэтага моцныя сувязі паміж выхавацелямі і партызанамі дазволілі своечасова прыняць меры і папярэдзіць акупантаў.

Аперацыя "Зорачка" па вывазу Полацкага дзетдома адбылася ў ноч на 19 лютага 1944 г. У штабе Полацка-Лепельскага партызанскага злучэння быў загадзя распрацаваны падрабязны план аперацыі. Галоўнай умовай паспяховай рэалізацыі плана стала правядзенне аперацыі без баявых дзеянняў, што дазволіла, па ўспамінах кіраўніка злучэння В.Е. Лабанка, "захаваць жыццё кожнага дзіцяці" [5, с. 309]. Магчымасць уступлення ў бой таксама прадугледжвалася. Для гэтага былі задзейнічаны сілы двух атрадаў брыгады імя Чапаева пад агульным кіраўніцтвам Б.П. Алешчанкі. На 30 падводах у

партызанскую в. Славені прывезлі 130 дзяцей ва ўзросце ад 5 месяцаў да 15 гадоў, абслугоўваючага персанала – 20 чалавек, харчавання, маёмасці і транспарта – 3 павозкі і 6 кароў [6, арк. 54].

Выратаваць дзяцей і перавезці на кантралюемую партызанамі тэрыторыю – не гэта задача была для кіраўніцтва партызанскім злучэннем самая складаная. З гэтага моманту праблемы па забеспячэнні дзяцей харчаваннем, адзеннем, іх выхаванне цалкам клаліся на плечы партызан, што, канешне ж, значна абмяжоўвала іх сілы ў выпадку блакады партызанскай зоны і сутыкненні з ворагам. Для вырашэння ўзнікшых цяжкасцяў бюро Ушацкага падпольнага РК КП(б)Б на пасяджэнні 20–25 лютага 1944 г. пастанавіла не ліквідоўваць дзетдом як арганізацыйную структуру, а перайменаваць яго ў "дзіцячы дом партызанскай брыгады імя Чапаева". Штат педагогаў застаўся ранейшым, як і колькасць выхаванцаў [7, арк. 40 зв.]. На жаль, звестак аб далейшым жыцці і забеспячэнні дзяцей намі знойдзена вельмі мала. Па ўспамінах партызан і выхавацеляў, дзеці атрымлівалі ўсё самае лепшае, што можна было даць ва ўмовах існавання ў тыле германскай арміі. Старэйшыя былі задзейнічаны на абслугоўванні партызанскага аэрадрому "Вячэлле". Пад пагрозай блакады Полацка-Лепельскай зоны дзяцей па папярэдняй дамоўленасці з Масквой пераправілі на Вялікую зямлю. Дзіцячы дом спыніў сваё існаванне.

План па выратаванні выхаванцаў Сёмкаў-Гарадоцкага прытулку Мінскай вобласці распрацоўвалі Заслаўскі падпольны РК КП(б)Б і камандаванне партызанскай брыгады "Штурмавая". Сярод сур'ёзных перашкод, якія ў першую чаргу неабходна было вырашыць, – гэта недахоп ці поўная адсутнасць цёплага адзення ў дзяцей і наяўнасць цэлай сістэмы варожых гарнізонаў, такіх як мінскі, масюкоўшчынскі, ратамскі, змееўскі, заслаўскі, на шляху вывазу дзяцей. У ноч на 29 сакавіка 1944 г. 274 выхаванцы прытулку больш як на 60 падводах былі вывезены партызанамі ў в. Сярэдняе (Манылы). Ахову абоза ўзначальваў камандзір першай роты атрада ім. Жукава І.І. Бацян (у некаторых крыніцах – І.І. Бацянка).

На нарадзе камісараў і камандзіраў партызанскіх атрадаў было вырашана не арганізоўваць дзетдом, а ўладкаваць дзяцей у сем'і мясцовага насельніцтва. Улічваючы вялікую колькасць выхаванцаў, для кожнага атрада былі ўведзены спецыяльныя нормы па размяшчэнні дзяцей. На камандзіраў ускладвалася адказнасць за правядзенне медагляду і санапрацоўкі кожнага дзіцяці. Сярод насельніцтва прапаноўвалася правесці тлумачальную працу аб неабходнасці прыняць беспрытульных. Кантроль за жыццём дзяцей у прыёмных сем'ях павінны былі ажыццяўляць партызаны [8, арк. 218; 9, с. 217]. Па ўспамінах І. Фёдарава, у час блакады партызан у маі 1944 г. ніводная сям'я не пакінула прынятых дзяцей. Наадварот, многія з іх засталіся жыць з прыёмнымі бацькамі і пасля вайны [4, с. 157].

У цяжкіх умовах апынуліся дзеці ў гета. Складанасць у аказанні дапамогі заключалася ў ізаляванасці і ахове гета. Разам з тым, і там дзейнічалі падпольныя групы. Адной з задач падпольшчыкаў быў вывад людзей у

бяспечныя раёны. Так, з мінскага гета ў партызанскую зону Мінскага раёна яўрэяў выводзіў І. Левін, дарэчы, падлетак па ўзросце. У час апошняга пагрома (восень 1943 г.) ім была выведзена група падлеткаў 10 – 12-ці гадоў, сярод якіх і яго сястра Мая. Дзеці былі паспяхова дастаўлены ім у Пухавіцкі раён да партызан [10, с. 59]. Апошнія спрабавалі стварыць дзетдом для выратаваных дзяцей. Аднак з-за складанай ваеннай абстаноўкі камандаванне 2-й Мінскай партызанскай брыгады вымушана было размеркаваць больш за 40 дзяцей сярод жыхароў в. Парэчча. Па ўспамінах М. Левінай, насельніцтва прымала іх не з вялікай ахвотай. У дадзеным выпадку прыняцце яўрэйскіх дзяцей абцяжарвалася пытаннем уласнай бяспекі, асабліва пры блакадзе партызанскай зоны. Разам з тым, усе былі ўладкаваны і пражылі па сем'ях да прыходу Чырвонай Арміі.

Вышэй намі неаднаразова падкрэслівалася, што камандаванне партызанскімі фарміраваннямі неахвотна прымала ў атрады небаяздольнае насельніцтва, асабліва дзяцей. Адзіным выключэннем, якое дзейнічала заўсёды, было пагроза жыццю сям'і партызана ці падпольшчыка, жыццю дзіцяці-падпольшчыка. У гэтым выпадку іх па магчымасці выводзілі ў бяспечную зону. Беспрэцэдэнтным можна назваць выратаванне партызанамі і падпольшчыкамі дзяцей палітэмігрантаў, якія засталіся пад акупацыяй у Наваельнінскім прытулку. Па загадзе камандзіра атрада "Кастрычніцкі" А. Рэдзькі былі вывезены і размешчаны па сялянскіх сем'ях італьянка П. Глікозіо, чэшка У. Рэняк, полька К. Александрук і іншыя дзеці [2, с. 187].

Неабходна адзначыць, што рэгулярнае забеспячэнне размеркаваных па сем'ях дзяцей, якія былі выратаваны (ва ўсіх пералічаных вышэй выпадках), партызанамі не прадугледжвалася. Дапамога аказвалася толькі тым сем'ям, у якіх узнікалі цяжкасці. Зразумела, паколькі само насельніцтва і з'яўлялася першай крыніцай папаўнення партызанскіх запасаў харчавання. Такім чынам, нягледзячы на тое, што аперацыі партызан па выратаванні дзяцей сталі магчымымі пасля ўзмацнення партызанскага руху, асноўны цяжар па далейшым забеспячэнні і адказнасці за дзяцей клаўся на плечы мясцовых жыхароў. Набліжэнне лініі фронту і пагаршэнне сітуацыі ў большасці дзіцячых устаноў, што дзейнічалі на акупаванай тэрыторыі, патрабавала неадкладных рашэнняў. Не заўсёды партызанскія фарміраванні мелі дастаткова рэсурсаў для правядзення такіх аперацый, не было спрыяльных абставін, аднак дзяцей па магчымасці ратавалі. Часцей за ўсё іх перавозілі ў больш бяспечныя вёскі, хавалі па лясах, карыстаючыся тым, што ў акупацыйных улад ва ўмовах адступлення не было часу займацца пытаннямі беспрытульных дзяцей і высылаць за імі дадатковыя вайсковыя часткі. Выратаваныя сотні жыццяў беларускіх дзяцей – гэта вынік не толькі рашучасці і сілы беларускіх партызан, але і мясцовага мірнага насельніцтва.

1. Люди нарочанского края. Воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. – Мн.: Беларусь, 1975. – 592 с.

2. Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця / У.П. Паўлаў. – Мн.: ААТ "Паліграфкамбінат імя Я. Коласа", 2005. – 416 с.

3. НАРБ.–Ф. 1386.–Воп. 1.–Спр. 22. Отчеты и политдонесения РК ЛКСМБ и помощников комиссаров по комсомолу о проделанной работе.

4. Фёдараў, І. Ім вярнулі дзяцінства / І. Фёдараў // Маладосць. – 1984. – № 4. – С. 154 – 157.

5. Лобанок, В.Е. В боях за Родину / В.Е. Лобанок. 3-е доп. издание. – Мн.: Беларусь, 1964. – 411 с.

6. НАРБ.–Ф. 1403.–Воп. 1.–Спр. 25. Разведданные, опросы перебежчиков, данные обороны и связи партизанской бригады им. Чапаева (Мельникова).

7. НАРБ.–Ф. 1391.–Воп. 1.–Спр. 120. Документы о признании деятельности подпольной патриотической группы «Бесстрашные» Полоцкого детдома (постановления, справки, подтверждения, заявления, личные листки, воспоминания, списки).

8. НАРБ.–Ф. 1405.–Воп. 1.–Спр. 959. Приказы и приказания штаба Особого соединения партизанских отрядов (ОСПО), партизанской бригады "Штурмовая" и приговора революционно-военного трибунала при п/б "Штурмовая".

9. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Заслаўя / Рэд.кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БЕЛТА, 2000. – 464 с.

10. Жива... Да, я жива! Минское гетто в воспоминаниях Майи Крапиной и Фриды Рейзман: материалы и документы / Сост. М.И. Крапина, Ф.В. Рейзман; отв. ред. К.И. Козак. – Мн., 2005. – 258 с.

А.М. ДУЛАЎ

ГІСТОРЫЯ ВІЦЕБСКАГА ПАДПОЛЛЯ Ў ПРАЦАХ Н.І. ДАРАФЕЕНКІ

Падпольная барацьба супраць германскіх акупантаў ўяўляе сабой адну з найбольш складаных для вывучэння праблем гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны [1, с. 133]. Першыя публікацыі па дадзенай праблеме з'явіліся яшчэ ў ваенныя гады. Спрыяльныя ўмовы для даследавання антыфашысцкай барацьбы склаліся у так званы перыяд «адлігі». Важнае значэнне мела тое, што з 1956 г. на чале БССР стаялі былыя партызаны К.Т. Мазураў і П.М. Машэраў, якія падтрымлівалі даследаванні ў гэтай галіне [2, с. 134]. На пачатку 1960-х гг. у гістарычную навуку прыйшла Ніна Іванаўна Дарафеенка – удзельніца антыфашысцкага супраціўлення і даследчыца, справай жыцця якой стала адкрыццё праўды і ўшанаванне памяці пра подзвіг віцебскіх падпольшчыкаў. Мэта дадзенага артыкула: акрэсліць уклад Н.І. Дарафеенкі ў распрацоўку гісторыі віцебскага патрыятычнага падполля. Намі былі выкарыстаны біяграфічныя звесткі з энцыклапедыі і кніг "Памяць" [3; 4; 5], шчыры і цёплы

артыкул В. Шалухі, напісаны ў значнай ступені з уласных уражанняў аўтара ад супрацоўніцтва і сяброўства з гераіняй [6], аўдыёзапіс гутаркі з Нінай Іванаўнай, што адбылася 12 мая 2009 г. [7], а таксама асноўныя навуковыя работы даследчыцы (гл. спіс).

Ніна Іванаўна Дарафеенка, дзявочае прозвішча – Маісеева, нарадзілася 10 студзеня 1923 г. у вёсцы Уласава непадалёку ад Суража. Пасля заканчэння Суражскай беларускай школы Ніна Маісеева паступіла на хімічны факультэт Ленінградскага дзяржаўнага універсітэта, але ў хуткім часе вымушана была пакінуць універсітэт з-за ўвядзення платы за навучанне. На пачатку Вялікай Айчыннай вайны Ніна закончыла шасцімесячныя курсы пры Віцебскім педагагічным інстытуце. Пасля вяртання ў родную вёску, Ніна Іванаўна ўключылася ў антыфашысцкі рух, стала ўдзельніцай падпольнай групы, а ў лістападзе 1942 г., разам са сваімі паплечніцамі, партызанкай брыгады «Аляксея».

У гады вайны Ніна Іванаўна страціла сям'ю: былі расстраляны гітлераўцамі дзве бабулі, дзядуля, маці і бацька, брацік і сястрычка. Двое дзядзькоў загінулі ў партызанах. Сама Ніна Іванаўна абмарозіла ногі. Ёй цудам удалося выжыць. Вярнулася дадому з хворымі нагамі і моцна сапсаваным зрокам. Пасля вызвалення Суражчыны, як толькі дазволіла здароўе, Ніна Маісеева пайшла працаваць настаўніцай. Ніна Іванаўна займалася і камсамольскай працай, была абрана другім сакратаром райкама камсамола. Адчуваючы недахоп ведаў, у 1946 г. яна стала студэнткай завочнага аддзялення гістарычнага факультэта Віцебскага педагагічнага інстытута. Менавіта ў час вучобы ў Віцебску Ніна Іванаўна зрабіла першы крок да вывучэння падпольнай і партызанскай барацьбы. Па сённяшні дзень яна захоўвае нататнічак – падарунак ваеннага. Менавіта ў ім, бо цяжка было з паперай і сшыткамі, студэнтка-завочніца Ніна напісала першую кантрольную работу пра «свой бабий батальон». Работа атрымала станоўчую рэцэнзію. Сама Ніна Іванаўна лічыць яе першай спробай пяра [7].

Пасля заканчэння двух курсаў Віцебскага педінстытута Ніна Маісеева вырашыла паехаць вучыцца ў Молатаў (Перм), дзе жыў яе дзядзька. У 1949 г. пасля заканчэння гістарычнага факультэта Молатаўскага (Пермскага) педінстытута вярнулася на радзіму. Ніна Іванаўна працавала ў Віцебскім абласным аддзеле народнай адукацыі і ў аддзеле школ і ВНУ абкама КПБ. Тут яна сустрэла свайго будучага мужа, лётчыка-франтавіка, журналіста Мікалая Уладзіміравіча Дарафеенку, які працаваў загадчыкам сектара друку. Пасля нараджэння дачкі, не маючы магчымасці ездзіць у камандзіроўкі, Ніна Іванаўна Дарафеенка перайшла ў медыцынскі інстытут загадчыцай кабінета марксізму-ленінізму. У 1956 г., ужо будучы маці дваіх дзяцей, Н.І. Дарафеенка закончыла Вышэйшую партыйную школу пры ЦК КПСС [5]. Яна пачала працаваць выкладчыкам на палову стаўкі. Аднак вольнай стаўкі ў мединстытуце не было, і калі вызвалілася месца ў ВДПІ імя С.М. Кірава, Ніна Іванаўна перайшла туды. З 1962 па 1980 г. яна выкладала гісторыю партыі на матэматычным і біялагічным

факультэтах. Да сваёй працы Н.І. Дарафеенка падыходзіла творча, шчыра. з душою, была выкладчыцай строгай, але справядлівай, дзякуючы чаму карысталася аўтарытэтам і павагай як студэнтаў, так і калег.

За заслугі перад Радзімай Ніна Іванаўна ўзнагароджана медалём «Партызану Айчыннай вайны» I ступені, ордэнам Айчыннай вайны II ступені, медалём «За баявыя заслугі» і інш. У 1978 г. Н.І. Дарафеенкі было прысвоена званне «Заслужаны работнік вышэйшай школы БССР». У 1994 г. рашэннем Камісіі пры Савеце Міністраў Ніне Іванаўне была прызначана пенсія за асаблівыя заслугі перад Рэспублікай Беларусь [5; 7].

Сферай навуковых інтарэсаў Ніны Іванаўны стаў антыфашысцкі рух супраціву. Даследаванне дадзенай тэмы яна лічыла і лічыць сваім асабістым абавязкам. Пасля прыходу ў ВДПІ імя С.М. Кірава Н.І. Дарафеенка пачала працу над кандыдацкай дысертацыяй, прысвечанай гісторыі віцебскага падполля. Каб абарона дысертацыі стала магчымай, павінна была завяршыцца работа па зацвярджэнні ЦК КПБ складу Віцебскага падполля. Ніна Іванаўна і Мікалай Уладзіміравіч Дарафеенкі ўвайшлі ў камісію абкама КПБ па вывучэнні і прызнанні Віцебскага падполля, якую ўзначальваў сакратар па прапагандзе, журналіст і гісторык Мікалай Ільіч Пахомаў. Менавіта яны выканалі асноўную работу па падрыхтоўцы даведкі, тэкст якой быў надрукаваны цалкам у газетах «Звязда» і «Советская Белоруссия» [8].

У 1968 г. Н.І. Дарафеенка паспяхова абараніла дысертацыю «Витебское партийное, патриотическое подполье в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июнь 1944 г.)». Работа выконвалася ў Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ пад кіраўніцтвам С.З. Пачаніна (з 1968 г. – доктара гістарычных навук). У аснову дысертацыі Ніны Іванаўны была пакладзена грунтоўная база крыніц. Даследчыца выкарыстала матэрыялы архіваў Масквы, Мінска, Віцебска, у тым ліку трафейныя дакументы. Шырока былі скарыстаны таксама ўспаміны саміх падпольшчыкаў іх родных і блізкіх, якія запісваліся аўтарам (фактычна прымяняўся метад «вуснай гісторыі»). Разам з Мікалаем Уладзіміравічам яны правялі вялікую пошукавую работу, абыйшлі пешшу Віцебск, наведалі навакольныя гарады і вёскі, каб сустрэцца з удзельнікамі і відавочцамі падзей. Па словах В. Шалухі, кватэра Дарафеенкаў «стала штабам пошуку. Увесь горад прыйшоў на дапамогу Ніне Іванаўне. У кватэры заўсёды было шмат наведвальнікаў, тут адбываліся цікавыя сустрэчы, не змаўкаў тэлефон, паштальён часта прыносіў стосы пісем і тэлеграм» [6, с. 17].

Ніна Іванаўна імкнулася аб'ектыўна паказаць гісторыю Віцебскага падполля, пісала не толькі пра гераізм, але і пра складанасці ў станаўленні і развіцці падпольнага руху. Паколькі пэўная частка матэрыялаў была засакрэчанай, абарона дысертацыі была закрытай. Дысертацыйная праца атрымала станоўчую ацэнку навукоўцаў, у тым ліку акадэміка Ц.П. Гарбунова, які ў гады Вялікай Айчыннай вайны быў сакратаром ЦК КПБ па прапагандзе [7].

Пасля абароны дысертацыі Віцебскі абкам КПБ прыняў рашэнне даручыць М.І. Пахомаву, Н.І. і М.У. Дарафеенкам падрыхтаваць кнігу

«Витебское подполье», што было зроблена аператыўна: ужо ў 1969 г. яна ўбачыла свет. У 1974 г. выйшла другое, перапрацаванае і дапоўненае выданне. Урыўкі з кнігі друкаваліся ў перакладзе на нямецкую мову ў газеце «NEUER TAG» («Новы дзень») Франкфурта-на-Одэры (ГДР). Кніга стала сапраўднай данінай памяці подзвігу патрыётаў Айчыны. У аснову яе быў пакладзены матэрыял дысертацыі Ніны Іванаўны, які быў літаратурна апрацаваны і адрэдагаваны яе мужам і М.І. Пахомавым. У працы былі названы імёны больш за тысячу змагароў з нацызмам. Чытачы змаглі даведацца пра акупацыйны рэжым у Віцебску, становішча насельніцтва, гераізм падпольшчыкаў, асноўныя формы і метады іх змагання, значныя паспяховыя аперацыі (забойства рэдактара газеты «Новый путь» А.Л. Бранта, арганізацыя пераходу на бок партызан 825-га батальёна Волга-татарскага легіёна і інш.). Аўтары паказалі ўсенародны характар барацьбы з акупантамі, у якой ўдзельнічалі жыхары Віцебска розных узроставых груп (ад дзяцей да старых), замежныя антыфашысты (П. Кёрнер-Шрадэр (К. Шрадэр), І. Лойда). Асобны раздзел кнігі быў прысвечаны дзейнасці ў акупаваным Віцебску Веры Харужай [9].

Кніга атрымала станоўчыя водгукі ў друку [10; 11; 12]. Як зазначыў пра «Витебское подполье» ў гістарыяграфічным артыкуле беларускі даследчык гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, прафесар А.А. Каваленя, «у гэтым дакументальным даследаванні побач з паказам баявой, дыверсійнай і палітычнай дзейнасці разгледжаны цяжкасці ў станаўленні і развіцці падполля, называюцца прычыны правалаў многіх груп, звязаныя з нявопытнасцю і слабай падрыхтоўкай патрыётаў да ўмоў нелегальнай барацьбы. Раскрыты метады пранікнення правакатараў у рады падпольшчыкаў, злавесная роля здраднікаў, на чыіх руках кроў многіх патрыётаў Віцебска» [2, с. 142]. Па сённяшні дзень факталогія, выкладзеная ў кнізе, не згубіла навуковай каштоўнасці, а тэкст чытаецца з цікавасцю. Матэрыялы кнігі, разам з больш познімі публікацыямі Ніны Іванаўны, сталі асновай для стварэння навуковай канцэпцыі ўнікальнай «Экспазіцыі памяці патрыётаў Віцебшчыны», адкрытай Віцебскім абласным краязнаўчым музеям у 2003 г. у былых засценках турмы СД на Успенскай горцы ў Віцебску, і распрацоўкі экскурсу.

У працэсе даследавання Н.І. Дарафеенка вярнула светлае імя многім людзям, на якіх ляжаў цень падазрэння. Мікалай К., сын загінуўшага падпольшчыка, пісаў Ніне Іванаўне: «Вы, як сонца, увайшлі ў наш дом, прынеслі праўду і радасць пра нашага бацьку. Многа гадоў мы былі прыгнечаны думкай, хаця цвёрда верылі і ведалі, што прыйдзе час, і праўда пераможа» [цыт. па: 6, с. 18]. Высветлілася, што многія падпольшчыкі ўзнагароджаны, але не ведаюць пра гэта. Ніна Іванаўна з дапамогай Валянціны Дзям'янаўны Шалухі, якая працавала ў Мінску ў Міністэрстве асветы, высветліла імёны шэрагу ўзнагароджаных віцебскіх падпольшчыкаў і аднавіла справядлівасць [7]. Шмат намаганняў прыклала Н.І. Дарафеенка і дзеля таго, каб у Віцебску былі адкрыты помнікі і мемарыяльныя дошкі падпольшчыкам [6, с. 17].

Менавіта Ніна Іванаўна выступіла ініцыятарам распрацоўкі праблемы ўдзелу дзяцей Віцебшчыны ў барацьбе супраць нацысцкіх акупантаў. Калектывам аўтараў-аднадумцаў, у які разам з Н.І. Дарафеенкай увайшлі журналіст У.Р. Скапа, загадчыца віцебскага партархіва Т.І. Глінка, супрацоўнік архіва Р.М. Акенцьеў, была створана кніга «Юные герои Витебщины». У аснову былі пакладзены архіўныя дакументы, успаміны, матэрыялы, выяўленыя ў выніку пошукавай працы. У тэксце, які складаецца з невялікіх нарысаў, разлічаных на дзяцей сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту, утрымліваюцца звесткі пра больш за 120 юных змагароў. Прадмову да выдання напісаў Васіль Быкаў [13]. Кніга знайшла зацікаўленых чытачоў, выкарыстоўвалася ў вучэбна-выхаваўчым працэсе. Але была і адмоўная рэакцыя, успамінала Ніна Іванаўна: «Звонок: Так что, выходит, у вас дети войну выиграли!? И дети тоже! – и кладу трубку» [7].

Н.І. Дарафеенка – аўтар артыкулаў, прысвечаных віцебскаму патрыятычнаму падполлю ў энцыклапедычных выданнях: даведніку «Витебск» (Мн., 1988), энцыклапедыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 – 1945» (Мн., 1990), «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (ЭГБ) у 6-і т., т. 2 (Мн., 1994). Даследчыцай былі названы абагульненыя лічбы: у перыяд акупацыі ў Віцебску дзейнічала 66 падпольных груп і каля 1500 падпольшчыкаў [14, с. 127] (у артыкул ЭГБ укралася памылка – 15 тыс. замест 1,5 тыс.). У ЭГБ даследчыца абнародавала факты, звязаныя з паводзінамі адказных партыйных кіраўнікоў– сакратара Віцебскага гаркама КП(б)Б П.І. Іванова і сакратара Беластоцкага абкама партыі П.І. Папова (у тэксце апошні названы сакратаром абкама камсамола, але гэта недакладнасць), якія былі пакінуты ў пачатку вайны ў Віцебску для кіраўніцтва падпольным партыйным цэнтрам, але збеглі з горада, у выніку чаго камуністы-падпольшчыкі засталіся без дакументаў, ім былі невядомыя многія канспіратыўныя кватэры, шмат часу было згублена на пошукі кіраўнікоў. Многія падпольныя групы ў першы год акупацыі былі створаны патрыётамі самастойна [15, с. 319]. Больш падрабязна на праблеме стварэння ў Віцебску падпольнага партыйнага цэнтра, у т.л. на паводзінах П.І. Іванова і П.І. Папова, даследчыца спынілася ў пазнейшых публікацыях. Паводле ацэнкі Ніны Іванаўны, абставіны, якія склаліся ў выніку ўцёкаў кіраўнікоў «крайне негатыўна адбіліся на настроі і лёсе пакінутых у падполлі, у значнай меры дэзарганізавалі і затармазілі пачатак падпольнай работы, прывялі да гібелі людзей» [16, с. 81].

Н.І. Дарафеенка прыняла актыўны ўдзел у стварэнні кнігі «Памяць» г. Віцебска. Акрамя двух грунтоўных артыкулаў: абагульняльнага, прысвечанага віцебскаму падполлю, а таксама артыкула пра дзейнасць Веры Харужай у Віцебску, пяру Ніны Іванаўны належыць даведачная інфармацыя пра падпольныя групы і пра ўшанаванне памяці віцебскіх падпольшчыкаў. Абагульняльны артыкул напісаны на высокім прафесійным узроўні, у адрозненне ад энцыклапедычных ён больш падрабязны. Даследчыца вылучыла ў дзейнасці віцебскага падполля два этапы: 1-ы ад пачатку акупацыі Віцебска да

адкрыцця Віцебскіх (Суражскіх) «варот» у лютым 1942 г., 2-і–з лютага 1942 г. да канца чэрвеня 1944 г., да вызвалення; ахарактарызавала гэтыя этапы, паказала складанасць барацьбы ў спецыфічных умовах прыфрантавога горада [17].

Важным накірункам навуковай працы Ніны Іванаўны было даследаванне подзвігу Веры Харужай у Віцебску. Гэтая праблема разглядалася ў шэрагу публіцыстычных і навуковых публікацый даследчыцы пачынаючы з 1960-х гг. [18; 19; 20; 9, 16 і інш.]. У адным з інтэрв'ю, адказваючы на пытанне, як Вера Захараўна магла пакінуць чатырохмесячнае дзіця і накіравацца ў варожы тыл, Н.І. Дарафеенка сказала: «Да поймите вы, она знала, что ей, опытной подпольщице, нет замены на этом участке. Не было бы самопожертвования, не было бы и Победы. Личность Хоружей, ее характер и отношение к делу меня восхищают» [цыт. па: 21].

Аднак і сёння дзейнасць В.З. Харужай у акупаваным Віцебску застаецца недастаткова вядомым аспектам яе біяграфіі. У вучэбным дапаможніку для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)», у раздзеле «Кароткі біяграфічны даведнік», В.З. Харужая характарызуецца як «адна з арганізатараў Віцебскага партыйнага падполля», якая «у верасні 1942 г. на чале групы з 17 чалавек накіравана ў акупіраваны нямецка-фашысцкімі захопнікамі Віцебск. Стварыла і ўзначаліла падпольную групу» [22, с. 272]. Яшчэ ў канцы 1980-х гг., у выніку аналізу звестак, атрыманых з комплексу крыніц, Н.І. Дарафеенка мела падставы сцвярджаць, што Вера Захараўна стварыла і ўзначаліла ўвосень 1942 г. у Віцебску не групу, а падпольны партыйны цэнтр [23, с. 125]. У артыкуле ЭГБ гэтае сцвярджэнне было знята, відавочна рэдактарамі [15, с. 320], бо сама даследчыца ад сваіх поглядаў не адмовілася. У публікацыях 1990-х – 2000-х гг. Ніна Іванаўна паказала аб'ём і значнасць падпольнай работы, зробленай В.З. Харужай у Віцебску, а таксама перавагу суб'ектыўных прычын яе правалу [16; 24; 25].

Такім чынам, Ніна Іванаўна Дарафеенка ўнесла значны ўклад у вывучэнне віцебскага патрыятычнага падполля. Па сённяшні дзень яе навуковыя працы не згубілі актуальнасці. Вынікі даследаванняў Н.І. Дарафеенкі выкарыстоўваюцца ў навучальна-выхаваўчым працэсе ў школах і вышэйшых навучальных установах, рабоце музеяў Віцебшчыны. Праблемы, намечаныя ў работах Ніны Іванаўны, у прыватнасці, удзел жанчын і дзяцей у антыфашысцкай барацьбе, атрымалі далейшую распрацоўку ў даследаваннях маладых віцебскіх гісторыкаў.

1. Здановіч, У.В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941 – 1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі: манаграфія / У.В. Здановіч. – Брэст: Выд-ва БрДУ, 2008. – 253 с.

2. Каваленя, А.А. Моладзь Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А.А. Каваленя // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы

гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. артыкулаў. – Мн.: Бел. навука, 1999. – С. 123 – 162.

3. Дарафеенка Ніна Іванаўна // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6-і т. Т. 3: Гімназія – Кадэнцыя / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. –Мн.: БелЭн, 1996. – С. 208.

4. Дарафеенка Ніна Іванаўна // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 2-я / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2003. – С. 553.

5. Дарафеенка Ніна Іванаўна // Памяць: Віцебскі раён / Уклад. У.І. Мезенцаў. – Мн.: Маст. літ., 2004. – С. 677.

6. Шалуха, В. Праз усё жыццё / В. Шалуха // Народная асвета. – 1979. – № 3. – С. 16–18.

7. Гутарка з Дарафеенкай Нінай Іванаўнай, 1923 г.н. ад 12.05.2009 г. (Аўдыёзапіс) // Асабісты архіў аўтара.

8. Горад мужных, нескароных: Аб партыйным патрыятычным падполлі ў Віцебску ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 г. – чэрвень 1944 г.) / Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ – філіял Інстытута марксізма-ленінізма пры ЦК КПСС; Віцебскі абком КПБ // Звязда. – 1967. – 5 ліпеня. – С. 2 – 4.

9. Пахомов, Н.И. Витебское подполье. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. – Мн.: Беларусь, 1974. – 248 с.

10. Смиловицкий, Л. Рец. на кн.: Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко. Витебское подполье. Издательство «Беларусь». Минск, 1969 / Л. Смиловицкий // Неман. – 1970. – № 4. – С. 175.

11. Горбачева, А. Повесть о мужестве / А. Горбачева // Сельская газета. – 1970. – 27 декабря. – С. 4.

12. Кузьмич, В. Подвигу жить века / В. Кузьмич // Знамя юности. – 1971 – 5 февраля.

13. Юные герои Витебщины / Н.И. Дорофеенко, В.Г. Скопа, Т.И. Глинка, Г.М. Акентьев. – Мн.: Нар. асвета, 1980. – 127 с.

14. Дарафеенка, Н.І. Віцебскае партыйна-камсамольскае падполле / Н.І. Дарафеенка, М.У. Дарафеенка // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 – 1945: Энцыкл. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелСЭ, 1990. – С. 127 – 132.

15. Дарафеенка, Н.І. Віцебскае патрыятычнае падполле / Н.І. Дарафеенка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6-і т. Т. 2: Беліцк – Гімн / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 1994. – С. 319–320.

16. Дарафеенка, Н.І. Аб кіруючым падпольным цэнтры ў Віцебску (1941 – 1943). Новы погляд на абставіны падпольнай дзейнасці В.З. Харужай / Н.І. Дарафеенка // Война известная и неизвестная: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, 15–16 июня 1994 г.– Витебск: Витебский областной краеведческий музей, 1995. – С. 80 – 88.

17.Дарафеенка, Н.І. Віцебскае падполле дзейнічае / Н.І. Дарафеенка // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 1-я / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2002. – С. 456–464.

18.Дарафеенка, Н.І. Апошняя старонка [Пра апошнія месяцы жыцця і барацьбы В. Харужай] / Н.І. Дарафеенка // ЛіМ. – 1967. – 1 снеж. – С. 2 – 3, 4.

19.Дарафеенка, Н.І. Патрыёты Віцебска [Пра дзейнасць В.З. Харужай] / Н.І. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1985. – 26 лістап. – С. 3.

20.Дарафеенка, Н.І. Ды не прыстала нідзе ты, не збочыла ... [Пра падпольную дзейнасць В. Харужай у Віцебску] / Н.І. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1993. – 6 ліпеня. – С. 3; 8 ліпеня. – С. 5; 13 ліпеня. – С. 3; 15 ліпеня. – С. 5; 20 ліпеня. – С. 3.

21. Крупица, Н. «... Были люди, у которых были лица...» / Н. Крупица // Віцьбічы. – 2003. – 17 сент. – С. 2.

22. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны): Вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / Пад рэд. А.А. Кавалені і М.С. Сташкевіча. – Мн.: Выд. цэнтр БДУ, 2004. – 279 с.

23. Витебское партийно-комсомольское подполье // Витебск: Энцикл. справ. / Редкол. И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. – Мн.: БелСЭ, 1988. – С. 124 – 132.

24.Дарафеенка, Н.І. Подзвіг Веры Харужай у Віцебску / Н.І. Дарафеенка // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 1-я / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелЭн, 2002. – С. 471 – 478.

25.Дарафеенка, Н.І. Аб Веры Харужай – новае слова / Н.І. Дарафеенка // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 18 – 19 чэрвеня 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА "ВДУ імя П.М. Машэрава". – С. 110–117.

Э.Г. ИОФФЕ

РОЛЬ РУКОВОДСТВА НКВД СССР И ГЛАВПУРА РККА В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ (1941-1942)

До настоящего времени одной из малоизученных проблем истории партизанского движения в Белоруссии в 1941-1944 гг. остается место и роль органов государственной безопасности и политических органов в становлении, организации и руководстве этим движением.

До начала XXI века не было принято говорить о роли органов государственной безопасности и Главного Политического управления РККА в организации и руководстве партизанским движением Белоруссии в годы Великой Отечественной войны по ряду причин. Во-первых, официальная

идеология в Советском Союзе не могла допустить, чтобы партизанское движение организовывалось не коммунистической партией, а кем-то другим. Во-вторых, многие важные источники по данной проблеме были недоступны для большинства историков из-за их секретности. В-третьих, в большинстве исследований отражался, как правило, позитивный опыт партизанского движения, что не могло не привести к искажению реальной действительности. В-четвертых, очень долгое время в этих исследованиях давалась негативная оценка деятельности наркома НКВД СССР Л.П.Берии и начальника Главного Политического управления РККА Л.З. Мехлиса.

С начала Великой Отечественной войны до создания Центрального штаба партизанского движения 30 мая 1942 года важную роль в организации, развитии и руководстве партизанским движением на территории Белоруссии сыграли Народный Комиссариат внутренних дел СССР и Главное Политическое управление Красной Армии.

Рассмотрим этот вопрос на примере деятельности Л.П.Берии, П.А.Судоплатова и Л.З. Мехлиса.

Лаврентий Павлович Берия

В 1941–1942 гг. одним из руководителей партизанского движения на оккупированной территории СССР, в том числе и на оккупированной территории Белоруссии, был генеральный комиссар государственной безопасности, народный комиссар внутренних дел СССР, член (а в мае–сентябре 1944 г. – заместитель председателя) Государственного Комитета Обороны Лаврентий Павлович Берия.

Он родился 29 марта 1899 г. в селе Мерхеули Сухумского округа Тифлисской губернии в крестьянской семье. Берия окончил среднее механико-строительное училище (1919) и учился в Политехническом институте.

22 августа 1938 г. он был назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР, а 25 ноября 1938 г. стал народным комиссаром внутренних дел СССР. С 3 февраля 1941 г., не оставляя поста наркома, Берия стал заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР.

На пятый день войны – 26 июня 1941 г. Берия отдал приказ районным отделениям НКВД формировать отряды народного ополчения, известные под названием «истребительные батальоны». В соответствии с этим приказом истребительный батальон по размерам должен был соответствовать армейской роте (100-200 человек), а его рядовой личный состав в основном должен был включать в себя людей, по тем или иным причинам не пригодных для службы в Красной Армии, в т.ч. и по возрасту. В то же время офицеры и большая часть сержантского состава являлись работниками НКВД или заслуживающими доверия членами партии.

Однако уже в июле 1941 г. приказы наркома НКВД предусматривали превращение находящихся в прифронтовой полосе истребительных батальонов в партизанские отряды. Перед НКВД была поставлена чрезвычайно важная задача по проведению строгого отбора людей для партизанских отрядов.

Анализ многочисленных источников, в том числе и архивных, позволяет сделать вывод, что в период организации и развития партизанского движения существенную роль сыграл именно НКВД во главе с Л.П. Берией.

Один из руководителей органов государственной безопасности, а в 1941 г. заместитель начальника 1-го Главного управления НКВД СССР П.А. Судоплатов, вспоминал:

«В первый же день войны мне было поручено возглавить всю диверсионно-разведывательную работу в тылу германской армии по линии советских органов госбезопасности. Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение – Особая группа при наркоме внутренних дел. Приказом по наркомату мое назначение начальником группы было оформлено 5 июля 1941 г...

Главными задачами Особой группы были: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны...

В октябре 1941 г. Особая группа в связи с расширением объема работ была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД по-прежнему в непосредственном подчинении Берии» [1, с.197-198].

Во взаимодействии с районными и местными организациями отдел начал засылать партизанские формирования в тыл врага, включая в их состав опытных офицеров – разведчиков и радистов.

В тыл противника было направлено боле двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек.

В книге Серго Берии «Мой отец Берия» есть такие строки:

«4 июля 1941 г. была отменена народная милиция, НКВД поручили организовать партизанское движение. Подобное вовлечение населения в войну мой отец находил преступным: это ничего не давало и только повлекло за собой уничтожение гражданского населения. Его теория такова, поскольку мы даем отпор, отступая, сопротивление должно осуществляться небольшими, хорошо оснащенными и хорошо обученными группами, способными совершать диверсионные акты. Разрушая мосты и железнодорожные пути... Партизаны были разделены на две группы, которыми руководил Судоплатов, - на тех, кто занимался сбором разведывательных данных и кто осуществлял диверсионные операции. Когда наша армия стала одерживать победы, каждый старался объявить себя партизаном» [2, с. 99].

Правда такова, что Л.П. Берия видел в создании ЦШПД несомненного конкурента в руководстве партизанским движением и пытался доказать Сталину, что целесообразнее готовить партизанские отряды в советском тылу и затем перебрасывать их за линию фронта. Берия основывался на практике ОМСБОН и территориальных 4-х отделов НКВД. Но НКВД не могло полностью охватить все партизанское движение, развернувшееся на оккупированной территории БССР и всей СССР. И это стало очевидно уже весной 1942 г.

В то же время нельзя не согласиться со следующим мнением российского историка А. Топтыгина: «Оценка П.А. Судоплатова, С.А. Ваупшасова (речь идет о высокой оценке – **Э.И.**) в развертывании партизанского движения может быть подтверждена десятками участников партизанской борьбы. Правда, ни в одном из мемуаров бывших партизанских командиров вы не встретите упоминания именно о Л.П. Берии, а между тем, то управление, которое занималось разведкой, террором и диверсиями, партизанским движением в ближнем и дальнем тылу врага, подчинялось непосредственно наркому, и начальник 4-го управления НКВД генерал-майор П.А. Судоплатов именно Берии докладывал о ходе операций и именно от него получал приказы. Так что роль Берии и на этом участке борьбы с врагом была достаточно весомой» [3, с. 202].

9 июля 1945 г. Л.П.Берии было присвоено звание Маршала Советского Союза, а в марте 1946 г. он стал членом Политбюро ЦК ВКП (б). С 5 марта 1953 г. Лаврентий Павлович сосредоточил в своих руках посты первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел СССР.

26 июня 1953 г. Берия был арестован и освобожден от всех постов. Он был обвинен в большом количестве преступлений. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР Берия был приговорен к смертной казни и расстрелян 23 декабря 1953 г. В 2000 г. родственникам Лаврентия Павловича было отказано в его реабилитации.

После своего падения Берия был обвинен в том, что систематически способствовал развалу партизанского движения. В частности, в том, что он арестовал всех членов партизанского штаба, созданного в ноябре 1941 г. [4, с. 96].

Все это не оспаривает того факта, что Л.П. Берия был одним из руководителей партизанского движения СССР и БССР в 1941–1942 гг.

Павел Анатольевич Судоплатов

Один из организаторов и руководителей партизанского движения на оккупированной территории СССР и БССР, начальник службы разведки и диверсий советских органов госбезопасности в тылу немецких войск генерал-лейтенант П.А. Судоплатов родился 7 июля 1907 года в Мелитополе. Он окончил двухклассное училище, два курса факультета советского права МГУ (1933), Военно-юридическую академию Советской Армии (1953).

Павел Анатольевич был участником гражданской войны. В 1919 г., двенадцати лет от роду, он ушел добровольцем в Красную Армию, был воспитанником 1-го Ударного Мелитопольского полка Заднепровской дивизии, затем беспризорничал. С 1920 года – красноармеец роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии на Украине.

С 1921 г. – письмоводитель, регистратор, делопроизводитель, систематизатор оперативного отдела 44-й дивизии и Волынского губотдела ГПУ в Житомире.

С 1923 г. Судоплатов находился на комсомольской работе, а с 1925 года – в органах ГПУ Украины.

В феврале 1932 г. Павла Анатольевича перевели в Москву в центральный аппарат ОГПУ. Он был старшим инспектором отдела кадров ОГПУ, курировал ИНО, работал в аппарате ИНО ОГПУ.

С 1935 г. находился на нелегальной разведывательной работе за границей. 23 мая 1938 г. по поручению И. Сталина в Роттердаме осуществил ликвидацию лидера ОУН Е.Коновальца.

В ноябре-декабре 1938 г. Судоплатов исполнял обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД – внешней разведки. 10 мая 1939 года он был утвержден заместителем начальника внешней разведки НКВД СССР. С 1939 г. Павел Анатольевич руководил подготовкой операции «Утка» (ликвидации Л.Троцкого), успешно осуществленной в Мексике 20 августа 1940 г.

26 февраля 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) Судоплатов назначается заместителем начальника Разведывательного управления только что созданного Наркомата госбезопасности СССР.

После того, как началась Великая Отечественная война, с 26 июня 1941 г. по совместительству он возглавил Штаб по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп. Тогда же Судоплатов был назначен заместителем начальника Центрального штаба истребительных батальонов НКВД СССР.

5 июля 1941 г. Павел Анатольевич был утвержден начальником Особой группы при наркоме внутренних дел СССР (Андрей), 3 октября 1941 г. – 2-го отдела НКВД СССР.

Мы уже отмечали, что после создания Особой группы и даже одновременно с ее формированием в конце июня – начале июля 1941 года проходило формирование отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), созданной по инициативе Судоплатова.

С июля по октябрь 1941 г. особая спецгруппа ОМСБОН создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей.

Начальник ЦШПД П.К. Пономаренко писал, что большинство спецотрядов, спецгрупп, действовавших в тылу немецко-фашистских войск, было создано в ОМСБОНе и что превращение их в крупные отряды и соединения «способствовало росту партизанского движения, а также в огромной степени расширяло возможности для разведывательной и контрразведывательной работы. Оценивая боевые заслуги воинов ОМСБОНа, он отмечал:

«Эти кадры бесстрашных организаторов и бойцов-чекистов сыграли значительную роль в развитии всенародной борьбы в тылу противника».

С 30 ноября 1941 г. по 1 июля 1942 г. Судоплатов одновременно являлся и заместителем начальника 1-го (разведывательного) Управления НКВД СССР.

18 января 1942 г. Павла Анатольевича назначают начальником 4-го Управления НКВД СССР. Именно Судоплатов руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в ближних и дальних тылах противника, в том числе и на территории Белоруссии, а также координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников.

Через много лет он вспоминал:

«Будучи вместе с Н. Эйтингоном, Н. Мельниковым, В. Гридневым, М. Орловым, В. Дроздовым, М. Маклярским, Я. Серебрянским, Л. Сташко руководителями организации боевой работы в тылу противника в начале войны, мы действовали слаженным коллективом. Руководство конкретными операциями и наша инициатива проявлялись в рамках задач, ставившихся перед нами наркомом внутренних дел Берией...

Постепенно нам становилось ясно, каким образом можно создать противнику невыносимый режим. Не давать ему ни днем, ни ночью покоя. Было решено, что предпочтительнее проводить налеты на вражеские соединения после 18–19 часов вечера, перед тем как стемнеет, выходить с поля боя под покровом ночи, активно использовать минирование и завалы при отходах, приспосабливать наши действия в зависимости от времен года, особенно приближающейся зимы...

Я принимал участие в нескольких совещаниях по этому поводу и в ЦК, и в Генштабе, и у Берии в НКВД...

Важной проблемой для нас стало обеспечение партизан вооружением...

Тем не менее в тылу противника постепенно складывался организованный фронт вооруженной борьбы. Нами по линии НКВД с большим напряжением сил постепенно отрабатывалась система взаимодействия поддержки и организации партизанского движения как с органами фронтового управления. Так и с разведывательным управлением Генштаба...

Август и сентябрь 1941 г. – это период, когда нам удалось правильно сформулировать не только задачи разведывательно-диверсионной борьбы в тылу противника, но и определить места проведения операций в связи с планами советского верховного командования...

В 1942 г. характер борьбы на коммуникациях в тылу врага резко изменился. Партизанское движение после провала «Блицкрига» приняло массовый характер. НКВД было просто не под силу руководить им... Массовое же движение могло быть возглавлено только той структурой, которая бы опиралась на все ветви власти в стране. Таким органом стал Центральный штаб партизанского движения во главе с П. Пономаренко...» [5, с.231, 249-251, 332].

12 мая 1943 г. Судоплатов был назначен начальником 4-го управления НКГБ СССР. Одновременно по 14 мая 1946 года он являлся заместителем начальника Разведывательного управления НКГБ СССР.

С февраля 1944 г. Судоплатов был начальником группы «С» при наркоме внутренних дел СССР и руководил обобщением материалов по атомной проблематике, полученных агентурным путем.

9 сентября 1950 г. он был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) начальником Бюро № 1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей, а с 6 января 1951 г. имел права начальника Управления МГБ СССР. С 30 мая 1953 г. Судоплатов был начальником 9-го (разведывательно-диверсионного) отдела МВД СССР.

21 августа 1953 г. он был арестован и обвинен в участии в «заговоре Берии». До 1958 г. Судоплатов находился под следствием, но виновным себя не признал. 12 сентября 1958 г. был осужден к 15 годам тюремного заключения.

21 августа 1968 г. он вышел на свободу, а 10 февраля 1992 г. был реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ. Судоплатов умер 24 сентября 1996 г. – на 90-м году жизни.

1 октября 1998 г. Указом Президента РФ семье П.А. Судоплатова были возвращены изъятые при аресте государственные награды, в том числе орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Суворова 2-й степени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, ряд медалей и знак заслуженного работника НКВД.

П.А. Судоплатов – автор многих книг, в том числе «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг." (1997), «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год» (2001), «Победа в тайной войне. 1941–1945 гг.» (2005).

Лев Захарович Мехлис

Советский партийный и государственный деятель, армейский комиссар первого ранга, генерал-полковник Л.З. Мехлис родился 1 января 1889 года в городе Одессе в семье служащего. Образование получил в Институте красной профессуры (1930).

Работал конторщиком и был домашним учителем. В 1907-1910 гг. Мехлис входил в Еврейскую социал-демократическую партию «Поалей-Цион». В 1911 г. он был призван в армию. Участник Первой мировой войны. В марте 1918 года Лев Захарович вступил в ряды РКП(б) и по 1920 г. находился на политической работе в Красной Армии (комиссар бригады, дивизии, группы войск).

В 1921–1922 гг. Мехлис – управляющий административной инспекцией в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции, который возглавлял И. Сталин. В 1922–1926 гг. он работал помощником секретаря и заведующим бюро секретариата, а фактически личным секретарем И.Сталина.

С 1930 г. Мехлис–редактор газеты «Правда» и одновременно заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б). В декабре 1937–сентябре 1940 гг. он был начальником Главного Политического управления РККА.

С 6 сентября по 27 октября 1940 г. Лев Захарович – нарком (с 1946 года министр) государственного контроля. Одновременно с 6 сентября 1940 года по 15 мая 1944 г. – заместитель председателя СНК СССР. С июня 1941 г. одновременно заместитель наркома обороны, начальник Главного Политического управления (ГлавПУ) РККА. С октября 1939 г. он являлся членом ЦК ВКП(б), а с 14 января 1938 г. по 5 октября 1952 г. был членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

В силу должностных обязанностей, которыми был наделен Л.З. Мехлис еще и как заместитель народного комиссара обороны СССР, сфера его деятельности не ограничивалась руководством партийно-политической работой в армии. Так, самостоятельным направлением было его участие в организации партизанского движения и руководстве партизанским движением на временно оккупированной территории СССР, в том числе и БССР, в 1941 г.

Вместе с членом ГКО Г.М. Маленковым и секретарем ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко Л.З. Мехлис вошел в состав комиссии по руководству уже действовавшими в тылу противника и организации новых подпольных организаций, созданную постановлением ЦК ВКП(б) в июле 1941 г.

Поскольку непосредственное руководство партизанским движением возлагалось на Военные советы и политорганы фронтов, Лев Захарович 16 июля 1941 г. отдал членам Военных советов и начальникам УПП Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов директиву «принимать активное участие в отборе людей и создании диверсионных групп и партизанских отрядов. Оказывать всемерную помощь обкомам и ЦК компартий союзных республик в вооружении этих групп и отрядов... Начальникам ОПП лично следить за переброской диверсионных и партизанских отрядов через фронтовую линию». Начальники УПП фронтов обязывались «лично инструктировать партийно-политический аппарат частей, идущих в тыл противника, и определять их конкретные задачи» [6, с. 46-47].

Военные советы и политорганы фронтов согласно другой директиве начальника ГлавПУ от 19 августа 1941 г. должны были немедленно укомплектовать отделы по политической работе среди населения и войск Красной армии, действовавших на оккупированной территории. Им вменялось в обязанность установить и поддерживать надежную связь с партийными и советскими органами в тылу врага, посылать туда своих представителей с руководящими функциями, издавать и распространять газеты и специальную литературу [7, л.322—325].

В дальнейшем загруженность многочисленными делами по линии Ставки ВГК, ГлавПУ и Наркомата обороны, перемены в служебном положении вывели Мехлиса из числа непосредственных руководителей партизанского движения.

Его действия в мае 1942 г. как представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте, несмотря на проявленное личное мужество, способствовали провалу Керченской операции. 4 июня 1942 г. Мехлис был снят с поста заместителя наркома обороны СССР (он был членом Военных советов 6-й армии и многих фронтов).

27 октября 1950 г. Л.З. Мехлис был отправлен на пенсию «по состоянию здоровья». В октябре 1952 г. на XIX съезде партии он был заочно избран членом ЦК ВКП(б).

Мехлис был награжден 4 орденами Ленина, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красного Знамени РСФСР,

орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды, польским орденом «Виртути милитари» IY класса, многими медалями [8, с.309].

Его не стало 13 февраля 1953 г. – на 65-м году жизни.

Таким образом, в начальный период Великой Отечественной войны руководство НКВД СССР и ГЛАВПУРА РККА сыграло важную роль в организации и развитии партизанского движения в Белоруссии.

1. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. – М., 1997.

2. Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. – М., 2002.

3.Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал гссбезопасности. – М., 2005.

4. Некрасов В.Ф. Берия: конец карьеры. – М., 1991.

5. Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. –М., 2005.

6. Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945. Документы и материалы. Т.17-6 (1-2). – М., 1996.

7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.32. Оп.11 309. Д.26.

8. Рубцов Ю.В. Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. – М., 2000.

Э. Г. ИОФФЕ

УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В БРЕСТСКОМ АНТИФАШИСТСКОМ ПОДПОЛЬЕ (1941–1944)

Одним из самых активных на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны было Брестское антифашистское подполье. Его участниками по доброй воле стали сотни жителей г. Бреста и Брестского района. Жестокой и беспощадной была борьба с нацистами и их пособниками. Многие подпольщики не дожили до дня освобождения родной земли, погибли в застенках СД, СС, жандармерии, в фашистских тюрьмах. В настоящее время собраны сведения о деятельности в подполье и биографические данные на 611 подпольщиков.

В подполье боролись с врагом представители многих народов Советского Союза: белорусы, русские, украинцы, поляки, евреи, башкиры, татары, осетины, болгары. В состав бюро Брестского подпольного горкома партии входили белорусы А.Г. Серафимович, А.М. Бабушкина, русские П.Г. Жуликов, А.И. Хромова, Т.Н. Смирнова, Н.А. Комолова, украинцы М.М. Жигимонт, Е.И. Литвинова, И.Б. Степаненко, евреи А.Ц. Аронина, Я.С. Сливко, татарка Р.С. Радкевич, осетин Б.С. Дзабиев.

В неимоверно тяжелых условиях оказались люди в Бресте, захваченном гитлеровцами в первые часы войны. Здесь осталось более ста рядовых коммунистов и примерно тридцать человек партийных и советских работников низшего и среднего звена. В первые дни оккупации по инициативе секретаря узлового партийного комитета, члена областного и городского комитета партии Петра Георгиевича Жуликова они стали налаживать связи друг с другом.

Одна из групп коммунистов, в основном женщины, образовалась в городе вокруг Розы Степановны Радкевич. В нее вошли З.И. Южная, А.И. Хромова, Т.Н. Смирнова, А.Ц. Аронина, М.С. Гамбург, А.М. Бабушкина, П. Карначик, Н.А. Комолова, Е.Т. Сименкова.

Уже 15 августа 1941 г. на квартире Р.С. Радкевич провели первое общее городское организационное собрание, в котором принял участие Я.С. Сливко. Создали подпольный обком и горком партии. В состав подпольного обкома вошли П.Г. Жуликов, Я.С. Сливко, З.И. Южная. Пропагандистами городской партийной организации утвердили А.Ц. Аронину и Н.А. Комолову.

Большинство подпольщиков поменяли свои фамилии. В их документах указывалось, что прибыли они в Брест после 1940 года, а не в 1939-м, так как всех прибывших за Красной Армией после 17 сентября 1939 года немцы расстреливали.

П.Г. Жуликов жил под фамилией Петрова, А.Ц. Аронина – Троцевская Вероника Францевна, М.С. Гамбург–Семенкова Ольга. Изменили отчество Марии Давыдовны Поповой на Даниловну.

После ареста секретаря подпольного горкома партии Р.С. Радкевич Якова Соломоновича Сливко отправили к партизанам. Перед уходом в лес он передал горкому партии типографский печатный станок, который перенесли на хранение члену Брестской районной антифашистской организации Владимиру Шибуне. В 1943 г. станок передали Брестскому партизанскому соединению.

На трофейной базе оружия работал подпольщик Г. Меерович [1].

Для работы с беспартийными патриотами был создан антифашистский комитет. Такое решение приняли единогласно осенью 1941 г. Председателем комитета утвердили З.И. Южную, членами – М.Д. Попову, Г. Мееровича, А.П. Ковришко, М.К. Здзековского. Кроме того, М.Д. Попова возглавила одну из антифашистских групп в центре города.

Антифашистские группы действовали в немецких госпиталях, которые размещались по ул. 17 сентября, Московской и Мицкевича.

В «пятерку», которую возглавляли Елена Павловна Корначик и Тамара Андреевна Фурсова, входила Зоя Соломоновна Прохорова. Они передавали партизанам одежду, деньги, бумагу, медикаменты.

Одну из наиболее активных групп Брестского антифашистского подполья возглавлял А.Г. Головчинер [2].

Коммунисты, комсомольские и антифашистские активисты занимались сбором оружия и боеприпасов, медикаментов, теплых вещей, вели также подбор кадров для партизанского отряда. Назначено было руководство отряда.

Назначили день выхода в лес – 4 апреля 1942 г. На сборный пункт вышли 22 человека из 65.

Группа была обнаружена немцами, заготавливавшими строительный лес, и обстреляна. Был убит комсомолец Борис Михайлович Пикус. Патриотам защищаться было нечем, и они разошлись по лесу, а затем по 2-3 человека возвратились в Брест.

В конце 1943 г. полиция напала на след А.Ц. Арониной, По инициативе П.Г. Жуликова А.Ц. Аронина и М.С. Гамбург с двумя спасенными девушками-военнопленными были переправлены к партизанам в район д. Споров в Беловежскую пущу.

Секретарями первичных партийных организаций и центров в различные периоды были Л.З. Карасик, Г.М. Трайтлин [3].

Вокруг первичной партийной организации в центре города сложилась антифашистская группа, членом которой стала Бэлла Вагенлейтер [4].

Большую работу в подполье вела руководитель антифашистской группы Анна Михайловна Сенокосова. Помогали группе Л.З. Карасик и муж Анны Михайловны – Александр Семенович.

С большим риском приобрели паспорт для ленинградской учительницы – еврейки Чубук Сары Фроймановны, приехавшей с детьми в гости к мужу – военнослужащему Т. Чубуку.

В центре города действовала партийная ячейка под руководством Р.А. Ракова.

С лета 1941 г. в группу входили преимущественно бывшие работники ОРСов, в том числе комсомолка Мария Петровна Бауто (Кингольц) [5]. Она была связной между патриотами группы А.И. Нестеровой. В 1942 г. у нее родилась дочь. Девочку на дому досматривала пожилая полька. Мария пошла работать в магазин поляка-антифашиста Матвея Гвоздецкого, сын которого находился в партизанах. Мария Петровна выполняла задания Марии Романовны Яковенко из антифашистской организации железнодорожной больницы по связи между двумя немецкими госпиталями – железнодорожным и инфекционным. Бауто с дочерью была вывезена Гвоздецким в партизанский отряд.

Под руководством коммунистов-железнодорожников с июня 1941 г. в железнодорожной больнице, где с 12 августа разместился немецкий госпиталь, действовала группа антифашистов. Они доставали партизанам медикаменты и перевязочные средства и через связных партийной организации «Граевская» передавали по назначению. В группу патриотов входил доктор Хомер [6].

Несмотря на невероятно тяжелые условия жизни узников двух брестских гетто, сразу же после их создания стали организовываться группы Сопротивления. В декабре 1941 г. они были объединены в подпольную организацию «Освобождение». Одним из активных подпольщиков этой организации был Михаил Омелинский, который возглавлял группу вооружения.

Узников гетто заставляли расчищать развалины Брестской крепости и убирать трупы. После боев там было обнаружено большое количество оружия и боеприпасов. Узники прятали их под одеждой и старались переправить в гетто. Каждого выходившего с территории крепости еврея проверяли и, если находили оружиие, то сразу же расстреливали.

Группа Гриши Мееровича работала на расчистке бывшего военного аэродрома. С разбитых самолетов тайком снимали вооружение и в разобранном виде переправляли в гетто. Летом 1942 г. из группы Мееровича передали партизанскому отряду Чернака через связную городского подполья Ф.Г. Тронкину авиационный пулемет.

В январе–феврале 1942 г. в гетто возникла еще одна подпольная организация – «Некума» («Месть»), созданная по инициативе Фрумки Плотницкой и ставившая своей целью формирование самообороны и создание еврейской боевой организации [7]. Инициатором создания подпольной группы «Некума» выступила польская организация молодежи «Гехалуц» («Пионер») с центром в Варшаве. Она ставила перед собой задачу разъяснить узникам гетто, что их всех уничтожат, что надо бороться за свою жизнь. По воспоминаниям узника гетто Моше Смоляра, бывшего учителя и воспитателя Брестского дома сирот для еврейских детей, группа «Некума» состояла из подростков, которые распространяли листовки, были связными [8].

Подпольную организацию «Освобождение», которая была ядром Сопротивления в Брестском гетто, возглавлял Арье Шейнман [9]. Во главе диверсионной группы стоял Шлема Каган (Болек) [10].

По словам Михаила Омелинского, уже зимой 1942 г. распространились слухи об уничтожении гетто. Руководители подполья разрабатывали планы его защиты. Создавались группы прикрытия, вооруженные пулеметами. Планировалось, что узники гетто будут прорываться сами по себе. Были определены улицы, по которым нужно было прорываться к лесу, определено место встречи [11].

На протяжении всей зимы 1941–1942 гг. Арье Шейнман готовил вооруженное восстание. Оружие и патроны покупали за деньги и ценности даже у полицаев и немцев и прятали все в тайниках. Однако подготовка к восстанию вскоре была раскрыта. Дело в том, что немецкие спецслужбы имели в гетто своих информаторов, что позволило им провести среди подпольщиков многочисленные аресты.

Провокатором оказался некто «Макс» – секретарь юденрата. Он выдал несколько партизан, которые проникли в гетто для налаживания связей и оказания помощи подпольщикам в подготовке вооруженного восстания. Группа «Освобождение» вынесла изменнику смертный приговор, который выполнил Шлема Каган [12]. Ему удалось организовать побег в партизаны, где Ш. Каган погиб в одном из боев смертью храбрых.

До октября 1942 г. руководитель партийного центра Алексей Георгиевич Серафимович направлял деятельность коммунистов и комсомольцев еврейского

гетто через Рахиль Клейнберг. З.И. Южная несколько раз проводила совещание с активом подполья на квартире Серафимовича. Подпольщики гетто занимались распространением радиосводок, сбором оружия, одежды, приобретением радиоламп.

Рахиль Клейнберг готовила большую группу молодежи, примерно 40 человек, для выхода к партизанам. Их обучали владеть различными видами оружия. Собранное ими оружие, боеприпасы, одежду, медикаменты, по заданию Серафимовича, летом 1942 г. закопали на картофельном поле в двух-трех километрах от д. Каменица Жировецкая.

По поручению подполья Р. Клейнберг прятала у себя дома двух советских военнопленных. Это заметил полицейский, охранявший гетто. Рахиль успела покинуть территорию гетто, поручив военнопленных другим подпольщикам. Скрывалась у Серафимовича, готовилась к выходу в лес. Но вскоре из гетто получили сообщение, что полиция поставила условие: не явится Клейнберг, будет массовый расстрел евреев гетто. Рахиль явилась. Она была арестована и расстреляна [13].

Комсомольцы гетто решили отомстить полицейскому за донос на Рахиль. На него была устроен засадаа. Полицейский получил несколько ножевых ран, но не смертельных, его поместили в больницу, где он умер. Но вывести в лес к партизанам группу комсомольцев и молодежи из гетто не удалось, так как в сентябре 1942 г. партизаны поменяли место дислокации.

Лишь в декабре 1942 г. удалось установить связь с партизанским отрядом, но к этому времени население гетто было уничтожено фашистами.

Один из центров городской подпольной организации станции и депо Брест-Центральный возглавлял Василий Яковлевич Мельников. В августе 1941 г. под его руководством начала складываться первичная партийная организация по улице Белостокской, инициатором создания которой был подпольный горком партии.

Именно тогда в подпольную работу включился кандидат в члены ВКП(б) Михаил Иосифович Плахт, Семьи Плахта и Мельникова были дружны. М.И. Плахт в январе 1940 г. был командирован для работы в Беларуси. Белконтора Госбанка направила его в Брестскую контору Госбанка на должность инкассатора отдела инкассации и перевозки ценностей. Его жена – Александра Прокофьевна и его дочь Лидия приехали к нему летом 1940 г. А.П. Плахт работала кассиром приходной кассы.

В первый же день вступления гитлеровцев в Брест М.И. Плахт спрятал свое личное оружие – наган. Коммунист, еврей по национальности, он перешел на нелегальное положение, приобрел документы, в которых значился осетином. Свое обмундирование и наган передал в лес партизанам.

Семья Плахта некоторое время жила по улице Комсомольской во дворе типографии. Там же рядом находился и склад типографии. М. Плахту было поручено приобретать типографский шрифт, краску, писчую бумагу. Михаил Иосифович различными способами приобретал эти материалы для нужд

подполья. Хранил в квартире под полом, передавал частями В.Я. Мельникову, а тот - в горком партии. С помощью патриотов Плахт устроился на работу в брестские водозаборные очистные сооружения, которые находились за городом. Там иногда проходили встречи подпольной организации Мельникова [14]. М.И. Плахт был связан с подпольщиком Павлом Васильевичем Тарасовым, который содержал явочную квартиру для партизан, собирал для них продукты и медикаменты. Из 19 секретарей первичных партийных организаций и партийных центров погибли 11 человек, в том числе Л.З. Карасик и Г.М. Трайтлин [15].

Евреи приняли активное участие и в деятельности Брестского комсомольско-молодежного подполья. Большая группа комсомольцев сплотилась вокруг П.Г. Жуликова. Среди них были Валя Зенкина, Цыля, Лев и Борис Пикусы.

В июле 1941 г. Цыля выписалась из больницы, где лечилась с братьями Левой и Борисом. Они втроем получили осколочные ранения в первый день войны от разорвавшейся бомбы в сквере имени Гоголя, а их мать Софья Михайловна Пикус погибла.

Поручения коммунистов молодежь охотно выполняла. После выхода из больницы Борис Пикус организовал вокруг себя группу юношей. До войны он работал в автохозяйстве слесарем. Это был смелый, общительный, энергичный комсомолец. Вскоре он стал одним из помощников П.Г. Жуликова [16].

Первое собрание комсомольского актива в августе 1941 г. проводил П.Г. Жуликов. На нем присутствовали В. Нестеренко. Н. Шошиц, Г. Банников, Б. Пикус, Л. Шейман, Е. Попова и др. Секретарем городской подпольной комсомольской организации, по предложению Жуликова, был избран В.А. Нестеренко, членами бюро – Г. Банников, Б. Пикус, Е. Попова, Л. Шейман.

К осени 1941 г. комсомольский актив города значительно расширился. Среди тех, кто включился в борьбу, был и Г. Меерович. Вместе с другими подпольщиками он выносил оружие из Брестской крепости. Летом 1942 г. Григорий Меерович легализовался.

В квартире у Пикусов был радиоприемник. Его искусно вмонтировали в стену, молодежь слушала и записывала сводки Совинформбюро, а дежурство вокруг дома в это время несли Цыля Пикус и Валя Зенкина.

Одной из первых потерь группы Б. Пикуса был Леонид Перевертайло. К Пикусам на ул. Листовского (ныне ул. Буденного) часто приходили Василий Нестеренко, Анатолий Жигимонт. Ваня Иванов, Калерия Меньшикова, Володя Горин, Саша Поляков, Борис Аношкин. Комсомольцы гетто, в прошлом учащиеся средней школы Михаил Фаерман, Изя Каган, Володя Эпштейн, работая на расчистке Брестской крепости, приносили к Пикусам части оружия, патроны. Работая в сарае, стоявшем за домом, организовали потайной склад. Комсомольцы гетто включились в спасение советских воинов: доставали для них медикаменты, одежду.

Руководители подполья подготовили план побега военнопленных, определили группу в 17 чел. и дату побега – 5 июня 1943 г. К его осуществлению привлекли Зою Соломоновну Прохорову и комсомолку Валю Зенкину (Сачковскую). Эта группа благополучно вышла из лагеря. Убрали часового, перерезали проволочные заграждения, выходили по одному. Немцы не сразу обнаружили диверсию, десять человек благополучно переплыли Мухавец, и, строго выполняя все указания подпольщиков, дошли до партизанских отрядов имени Чернака и Фрунзе.

Семь человек заблудились. Замаскировались в парке (ныне парк имени Иконникова), где пролежали весь день. Один из них, Петр Шибаев, пришел на квартиру подпольщицы Зои Соломоновны Прохоровой, которая жила по ул. Коммунистической, дом № 24. Зоя рано утром пришла к Кравцовым и сообщила, что ночью к ней пришел один из военнопленных. Она впустила его в сарай и накормила. Он просит пригласить к нему Веру Кравцову или Валю Зенкину. Посоветовались и решили сообщить о случившемся Г. Банникову. К Григорию пошла Варвара Иосифовна Кравцова.

Военнопленного переодели и переправили в безопасное место. Вечером 7 июня спасенного военнопленного с запасом еды провожали Валя Бубнова. Зоя Прохорова и Вера Кравцова до реки Мухавец, где его ждала лодка.

Из 32 учащихся 7«а» класса русской средней школы № 15 г. Бреста в комсомольском подполье боролись с нацистами 13 чел. Из них в неравной борьбе погибли Б. Аношкин, И. Коган, К. Милица, К. Романюк, В. Эпштейн. Ушли в партизаны В. Зенкина, Р. Рыкова, Ц. Пикус. Пропала без вести в 1943 г. П. Шалман.

В руки нацистов попали 14 членов разведывательной группы В.Я. Мельникова, в том числе он, сын Юрий, М.И. Плахт, П.В. Тарасов, Н.А. Романенко. Михаила Иосифовича Плахта арестовали ранним утром 10 октября 1943 г. Его много раз допрашивали и пытали, два раза семья смогла передать ему еду и теплую одежду. Одна из работниц тюрьмы рассказала его жене Александре Прокофьевне, что видела ее мужа в нижнем белье и остриженного: в таком виде, как правило, отправляли на расстрел.

14 февраля 1944 г. провокатор выдал подпольщицу Зою Соломоновну Прохорову, узнав, что она еврейка. Прохоровой еще в 1941 г. заменили документы. Изменили национальность, устроили работать на яйцебазу. У нее было четыре дочери. Двоих, средних по возрасту девочек – Людмилу и Тамару, определили в приют под фамилией Петровых. Старшая Нелли и маленькая Света оставались с матерью. Руководство подполья предлагало Зое Соломоновне уйти в партизаны, обещали забрать детей из приюта и переправить в партизанскую зону. Но она не решилась. Вместе с З.С. Прохоровой нацисты расстреляли и ее дочерей: 11-летнюю Нелли и 2-летнюю Светлану.

Одновременно по доносу провокатора арестовали подпольщицу Бэллу Вагенлейтнер. С шестилетней дочерью Нелей она была расстреляна. Сына Бэллы Александра спасли патриоты [17].

Межрайонный орган по руководству патриотической деятельностью нелегальных организаций, борьбой партизан и населения, названный комитетом борьбы с немецкими оккупантами, в июне 1942 г. принял решение о создании нелегальной типографии. С большим энтузиазмом в типографии работали И.Ш. Шерешевский, И.А. Хазан, М.С. Маргулис. Тексты листовок и обращений были написаны лично секретарем комитета И.П. Урбановичем или совместно с И.А. Хазаном [18].

Таким образом, евреи приняли активное участие в деятельности Брестского антифашистского подполья в 1941–1944 гг. К сожалению, почти все они погибли в смертельной схватке с ненавистным врагом за свободу и независимость нашей Родины.

1.Национальный архив Республики Беларусь (далее–НА РБ). Ф.4290. оп.2. Д.44.Л.1-4; д.71.Л.1-3.; ф.4. Оп.33 а. Д. 254. Л. 363.

2. Брест. Энц. справочник. Мн., 1987. – С. 363.

3. Гребенкина А.А. Брест непокоренный. Антифашистское подполье г. Бреста и Брестского района в годы Великой Отечественной войны (1941-1944). – Мн., 2005. – С.85.

4. Там же. С.87.

5. Там же, С.97.

6. Там же. С.107.

7. Иоффе Э.Г. По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси. – Мн., 2001. – С. 58.

8. Разянблат Я.С. Брэсцкае гета // Памяць. Брэст. У 2 кн. Кн. 2-я. – Мн., 2001. – С. 65.

9. Иоффе Э.Г. По достоверным источникам. – С. 58.

10. Разянблат Я.С. Брэсцкае гета. – С. 65.

11. Там же.

12. Там же.

13. Гребенкина А.А, Брест непокоренный. – С.129-130.

14. Там же. С.140.

15.Там же. С.85.

16. НА РБ.Ф.3682. Оп.1. Д.7. Л. 70.

17. Государственный архив Брестской области. Ф.7474 «П». Оп.1. Д,44, Л.7.

18. Подвиги их бессмертны. О подпольной борьбе советских людей в захваченных фашистскими оккупантами городах и селах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) – Мн., 1978. – С. 339.

Д.А. КОЗЕЛ

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней войны Государственный Комитет Обороны и Советское правительство рядом законодательных актов определили правовое положение партизан. Прежде всего они были приравнены к военнослужащим Красной Армии. В Постановлении ГКО от 29 июля 1941 г. № 326с «О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов» говорилось: «Сохранить за личным составом партизанских отрядов среднюю заработную плату, как за добровольцами» [1, с. 17].

Постановлением ГКО № 1567с от 9 апреля 1942 г. рабочим и служащим (а также учащимся, получавшим стипендию), состоящим в партизанских отрядах, устанавливалось пособие в размере их среднего заработка (стипендии) по месту прежней работы. Семьям партизан, не имевших ко дню вступления в партизанские отряды заработка, выплачивалось пособие в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих... в военное время». Это Постановление распространяло также на партизан и членов их семей законодательные акты, касающиеся их пенсионного обеспечения как военнослужащих [1, с. 20].

В период нахождения партизан в тылу противника с ними денежных расчетов лично не производилось, и в этом не было необходимости. Что касается их семей, находящихся в советском тылу или их самих при выходе из тыла противника, то в соответствии с инструкцией комиссариата финансов, народного комиссариата обороны и Центрального штаба партизанского движения от 15.08.42 г. № 001317с денежные расчеты производились следующим образом: рядовым партизанам из числа рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений, кооперативных, общественных организаций и учащимся выплачивалось им самим или их семьям по доверенностям, лично или через военкоматы по месту жительства по соответствующим документам в следующих размерах: средний заработок – рабочим, основной оклад – служащим, стипендия – учащимся. Указанный расчет производился за фактическое нахождение в отряде, но не раньше, как с 1 апреля 1942 г. В том случае, когда на лиц из указанных категорий отсутствовали справки с места работы (учебы) о получаемом заработке (стипендии) на день вступления в партизанский отряд, денежный расчет производился следующим порядком: из числа рабочих и служащих – по 300 руб. в месяц, из числа учащихся, получавших стипендии, – по 100 руб. в месяц. При получении справок о заработке или стипендии делался соответствующий денежный перерасчет [2, с 2–11].

За период нахождения в партизанском отряде до 1-го апреля 1942 г. лицам указанных категорий денежный расчет производился той организацией или учреждением, где они находились до вступления в партизанский отряд.

Рядовым партизанам из числа не имеющих заработка ко дню вступления в партизанский отряд, а также из числа колхозников и лиц свободных профессий зарплаты или пособия не было положено. Семьям этих партизан (при наличии в семье нетрудоспособных), в соответствии с Указами ПВС СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июня 1942 г. назначалось пособие по месту их жительства как семьям красноармейцев и младших командиров РККА. Для назначения пособия указанным семьям по месту жительства, финотделом штаба высылался соответствующий материал в военкоматы [2, с. 2].

В соответствии с указанными в ст. 2 Инструкции ... в партизанских отрядах были установлены командные должности с определенными денежными месячными окладами, а именно:

командир, комиссар отряда – 750 руб.;

заместитель командира отряда, начальник штаба отряда, командир батальона – 600 руб.;

командир роты, командир взвода, командир самостоятельно действующей группы и соответственно политруки, помощник комиссара отряда по комсомолу – 500 руб.

За фактическое выполнение указанных должностей лица, как из числа военнослужащих, так и из числа гражданского населения, получали зарплату соответственно, независимо от категорий и принадлежности [2, с. 3].

В том случае, когда рядовые партизаны из указанных категорий прибывали из тыла противника по состоянию здоровья или в связи с ранением, им оказывалась единовременная денежная помощь до 500 руб.

Лицам из числа военнослужащих, вступившим в партизанские отряды из окружения или направленным из войсковых частей в тыл противника специально, сохранялся оклад, получаемый в войсках, даже если они занимали в партизанских отрядах должности рядовых партизан. В случаях, когда их армейский оклад денежного содержания необходимыми данными не подтверждался, выплата производилась им по воинскому званию. От младшего лейтенанта до капитана включительно и им соответствующим – 550 руб. в месяц; от майора до полковника включительно и им соответствующим – 750 руб. в месяц; по воинскому званию выше полковника – из расчета 1000 рублей в месяц. Что касается красноармейцев и младших командиров, то они в основном положенные деньги получали в финотделе штаба лично при выходе из тыла противника за весь период их нахождения в партизанах, так как минимальные их оклады (10 руб. в месяц) нецелесообразно было пересылать семьям [3, с. 13].

В феврале 1943 г. начальникам областных и республиканских штабов партизанского движения было направлено письмо за подписью начальника финансового отдела Центрального штаба, в котором разъяснялось:

«1. Партизаны, пропавшие без вести в период боевых действий и не явившиеся в партизанский отряд в течение 45 дней, исключаются из списков отряда приказом по штабу партизанского движения.

2. Семьи партизан, пропавших без вести в период боевых действий, имеют право на обеспечение пенсией наравне с семьями погибших» [4, с. 13].

В дальнейшем, с июня месяца 1943 г., был изменен порядок денежных расчетов рядовым партизанам из числа рабочих, служащих и учащихся. Зарплата (стипендия) стала сохраняться только тем лицам, которые вступили в партизанские отряды в течение трех месяцев со дня оккупации их местности (района) противником. Те лица, которые вступили в партизанские отряды по истечении трех месяцев со дня оккупации их местности, право на свой прежний заработок потеряли.

При назначении пособий в размере среднего заработка только тем партизанам из числа рабочих и служащих, которые вступили в партизанские отряды в течение трех месяцев со дня оккупации противником района их жительства, финансовый отдел штаба стал руководствоваться следующими сроками оккупации областей БССР немцами: Барановичская, Белостокская, Минская и Пинская области–1 июля 1941 г.; Вилейская и Витебская – 15 июля 1941 г.; Могилевская – 1 августа 1941 г.; Гомельская и Полесская области – с 1 сентября 1941 г. [5, с. 117].

Лицам из числа офицерского состава, вступившим в партизанские отряды по истечении трех месяцев со дня их окружения и занимающим в отрядах должности рядовых партизан, выплата получаемых окладов в войсках с сентября 1943 г. также была прекращена. В этом случае им выплачивалось по 10 рублей в месяц, кроме того, их семьи (при условии наличия в семье нетрудоспособных) имели право на получение безвозвратного пособия в военкоматах по месту жительства как семья офицерского состава [3, с. 13–14].

По мере развития партизанского движения шло укрупнение партизанских отрядов и их разрастание в бригады и соединения. Уже ко второй половине 1943 г. партизанских бригад и соединений по Беларуси насчитывалось до 150 единиц, не считая отдельно действующих отрядов. Чтобы увеличить число командных и начальствующих должностей в партизанских формированиях и определить им оклады денежного содержания, было принято специальное Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 19 октября 1943 г. за № 1139-348сс «О выплате денежного содержания командному составу партизанских отрядов». Согласно этому Постановлению с 1-го октября 1943 г. устанавливалась выплата денежного содержания лицам командного состава партизанских отрядов в размере средних окладов, которые они получали по последнему месту работы до вступления в партизанские отряды, но не менее размеров, указанных в прилагаемой схеме окладов.

№ п/п	Наименование должностей	Оклады денежного содержания			
		Отряд численностью до 200 чел.	Отряд численностью от 201 до 350 чел.	Соединение отрядов от 351 до750 чел.	Соединение отрядов более 750 чел.
11	Командир, комиссар соединения	-	-	1200-1400	1500-1800
22	Зам. командира соединения	-	-	900-1000	1100-1400
33	Начальник штаба соединения	-	-	900-1000	1100-1400
44	Начальник службы соединения	-	-	800-850	900-1200
55	Командир, комиссар отряда	750	800-950		
66	Заместитель командира отряда	-	725-825		
77	Начальник штаба отряда	675	725-825		
88	Начальник снабжения отряда	650	700-800		
99	Врач отряда, старший военфельдшер	650	650-750		
110	Командир, политрук подразделения (роты, взвода, группы)	500-600	600-725	600-725	600-725

По указанным должностям оклады устанавливались приказом по штабу партизанского движения по каждому отряду, бригаде с учетом их численного состава и результатов их боевой деятельности [6, с. 33].

Во исполнение Постановления СНК СССР от 19 октября 1943 г. и приказа начальника Центрального ШПД от 21 октября 1943 г. приказами начальника Белорусского штаба были установлены оклады денежного содержания командному составу партизанских бригад и отрядов, действующих на территории БССР. В приложениях к приказам давалась краткая справка о численном составе и результатах боевой деятельности бригад и отрядов за период с 1 января по 1 октября 1943 г. [7, с. 140-149, 174-187, 196-227, 244-264, 265-271, 275-278, 279-286, 295-301, 309-339, 361-374].

К сожалению, в Постановление СНК СССР от 19.10.43 г. не был включен весь перечень должностей, фактически имевшийся в партизанских формированиях разного уровня. Должности командира или коменданта аэродрома, начальника и комиссара госпиталя бригады, оперуполномоченного отряда, секретаря партийной, комсомольской организации и другие были не предусмотрены и, следовательно, на них денежные расчеты распространялись как на рядовых партизан, что приводило к проявлениям недовольства с их стороны. Позже эта несправедливость была устранена приказом начальника Белорусского штаба партизанского движения от 11 августа 1944 г. [8, с. 98].

В случае гибели партизана причитающиеся ему деньги высылались семье почтой или через военкомат, а также высылались или выдавались на руки соответствующие документы для назначения пенсии по месту их жительства.

С началом освобождения Беларуси осенью 1943 г. началось соединение партизан с частями Красной Армии и выход их из тыла противника. Для встречи всех вышедших из тыла противника партизан в штабе был разработан соответствующий план мероприятий, согласно которому на витебском, западном, могилевском, гомельском и полесском направлениях были организованы группы ЦК КП(б)Б и БШПД [9, с. 9]. В составе каждой группы была предусмотрена должность старшего помощника начальника группы по финансированию, в задачу которого входило оформление соответствующих документов и проведение финансового расчета с каждым партизаном [9, с. 22].

В январе 1944 г. в связи с предстоящей передислокацией БШПД к линии фронта и сформированием Оперативных групп БШПД на Западном и Белорусском фронтах группы ЦК КП(б)Б и БШПД были расформированы, а функции по производству денежных расчетов с партизанами, выходящими из тыла противника, возлагались на Представительство Центрального и Белорусского ШПД на 1-м ПБФ и Оперативные группы штаба на Западном и Белорусском фронтах и непосредственно финансовый отдел Белорусского штаба [10, с. 4–5].

В связи с наступлением частей Красной Армии в Беларуси со второй половины июня 1944 г. началось массовое соединение партизан с частями Красной Армии. Для их встречи и проведения денежных расчетов на месте в каждую оперативную группу штаба (таких оперативных групп было создано семь) было включено один или два работника финотдела, были привлечены также финансовые работники фронтов и финансового управления Красной Армии. В среднем в день финансовым отделом приходилось рассчитывать до 1000 человек, расходуя для этого до трех миллионов рублей [3, с. 17-18].

Всего со дня организации штаба и до 1-го января 1945 г. финансовым отделом БШПД было израсходовано денежных средств (с учетом назначенных пособий и высланных денежных аттестатов семьям партизан)–157764700 руб. По состоянию на 1-е января 1945 г. через финансовый отдел прошло до двухсот тысяч партизан и членов их семей, дано 13000 ответов на полученные письма от семей партизан, военкоматов и других учреждений. До двадцати процентов партизан из числа тех, кому положен денежный расчет по состоянию на 1 января 1945 г., его по различным причинам еще не получили [3, с. 25–26].

Финансовый отдел ликвидационной группы БШПД в январе и в первой половине февраля 1945 г. продолжал в среднем в день по расчетам партизан расходовать по 60000 рублей [3, с. 27]. Выплаты денежного довольствия и пособий партизанам и их семьям продолжались вплоть до февраля 1948 г., так в последних двух денежных ведомостях от 3 февраля 1948 г. группе бывших партизан в количестве 70 чел. было выплачено денежное содержание и пособия на общую сумму 124992 руб. 35 коп. [11, с. 59–66].

Таким образом, несмотря на тяжелое положение в народном хозяйстве в годы войны руководством страны делалось все возможное для обеспечения народных мстителей наравне с военнослужащими действующей армии. В итоге руководство страны смогло максимально возможно обеспечить партизан и членов их семей средствами к существованию, социально их защитить.

1. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941–1945 гг.: справочник / сост.: В.Д. Селеменев [и др.]. – Минск: НАРБ, 2008. – 216 с.

2. Инструкция комиссариата финансов, народного комиссариата обороны и Центрального штаба партизанского движения от 15.08.42 г. № 001317с // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).– Фонд 1450.–Оп. 2.–Д. 151.

3. Отчет о финансовой деятельности БШПД за период: со дня организации и до 1 января 1945 года // Национальный Архив Республики Беларусь (НА РБ).–Ф. 1450.–Оп. 3.–Д. 89.

4. Письмо начальника ЦШПД № ФО/1059 от 15 февраля 1943 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).–Ф. 1450.–Оп. 2.–Д. 151.

5. Приказ начальника БШПД от 24.06.43 № 0021 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).–Ф. 1450.–Оп. 17.–Д. 5.

6. Приказ начальника ЦШПД от 21.10.43 № 0060 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).–Ф. 1450.–Оп. 18.–Д. 18.

7. Приказы начальника БШПД от 17.11.43 № 0035, от 04.12.43 № 0039, от 04.12.43 № 0040, от 04.12.43 № 0041, от 04.12.43 № 0042, от 04.12.43 № 0044 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).– Ф. 1450.–Оп. 17.–Д. 5.

8. Приказ начальника БШПД от 11.08.44 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). –Ф. 1450.–Оп. 18.–Д. 18.

9. План мероприятий по работе среди партизан, вышедших из тыла противника // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).– Ф. 1450.–Оп. 1.–Д. 66.

10. Письмо заместителя начальника ЦШПД от 03.01.44 г. № фо/1/020 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ).– Ф. 1450.– Оп. 18.–Д. 18.

11. Письмо начальнику финансового управления Министерства ВС СССР от 3.02.1948 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). - Фонд 1450. – Оп. 18. – Д. 24.

У.К. КОРШУК

УЗАЕМААДНОСІНЫ ПАРТЫЗАН І МІРНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ У ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

У барацьбе супраць гітлераўцаў на тэрыторыі Беларусі ўдзельнічала практычна ўсё насельніцтва актыўнага ўзросту, пачынаючы са школьнікаў і

заканчваючы ўдзельнікамі грамадзянскай вайны. Пры гэтым найбольшую колькасць складалі людзі ад 17 да 35 гадоў. Практычна аднолькава (ад 20 да 30 %) былі прадстаўлены рабочыя, сяляне, інтэлігенцыя. Большасць партызан Беларусі былі беспартыйнымі. Члены камуністычнай партыі, як правіла, знаходзіліся ў кіраўніцтве партызанскімі фарміраваннямі. У пачатку вайны ў барацьбу з ворагам найбольш актыўна ўступілі вайскоўцы, партыйныя і савецкія работнікі, а бліжэй да вызвалення – рабочыя і калгаснікі [1, с. 6].

Толькі пры актыўнай падтрымцы насельніцтва барацьба партызан магла быць паспяховай. З пачаткам вайны не ўсюды і не ўсе мясцовыя жыхары аднолькава прыхільна ставіліся да партызанскага руху. У сувязі з адступленнем Чырвонай Арміі, якое праходзіла неарганізавана, і наступленнем гітлераўцаў, у людзей была некаторая разгубленасць, страх. Частка насельніцтва Беларусі была збянтэжана, насцярожана. У некаторых былі і адмоўныя адносіны да партызан.

І ўсё ж у асноўнай большасці насельніцтва сяляне былі за Савецкую ўладу. Да таго ж, палітыка, якая праводзілася акупантамі, жорсткі рэжым, усталяваны на захопленай тэрыторыі Беларусі, садзейнічалі пашырэнню супраціўлення захопнікам. Нельга не адзначыць і адпаведнага ўплыву на насельніцтва работы з боку патрыётаў, якія тлумачылі мэты гітлераўцаў у вайне; задачы партызанскага руху ў барацьбе супраць захопнікаў. Пры гэтым усё больш рабілася акцэнтаў на нацыянальна-патрыятычных напрамках барацьбы з ворагам. У выніку ў большасці людзей на акупіраванай тэрыторыі змяняўся настрой, узнікала жаданне змагацца за вызваленне сваёй зямлі ад захопнікаў.

Змена настрою насельніцтва ад чакання і разгубленасці да нянавісці і жадання выгнаць ворага выяўлялася ў росце колькасці партызанскіх атрадаў, не выкананні сельскагаспадарчых паставак, зрыву мабілізацыі мясцовых жыхароў на работу ў Германію, у іншых актах пратэсту. Дапамога партызанам з боку насельніцтва аказвала і вялікі маральна-палітычны ўплыў. Узмацняючы баяздольнасць, яна падымала настрой партызан, аслабляла сілу ворага, яго маральны дух.

Мясцовыя жыхары пастаянна папаўнялі асабовы склад партызанскіх атрадаў, збіралі і перадавалі зброю і боепрыпасы, дапамагалі праводзіць баявыя аперацыі, вялі разведку, прымалі ўдзел у будаўніцтве абаронных збудаванняў і партызанскіх аэрадромаў. Сяляне забяспечвалі партызан харчамі, вопраткай і абуткам. Са свайго боку партызаны абаранялі мясцовае насельніцтва ад акупантаў, хавалі мясцовых жыхароў у партызанскіх зонах, дапамагалі ў сельскагаспадарчых работах, пры патрэбе аказвалі медыцынскую дапамогу. Менавіта падтрымка насельніцтва з'явілася адной з прычын шырокага разгортвання партызанскай барацьбы ў Беларусі. А насельніцтва ўсё актыўней уключалася ў барацьбу. Так, калі камандаванне Сіроцінскай партызанскай брыгады ў Віцебскай вобласці вырашыла вывесці са строю чыгуначную дарогу Полацк – Віцебск, было вырашана звярнуцца да насельніцтва, бо было малавата

сіл, не хапала ўзрыўчаткі. У выніку ў ноч з 29 на 30 жніўня 1942 г. разам з партызанамі мноства сялян з навакольных вёсак прымала ўдзел у гэтай аперацыі, якая стала адной з першых у Беларусі, накіраванай на разбурэнне чыгункі. У наладжванні такога ўзаемадзеяння важную ролю адыграў той факт, што камандзірам брыгады быў С.М. Кароткін, які да вайны працаваў у гарадскім пасёлку Шуміліна сакратаром райкома партыі. Мясцовыя жыхары яго добра ведалі, яму давяралі. Менавіта Кароткін на працягу 10 дзён пасля прыбыцця з-за лініі фронту стварыў тут партызанскую брыгаду колькасцю трыста чалавек і меў пастаянную падтрымку насельніцтва [2, с. 9].

Яшчэ ў час вайны савецкі пісьменнік А.С. Новікаў-Прыбой напісаў нарыс «Партызан Нікіта Шышко». Гэты чалавек перад вайной жыў у вёсцы Гасціно Старадарожскага раёна Мінскай вобласці. Нягледзячы на свае 82 гады, ён дапамагаў параненым вайскоўцам, збіраў зброю, якой узброіў сваіх двух сыноў і накіраваў іх у партызанскі атрад, а сам стаў сувязным партызан; збіраў для іх неабходныя звесткі. Затым ён перадаў партызанам 50 вінтовак, 2 ручных кулямёты, некалькі дзесяткаў гранат, 10 скрыняў патронаў. Пасля гэтага ён і сам пайшоў у партызаны.

За лініяй фронту, у савецкім тыле значную ўвагу надавалі падрыхтоўцы партызанскіх камандзіраў. Пры гэтым улічвалі, адкуль родам той, або іншы патрыёт, маючы на ўвазе яго падтрымку мясцовым насельніцтвам.

Так, у 1942 г. былога вясковага настаўніка Івана Коласа, ураджэнца вёскі Картынічы Лельчыцкага раёна, тады Палескай вобласці, пасля спецпадрыхтоўкі закінулі з самалёта на месца яго нараджэння. У выніку, са сваіх землякоў ён хутка арганізаваў Лельчыцкі партызанскі атрад, а затым брыгаду, якая вызваліла ад акупантаў значную тэрыторыю раёна. Партызаны разам з мясцовымі жыхарамі пабудавалі аэрадром. Пасля па даручэнню *БШПД* Колас дзейнічаў у Налібоцкай пушчы, змагаўся на тэрыторыі Польшчы. За мужнасць і адвагу наш зямляк атрымаў звязду Героя.

Баявыя дзеянні партызан Беларусі ў значнай ступені былі звязаны з пэўным раёнам. Атрады дзейнічалі ў асноўным на сваёй тэрыторыі, мелі свае населеныя пункты, якія забяспечвалі іх усім неабходным і знаходзіліся пад іх абаронай. Партызаны знішчалі гарнізоны і ў шэрагу выпадкаў трымалі ў сваіх руках цэлыя раёны. Так, Клічаўскі раён Магілёўскай вобласці вясной 1942 г. партызанамі цалкам быў вызвалены ад акупантаў. Партызаны заявілі, што тут аднаўляецца савецкая ўлада; кіраўніцтва ўсім жыццём перадаецца мясцовым Саветам. Пры гэтым уся дзейнасць мясцовай улады накіроўвалася на мабілізацыю працоўных на абарону Радзімы. Насельніцтва прызывалі збіраць зброю, ствараць прадуктовыя базы для харчавання партызан, аказваць дапамогу сем'ям чырвонаармейцаў, партызан, тым, хто пакутаваў ад захопнікаў. Дзеля аховы населеных пунктаў ад акупантаў ствараліся атрады самаабароны. З мэтай аказання дапамогі мясцовым органам улады ў правядзенні масава-палітычнай работы з мясцовых актывістаў былі створаны групы, якія замацоўваліся за

мясцовымі сельскімі Саветамі. Амаль два гады ўтрымлівалі ў сваіх руках партызаны Клічаўскі раён [3, с. 326].

Усяго на канец 1943 г. партызаны Беларусі кантралявалі 60 % акупіраванай тэрыторыі, дзе жыло амаль 4 млн. чал. Было створана больш 20 партызанскіх зон [3, с. 325]. Гэта былі тэрыторыі, вызваленыя партызанамі ад захопнікаў, якія ўтрымліваліся і кантраляваліся партызанамі. Акупанты імкнуліся вярнуць сабе гэтыя тэрыторыі, аднак партызаны зноў і зноў адбівалі іх у гітлераўцаў.

У склад партызанскіх зон уваходзіў увесь раён, альбо яго частка, ці некалькі раёнаў, населеныя пункты якіх былі вызвалены партызанамі. Тэрыторыя і колькасць партызанскіх зон на працягу вайны павялічвалася, яны рабіліся ўсё больш і больш падмуркам партызанскай барацьбы. Тут вялася работа па падрыхтоўцы партызанскіх рэзерваў, ствараліся новыя партызанскія атрады і дыверсійныя групы, сюды прыбывалі атрады з-за лініі фронту. Менавіта ў партызанскіх зонах пасланцы з Вялікай зямлі знаёміліся са становішчам у Беларусі, папаўнялі свае рады з мясцовых жыхароў. Пад аховай партызан у зонах жылі людзі, перасяляючыся туды часта цэлымі вёскамі. Толькі ў Клічаўскім раёне ў лясных лагерах знаходзілася больш 30 тыс. чал. [4, с. 151]. Насельніцтва дапамагала партызанам: папаўняла іх рады, збірала і рамантавала зброю і адзенне, даглядала параненых і хворых. Пры дапамозе партызан мясцовыя жыхары сеялі і збіралі ўраджай. У некаторых зонах працавалі школы. Тут размяшчаліся абласныя, міжраённыя і раённыя камітэты партыі, дзейнічалі органы савецкай улады; каардынавалася ўсё ваенна-палітычнае і гаспадарчае жыццё, падтрымлівалася ўстойлівая сувязь з Вялікай зямлёй.

У многіх раёнах дзейнічалі выканкамы Саветаў дэпутатаў працоўных. Але часцей ролю органаў савецкай улады выконвалі спецыяльна створаныя камендатуры, якія падтрымоўвалі парадак, вырашалі гаспадарчыя пытанні, арганізоўвалі групы самаабароны. Яны ахоўвалі населеныя пункты, рыхтавалі базы і лагеры для насельніцтва і партызан, паведамлялі аб набліжэнні праціўніка. Разам з партызанамі мясцовыя жыхары ўдзельнічалі ў абарончых работах: капалі акопы і траншэі, рыхтавалі абарончыя кропкі, удзельнічалі ў баях з ворагам. Прызначаны партызанамі камендант населенага пункта павінен быў арганізоўваць уначы дзяжурства і дзённае назіранне. Яго распараджэнні з'яўляліся абавязковымі для мясцовых жыхароў. Адначасова камендант павінен быў задавальняць патрэбы насельніцтва, забяспечваць яго добрыя ўзаемаадносіны з партызанамі. Дзейнасць камендантаў кантралявалася камандаваннем атрадаў, якія прызначалі на такія пасады найбольш правераных партызан. Акрамя прызначэння камендантаў, якія дзейнічалі ў партызанскіх зонах, у шэрагу выпадкаў партызаны выкарыстоўвалі старастаў, прызначаных немцамі ў вёсках блізкіх да іх гарнізонаў. Многія старасты фармальна з'яўляліся прадстаўнікамі ўлад, фактычна працавалі на карысць партызан.

Значная колькасць грамадзян Беларусі, не з'яўляючыся фармальна партызанамі, уносіла свой уклад у барацьбу з ворагам. Іх дапамога часта была

звязана з рызыкай, патрабавала ад людзей самаадданасці і мужнасці, з'яўлялася дзейнай формай удзелу ў народнай барацьбе супраць захопнікаў. Яны дастаўлялі партызанам разведдадзеныя, прымалі актыўны ўдзел у распаўсюджанні газет і ўлётак партызан, удзельнічалі ў правядзенні масава-палітычнай работы, уступалі ў рады партызан, каб са зброяй у руках змагацца з ворагам.

Адыграла важную ролю ва узаемаадносінах з насельніцтвам масава-палітычная работа партызан. Праводзіліся палітінфармацыі, бяседы, гучныя чысткі газет, распаўсюджваліся зводкі Саўінфармбюро, звесткі, якія перадаваліся па радыё. У 1943–1944 гг. амаль усе буйныя партызанскія фарміраванні мелі мастацкую самадзейнасць, гурткі і агітбрыгады, якія сістэматычна выступалі перад мясцовымі жыхарамі.

Падтрымка насельніцтва дазволіла партызанам сіламі буйных злучэнняў праводзіць шматкіламетровыя рэйды па тылам праціўніка. Партызаны грамілі варожыя гарнізоны і ваенна-стратэгічныя аб'екты ворага, знішчалі жывую сілу праціўніка. Мясцовыя жыхары ў ходзе гэтых рэйдаў не толькі падтрымоўвалі партызан, але многія ўступалі ў іх рады.

Важнае значэнне ва ўзаемаадносінах партызан з насельніцтвам мела аказанне мясцовым жыхарам медыцынскай дапамогі. Ва ўмовах акупацыі санітарны стан, здароўе людзей патрабавалі пэўнай увагі. У тыле ворага прыходзілася вырашаць пытанні медыцынскага абслугоўвання партызан і насельніцтва, ствараць медпункты. Знаходзіць урачоў і медработнікаў, неабходныя лекі. Медыцынскія кадры партызанскіх атрадаў фарміраваліся з ліку мясцовых медработнікаў і вайсковых урачоў, якія аказаліся ў акружэнні. Паспяховаму вырашэнню гэтай праблемы садзейнічала і дапамога партызанам з боку насельніцтва. У выніку большасць партызанскіх фарміраванняў стварылі свае шпіталі і медпункты. Яны мясціліся на базах брыгад у лясах, ці ў населеных пунктах, якія абаранялі партызаны.

У партызанскіх зонах з ліку партызан і мясцовых жыхароў вялася падрыхтоўка сярэдняга і малодшага медперсаналу. Жанчыны дапамагалі даглядаць параненых, мылі бялізну, перавязачныя матэрыялы. Насельніцтва дапамагала ў пошуку медыкаментаў. У гэтым значную ролю адыгралі тыя, хто працаваў у шпіталях і аптэках, якія былі падпарадкаваны акупантам. Так, прафесар Я.У. Клумаў, які працаваў у Мінскай гарадской бальніцы, дапамагаў параненым падпольшчыкам і партызанам, лячыў савецкіх патрыётаў, забяспечваў падпольшчыкаў і многія партызанскія атрады медыкаментамі, хірургічнымі інструментамі. З дапамогай Клумава поўнасцю былі абсталяваны два партызанскія шпіталі. У кастрычніку 1943 г. акупанты яго арыштавалі і разам з жонкай закатавалі. Пасмяротна Я.У. Клумаву было прысвоена званне Героя Савецкага Саюза [5, с. 83].

Са стварэннем Беларускага штаба партызанскага руху некаторая колькасць лекаў паступала з Вялікай зямлі.

Значную ролю ва ўзаемаадносінах партызан з мірным насельніцтвам адыграла сумесная барацьба за захаванне жыцця дзяцей як будучыні беларускага народа.

Са 190 дзіцячых дамоў, якія існавалі ў Беларусі, звыш 100 засталіся на акупіраванай тэрыторыі. Акрамя таго акупацыйныя ўлады вымушаны былі стварыць звыш 20 прытулкаў [6, с. 6]. Жыццё дзяцей у гэтых установах у час акупацыі было трагічным. Не хапала ежы, адзення, выхаванцаў выкарыстоўвалі на розных работах, накіроўвалі на работы ў Германію, у многіх бралі кроў для нямецкіх салдат, праводзілі медыцынскія вопыты і інш. Толькі дзякуючы выхавальнікам, дапамозе мясцовага насельніцтва, партызан і падпольшчыкаў былі выратаваны жыцці многіх дзяцей.

У шэрагу выпадкаў партызаны і падпольшчыкі бралі пад свой кантроль дзейнасць дзіцячых устаноў, усімі магчымымі сродкамі дапамагалі дзецям. Былі выпадкі, калі партызаны вывозілі дзетдамы ў партызанскія зоны, каб выратаваць дзяцей ад пагрозы прымусовага вывазу ў Германію, праводзіць над дзецьмі медыцынскія вопыты, выкарыстоўваць іх у якасці донараў. Гэтых дзяцей стараліся ўладкоўваць у сем'і мясцовага насельніцтва. Быў выпадак і стварэння партызанскага дзетдома пры брыгадзе імя Чапаева ва Ушацкім раёне Віцебскай вобласці. Аднак пад пагрозай блакады з боку гітлераўцаў дзяцей вымушаны былі пераправіць у савецкі тыл. Пры падтрымцы насельніцтва партызаны ратавалі дзяцей: збіралі беспрытульных, перавозілі іх у больш бяспечныя вёскі, хавалі па лясах.

Сярод партызан, у сямейных лагерах знаходзілася калі 5,5 тыс. дзяцей дашкольнага і малодшага школьнага ўзросту. Многіх з іх стараліся пераправіць у савецкі тыл. Але значная частка дзяцей заставалася на акупіраванай тэрыторыі. Трэба было займацца арганізацыяй іх жыцця сярод партызан у партызанскіх зонах, выхоўваць іх. У выніку ў шэрагу вёсак з верасня 1942 г. пачалі працаваць партызанскія школы. Шырокае распаўсюджванне яны атрымалі у 1943 г. Гэта было выклікана не толькі неабходнасцю даваць дзецям адпаведныя веды, але і супрацьдзейнічаць палітыцы анямечвання, якую праводзілі акупанты сярод дзяцей. Акрамя школ, у населеных пунктах, якія кантраляваліся партызанамі, дзейнічалі «лясныя» школы. Яны знаходзіліся ў сямейных лагерах. Арганізоўвалася тайнае навучанне дома. Усё гэта давала магчымасць згуртаваць дзяцей, даваць ім адпаведныя веды, выхоўваць іх. Толькі разам з мясцовымі жыхарамі, у ўзаемадзеянні з насельніцтвам партызаны і падпольшчыкі маглі ажыццяўляць гэту работу, змагацца за будучае Айчыны.

1. Павлова, Е.Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны: источники и методы анализа / Е.Я. Павлова. Автореф. … дис. канд. ист. наук.– Минск, 2003.

2. Суслов, А. Была пора, была эпоха / А. Суслов. Сов. Белоруссия, 2009. 29 окт. С. 9.

3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Минск, 2005.

4. Пережогин, В.А. Партизаны и население (1941–1945 гг.) / В. А. Пережогин. Отечественная история. 1997. № 6.

5. Каваленя, А.А. Беларусь у выпрабаваннях вайны (1939–1945 гг.) / А.А. Каваленя. Мінск, 2001.

6. Паўлаў, У.П. Дзеці ліхалецця: дакументальныя нарысы / У.П. Паўлаў. Мінск, 2005.

С.П. КУБЕКА

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ НАРОДНАГА СУПРАЦІВУ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў АДЛЮСТРАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КАЛЕКЦЫІ «АЛЕКСАНДРЫЙСКІЯ МІКРАФІЛЬМЫ»

Праблема партызанскай барацьбы супраць захопнікаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі сёння ўсё больш прыцягвае ўвагу беларускіх і замежных даследчыкаў. У апошні час у навуковы ўжытак уведзены новыя, раней малавядомыя ці невядомыя крыніцы. Архіўнымі ўстановамі краіны выдадзены шэраг дакументальных матэрыялаў і даведнікаў, мемуараў непасрэдных удзельнікаў партызанскага руху, шматлікія манаграфіі, у якіх робіцца спроба больш аб'ектыўна асэнсаваць гісторыю Беларусі ваеннага часу, дзейнасць партызанскіх фарміраванняў і падполля [1].

Не з'яўляюцца выключэннем у гэтым сэнсе і «Александрыйскія мікрафільмы» – мікракопіі нямецкіх трафейных дакументаў, арыгіналы якіх доўгі час захоўваліся ў г. Александрыя (ЗША).

Да пачатку 60-х гадоў служба архіўнага сэрвісу ЗША правяла працу па капіраванні трафейных дакументаў, іх тыражаванню, пасля чаго яны рознымі шляхамі з'явіліся ў архівах ФРГ і ГДР (Фрайбург і Патсдам), і іншых еўрапейскіх краін [2, с. 62].

У 60-я гады гэтыя дакументы пачалі трапляць у айчынныя архівы, колькасць якіх у 1980 г. дасягнула 279 мікрафільмаў. Восенню 2000 г. з архіваў КДБ атрымана апошнія 7. Такім чынам, нацыянальная калекцыя, якая сфарміравалася на сённяшні дзень, утрымлівае 286 мікрафільмаў [3]. Сярод арыгінальных крыніц, захаваных на стужках №№ 186, 187, 188, 192, 204, 213, 215, 217, 219, 223, 226, 247, 269, 272, 292, 294 і інш. значны аб'ём матэрыялаў займаюць дакументы германскай ваеннай і цывільнай адміністрацыі, кожная з якіх, выкарыстоўваючы розныя метады, асноўную ўвагу надавала барацьбе з партызанамі, пошуку ваенных, палітычных і іншых сродкаў утрымання сваёй улады на акупаванай тэрыторыі.

Асобнае месца займаюць матэрыялы, якія тычацца партызанскага руху на беларускай тэрыторыі, барацьбы партызан супраць ахоўных, паліцэйскіх і ваенных фарміраванняў. Гэта – даведкі аб партызанскай дзейнасці ў першыя месяцы вайны; аб дзеяннях партызанскіх атрадаў летам–восенню 1941 г.; дзённыя паведамленні аб партызанскіх аперацыях у раёнах розных абласцей Беларусі; дырэктыўныя дакументы, указанні і распараджэнні, памяткі і інструкцыі, тэлефонаграмы і радыёграмы, справаздачы, карты-схемы аперацый супраць партызан [4].

Самая вялікая колькасць матэрыялаў першакрыніцы аб дзейнасці партызанскіх атрадаў і груп адносіцца да 1942–1943 гг. У справаздачы 3-х груп ГФП за перыяд з 04. па 31.05. 1942 г. гаворыцца, што ў красавіку і маі амаль ва ўсіх месцах на тэрыторыі, якая ахоўваецца 203 ахоўнай брыгадай, назіралася актыўная партызанская дзейнасць. Тайная палявая паліцыя займалася амаль выключна барацьбой супраць партызан. Прафілактычная дзейнасць у часцы абарончых і контрмер, ахова чыгуначных ліній, харчовых і складоў паліва, а таксама іншых складоў адышла на другі план [5].

Трафейныя дакументы адлюстроўваюць прызнанне германскім кіраўніцтвам карэнных зменаў ваенна-палітычнай сітуацыі. Прычынамі з'яўляюцца, як адзначаюць акупацыйныя ўлады, разгортванне небывалай да гэтага часу наступальнай актыўнасці партызан, іх узрошая ўзброенасць артылерыйскімі гарматамі, мінамётамі, станкавымі кулямётамі, магчымасці вырашаць больш значныя задачы і праводзіць маштабныя аперацыі [6].

Для падцвярджэння вышэй згаданнага прывядзем вытрымкі з аднаго мікрафільма. Так, начальнік палявой паліцыі пры 203-й ахоўнай брыгадзе ў справаздачы ў штаб 2-й танкавай арміі ад 29.05.1942 г. нагадвае, што ў кіраўніцтве і арганізацыі партызанскага руху ў тыле 2-й танкавай арміі ў апошні час назіраецца значны ўздым, які неабходна разглядаць як усё больш сур'ёзную пагрозу для забеспячэння арміі [...]. Калі яшчэ некалькі тыдняў таму дзейнасць партызан у асноўным зводзілася да тэрарызавання насельніцтва, зрыву нашых адміністрацыйна-кіраўнічых і гаспадарчых мерапрыемстваў, да паралiку руху асобных нямецкіх аўтатранспартаў у шматлікіх раёнах, да дыверсій на дрэнна ахоўваемых чыгуначных участках, да ўхілення партызан пры любых абставінах ад баёў з нямецкімі часцямі, то ў сённяшні час трэба канстатаваць наступнае:

1. Важныя транспартныя магістралі ўсё больш становяцца мэтай сістэматычных партызанскіх удараў. Здзейсненныя ў апошні час неаднаразовыя налёты партызан на станцыі і населеныя пункты сведчаць аб тым, што праціўнік больш не сароміцца здзейсняць нападзенні на аб'екты і населеныя пункты, якія маюць значныя нямецкія гарнізоны.

2. Некаторыя партызанскія атрады, у большасці добра ўзброеныя аўтаматычным і цяжкім узбраеннем, колькасцю ў 60—80 чал. дзейнічаюць фактычна пад адзіным, добра падрыхтаваным камандаваннем. У сённяшні час, (са слоў пранямецкі настроеных жыхароў), буйныя партызанскія сілы рыхтуюць удар па гораду Трубчэўску. Гэтаму нападзенню мы маглі супрацьпаставіць

толькі ўзмацненне нашай агнявой моцы за кошт павелічэння трафейнай зброі. Чакаемая страта горада Трубчэўска з яго вялізарнымі запасамі зерня і жывёлы наносіць не толькі вялікі гаспадарчы ўрон, але і з'явіцца сур'ёзнай пагрозай для жыццёва важнай чыгуначнай магістралі Гомель—Бранск.

3. Банды і іх штабы ў асноўным знаходзяцца ў баку ад буйных населеных пунктаў, ва ўмацаваных і добра абсталяваных і ахоўваемых бункерах, якімі нельга авалодаць, не маючы цяжкай зброі.

Рускаму насельніцтву пад пагрозай смерці забаронена з'яўляцца ў гэтых раёнах. Супраць мясцовага насельніцтва, якое дапамагае партызанам, не аказвае ім супраціўленне ці перадае звесткі аб нашых войсках, выкарыстоўваюцца самыя жорскія меры. Добра арганізаваная разведслужба дазваляе партызанам валодаць інфармацыяй аб усіх падзеях, якія адбываюцца на нямецкім баку [7].

Акрамя гэтага дакументы «Александрыйскія мікрафільмы» утрымліваюць: дакладныя фюрэру аб выніках правядзення карных аперацый супраць партызан і мясцовага насельніцтва; вынікі і страты ў ходзе правядзення такіх аперацый у 1942 г. [8]; загад рэйхсфюрэра СС і начальніка штаба злучэнняў па барацьбе супраць партызан ад 28.10.1943 г. аб наступленні 1.11.1943 г. на (*як яны нагадваюць*) партызанскую рэспубліку Расоны, карты-схемы партызанскіх сіл у раёне; дакументы аб партызанскай дзейнасці за розныя месяцы ў тыле армій «Цэнтр»" [9]; прылажэнні да дзённіка баявых дзеянняў разведаддзела 2-й танкавай арміі за студзень–май 1943г.; за ліпень–кастрычнік 1943 г. Тут знаходзяцца дакладныя аб развіцці партызанскай сітуацыі за лета 1943 г.; *карты–схемы размяшчэння партызанскіх атрадаў і брыгад на 31. 08. 1943 г.* У дакументах апісваецца зараджэнне і развіццё партызанскага руху, партызанскія акцыі і г.д. [10].

Цікавасць прадстаўляе карта–схема аб колькасці партызанскіх атрадаў па абласцям на 17.04.1943 г.:

Віцебск–150 атрадаў, 22 160 чал. Вілейка–18 атрадаў, 2 254 чал.
Магілёў–77 атрадаў, 7 162 чал. Мінск–115 атрадаў, 15 858 чал.
Мазыр–40 атрадаў, 4 599 чал. Гомель–33 атрады, 3 403 чал.
Пінск–24 атрады, 4 322 чал. Баранавічы–45 атрадаў, 6 152 чал.
Брэст–18 атрадаў, 2 564 чал. Беласток–2 атрады, 20 чал. [11].

Першакрыніца ўтрымлівае дакументы аб развіцці партызанскага руху на Беларусі ў 1944 г.. Сюды адносяцца: баявыя данясенні 201-й ахоўнай дывізіі аб ходзе і выніках карных аперацый, іх карты -схемы; статыстычныя дадзеныя аб нападзеннях партызан на нямецкія фарміраванні за розныя месяцы 1944 г.; карты-агляды партызанскай дзейнасці ў розных абласцях Беларусі; агляд узброенных сутыкненняў за люты 1944г., калі адбылося 319 баёў з партызанамі, 349 нападаў на войскі, 473 дыверсій на чыгунцы толькі ў Віцебскай вобласці. У дакументах адзначаецца, што трэба разлічваць на абвастрэнне партызанскай дзейнасці, асабліва на чыгуначнай лініі Маладзечна–Полацк. Дакументы ўтрымліваюць таксама карты размяшчэння партызанскіх сіл на 1.04.1944 г.; том прылажэнняў № 8 да ДБД 3-й танкавай арміі за сакавік – май 1944 г.; дакладную

запіску аб вопыце барацьбы супраць партызан у тыле 9-й арміі; пералік партызанскіх атрадаў на Беларусі па становішчы на 31 сакавіка 1944 г.; дзённыя паведамленні за красавік аб дыверсіях на чыгуначных лініях Віцебшчыны [12].

Такім чынам, відавочна, што нават кароткі агляд «Александрыйскіх мікрафільмаў»" паказвае значнасць першакрыніцы ў вывучэнні праблем партызанскага руху на Беларусі ў часы вайны, адносін да яго з боку акупацыйных улад. А стварэнне археаграфічнага рэестра матэрыялаў дасць магчымасць больш аб'ектыўнага даследавання ваеннай гісторыі Беларусі.

1. Літвін А. Да пытання распрацоўкі праблем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў. 55 гадоў Перамогі у Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новая канцэпцыя і падыходы. Матер. навук. –тэарыт. канф. 4–5 мая 2000 г. –Мінск, 2000. – С. 119–125. Ч.1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гісторыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. дакументаў.– Мінск, 1999. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Док. и материалы. В 3 т. – Минск, 1983–1985. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск, 1993.
2. Новікаў С. «Александрыйскія мікрафільмы» як новая архіўная першакрыніца ваеннай гісторыі Беларусі // Вести ИСЗ. 2000. №2. – С. 62.
3. НА РБ. МФ. 1—286.
4. НА РБ. МФ. 151, 152, 153, 263, 264, 212, 219, 273, 277.
5. НА РБ. МФ 216. К. 000222.
6. НА РБ. МФ. 286. К.000615 – 000616.
7. НА РБ. Ф. 4683. Воп. 3. Спр. 1006. Л. 281.
8. НА РБ. МФ. 215.
9. НА РБ. МФ. 112, 115, 117, 121, 128.
10. НА РБ. МФ. 130, 171, 187, 189, 275, 191, 149.
11. НА РБ. МФ. 190, 191, 276, 193.
12. НА РБ. Ф. 4683. Воп. 3. С. 991. Л. 26.
13. НА РБ. МФ. 197, 198, 199, 194, 175, 196, 195.

А.Н. МАКСИМЧИК

НАРОДЫ КАВКАЗА В ПАРТИЗАНСКОМ И ПОДПОЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

На первый взгляд, может показаться, что история белорусского народа и народов Кавказа имеет больше различий, чем сходства. Заглядывая в зеркало истории, нельзя не заметить одно очень важное сходство, объединяющее эти народы – геополитическое положение территории, которое находится в зоне цивилизационного раскола. Это позволяло использовать ее в качестве арены

столкновения враждующих сторон. Пограничный статус территории сформировал и соответствующую стратегию сопротивления агрессии извне.

«Молот» истории и «наковальня» времени создали высокопрочный и несгибаемый сплав характера народов Кавказа и Беларуси, который с небывалой силой проявился в годы Великой Отечественной войны. Издревле ландшафт местности позволял активно использовать тактику партизанской «малой» войны. В период оккупации Беларуси наша земля стала для многих горских народов родным аулом. В газете «Віцебскі рабочы» за 7 ноября 1942 г. даже была помещена статья под названием «За Беларусь, за свой аул» [12], повествующая о карачаевцах – белорусских партизанах. Наряду с «белорусскими партизанами гор» мужественно сражались с врагом русские и украинцы, казахи и узбеки, башкиры и удмурты, латыши и литовцы – всего более 70 наций и народностей, проживавших на территории бывшего Советского Союза.

Основным источником пополнения рядов партизан представителями горных народов являлись военнослужащие, которые были скованы в затяжных оборонительных боях, попали в окружение, не смогли пробиться на восток, попали в плен.

Ряд партизанских отрядов носили имена известных политических деятелей того времени, погибших партизанских командиров – выходцев с Кавказа. Это и отряд им. А.И. Микояна Барановичской обл., отряд им. Л.П. Берии Минской обл. (под командованием С.А. Ваупшасова), отряды им. Г.К. Орджоникидзе в Минской, Гомельской, Пинской, Барановичской и Витебской обл., отряд им. Л.З. Джиоева Вилейской обл., названный его именем посмертно, 121 бригада О.М. Касаева Могилевской обл., погибшего в феврале 1944 г. [14].

Среди первых партизан и подпольщиков Беларуси оказался 29-летний уроженец с. Кадгарон Ардонского р-на Северной Осетии Илья Гаврилович Гуриев. Начало войны он встретил у г. Ломжа на р. Нарев в составе 6-й Чонгарской казачьей дивизии. Уже на следующий день он был ранен и эвакуирован в Минск, а затем – в Могилев, где находился в госпитале. Окончательно не окрепший, Илья Гаврилович – комиссар противотанкового истребительного батальона – принимал участие в оборонительных боях за г. Могилев, был вторично ранен и доставлен в военный госпиталь [10]. После захвата города из военнослужащих госпиталя Гуриев организовал подпольную группу под названием «Непокоренные». В сентябре 1941 г. они связались с Могилевской подпольной организацией «Комитет содействия Красной Армии». В группу «Непокоренных» вошли и два других уроженца Кавказа – армянин Г.А. Захарян и грузин Надирадзе. Хорошо знавшему немецкий язык, Генриху Александровичу Захаряну удалось устроиться в немецкий штаб резервно-формировочного пункта, что позволяло ему получать секретную информацию. В феврале 1943 г. по заданию Могилевского ОК он похитил из секретной комнаты штаба оперативную карту р-на Могилева и укреплений на Днепре.

Немецким шпионам удалось выследить и арестовать Г.А. Захаряна. На последнем допросе подполковник Лейнер оскорбил Генриха Александровича, назвав его армянской свиньей. В ответ на сокрушительный удар Генриха Лейнер не удержался на ногах и выстрелил из пистолета. Истекая кровью, Захарян мертвой хваткой вцепился в горло подполковника и задушил его. В послевоенное время он был посмертно награжден орденом «Отечественной войны» I ст.

Руководитель «Комитета содействия Красной Армии» К.Ю. Мэтте, характеризуя деятельность группы Гуриева, отмечал, что «в результате деятельности группы к партизанам ушло 500 военнопленных с оружием. К партизанам переправляли медикаменты. Подпольщики проводили широкую разведывательную работу в стане противника. Под его (Гуриева – *авт.*) руководством было организовано несколько диверсий, в том числе разгром госпиталя военнопленных в Могилеве по Виленской ул. 13 марта 1943 г.» [8]. Основная часть военнопленных отправлялась в 121-й партизанский полк, командиром которого был другой уроженец Северного Кавказа – Осман Мусаевич Касаев.

Родился он в ауле Хурзук Карачаевского р-на Карачаево-Черкесской автономной обл. [11, с. 258]. В 1939 г. окончил Киевское артиллерийское училище [2]. Осенью того же года лейтенант Касаев участвовал в освободительном походе в Западную Беларусь. Великую Отечественную он встретил в г. Слониме начальником артиллерии 383-го стрелкового полка 121-й стрелковой дивизии. Под натиском противника дивизия понесла значительные потери и оказалась во вражеском тылу. С целью соединения с отступавшими частями Красной Армии группа О. Касаева по ночам продвигалась на восток, достигнув Белыничского р-на Могилевской обл. Здесь им был организован партизанский отряд, выросший в 121 партизанский полк. Под командованием Османа Мусаевича партизаны уничтожили более 3 тыс. вражеских солдат и офицеров, взорвали 28 эшелонов, 30 км железнодорожного полотна, разгромили 65 гарнизонов.

В середине февраля 1944 г. в 14-й раз противник предпринял карательную операцию против партизан района. Касаев разработал надежный план выхода из окружения. Когда 17 февраля 1944 г. партизаны шли по открытой местности, на них налетела вражеская авиация, стала бомбить и расстреливать партизан из пулеметов. В этот момент мелькнула черная кавказская бурка. Касаев схватил ручной пулемет и начал стрелять по самолету противника, который успел выпустить пулеметную очередь. Всего Осман получил 8 смертельных ран. 18 февраля в 12 часов он умер. Его похоронили в лесу у деревни Жалин, а после войны он был перезахоронен в г. Могилеве.

За мужество и героизм О.М. Касаев трижды представлялся к званию Героя Советского Союза. Однако из-за принадлежности к репрессированному карачаевскому народу Осман Касаев не получил эту высокую награду ни при жизни, ни сразу после смерти. Оно было присвоено ему посмертно Указом

Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. по ходатайству руководящих органов Беларуси.

В послевоенное время в честь Касаева дер. Сермежанка Белыничского р-на была переименована в деревню Осман-Касаево. Его именем были названы улицы в г. Могилеве, Карачаевске, Черкесске, дер. Хрипелево Могилевского р-на, совхоз в родном ауле героя, школа [11, с. 258]. Был учрежден международный приз его имени, который вручается победителю ежегодных соревнований по вольной борьбе в г. Карачаевске. В 1966 г. в дер. Угольшина Белыничского р-на Могилевской обл. и в 1997 г. в ауле Учкулан Карачаевского р-на были установлены памятники.

По далеко не полным данным, в рядах белорусских партизан мужественно сражалось около 100 азербайджанцев, которые уже в первые дни войны стали организаторами партизанских групп и отрядов [15]. В их числе был и заместитель командира 451 артполка 118 стрелковой дивизии Алекпер Саид Мамед-оглы Алиев. Он трижды попадал в окружение, дважды ему удавалось выйти, а в третий раз – был ранен в голову. Выходили и помогли раненому жители дер. Колодищи Минского р-на. В октябре 1942 г. Алекпер Алиев вступил в партизанский отряд им. Сталина бригады «Дяди Коли» (П.Г. Лопатина) Минской обл. Спустя 3 месяца, проявив себя как мужественный, смелый и находчивый партизан, был назначен начальником штаба этого отряда, а в феврале 1944 г. он стал командовать отдельным отрядом им. А.В. Суворова Минской области [14, с. 483]. Под его командованием отряд уничтожил 850 и захватил в плен 418 немецких солдат и офицеров противника, подорвал 11 эшелонов противника, подбил 3 самолета, повредил около 8 км связи, предотвратил отправку на принудительные работы в Германию более 4 тыс. местных жителей [9].

Начало Великой Отечественной войны на территории Беларуси встретил 21-летний юноша, уроженец с. Горадис Физилинского р-на Азербайджанской ССР красноармеец Мамедов Мамед Наджафович. Во время оборонительных боев он был ранен и попал в окружение, но сумел выйти. Руку помощи раненому бойцу протянули жители д. Микуличи. После выздоровления Мамедов вступил в подпольную группу, которая в июне 1942 г. влилась в партизанский отряд «Искра» бригады «Разгром» Минской обл. В отряде Мамедов быстро завоевал уважение и был избран заместителем комиссара по комсомолу. Во время разгрома гарнизона противника в Гребенке 10 октября 1942 г. М. Мамедов был ранен в живот и в тяжелом состоянии был доставлен в лагерь. За годы войны Мамедов уничтожил 20 гитлеровцев, 5 автомашин, 2 продовольственных склада, взорвал 2 моста, участвовал в разгроме нескольких вражеских гарнизонов, уничтожении 3 железнодорожных составов, 35 вагонов, в подрыве 345 железнодорожных рельсов.

Комсорг возглавлял редакционную коллегию по выпуску настенной газеты «Искра», в которой рассказывалось о боевых делах комсомольско-молодежного отряда. В аттестационном листе на присвоение первичного

воинского звания «младший лейтенант» от 23 марта 1944 г. на его фамилию отмечалось: «Тов. Мамедов ...смелый, решительный, в боевой обстановке ведет себя спокойно, умеет нацелить и повести подчиненных на выполнение боевых задач. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчиненным, пользуется авторитетом среди личного состава отряда, физически здоров» [1, с. 488–489].

На должности командира партизанской бригады им. И.В. Сталина Брестской обл. с октября 1943 по март 1944 г. был армянин Сумбат Хачатурович Арзуманян. В 1941 г. он – командир станково-пулеметного взвода 65 кавалерийского полка – для дезорганизации коммуникаций противника был направлен во вражеский тыл [6]. Почти двухмесячные бои измотали силы кавалеристов, они понесли колоссальные потери и не смогли пробиться к линии фронта. Было принято решение остаться на оккупированной территории и перейти к партизанским методам борьбы. Вскоре они объединились с группой старшего лейтенанта М. Лукашевича, который стал командиром объединенного отряда, а Арзуманян – его заместителем. Позже этот отряд вошел в состав 125 Копаткевичской бригады Полесской обл. В марте 1943 г. на полесский аэродром из Москвы прибыла группа Брестского подпольного обкома во главе с С.И. Сикорским. Для ее сопровождения в район дислокации была выделена рота в количестве 70 партизан, командиром которой назначили Сумбата Хачатуровича [14, с. 126]. Так он оказался в Брестской области. После гибели в сентябре 1943 г. Л.П. Зеленина, командира бригады им. И.В. Сталина, Арзуманяна назначают на его должность. Деятельность партизанского комбрига была высоко оценена руководством страны. Он был награжден орденом Красного Знамени, медалями «Партизану Отечественной войны» I ст., «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». В послевоенное время долгое время С.Х. Арзуманян работал директором швейной фабрики «Индпошиводежда» в Бресте, был почетным жителем этого города [6].

В годы войны активно себя проявил партизанский отряд, получивший название одной из вершин Кавказских гор – «Казбек». Он был организован в ноябре 1943 г. в Витебской обл., входил в состав бригады им. А.Ф. Данукалова [14, с. 239]. Командиром отряда был Медаев Салман Асхадович, нохче (чеченец) по национальности, который в мае 1944 г. погиб при выходе из блокады Полоцко-Лепельской партизанской зоны немецко-фашистскими войсками. О дерзких боевых операциях отважного командира рассказывает книга П.Л. Лебедева «Казбек» принимает бой», вышедшая в г. Грозном в 1987 г. [13].

В настоящее время в фондах музея истории Великой Отечественной войны бережно хранятся личные вещи и документы более 60 партизан–уроженцев Кавказа. Среди них – довоенный значок чемпиона Москвы 1940 г. даргинца Исаева Али Холодаевича, который добровольцем вступил в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). После разгрома гитлеровцев под Москвой он в составе созданного отдельного отряда «Славный» в феврале 1942 г. был направлен на оккупированную территорию

Беларуси. В мае 1944 г. он с группой других партизан был отозван в Москву, где до 1970 г. работал старшим тренером по легкой атлетике, выступал на первенствах СССР, был 13-кратным чемпионом Москвы.

Последним поступлением в фонды музея стали материалы Левана Ясоновича Хуцишвили, уроженца с. Двери Баржомского р-на Грузии. В январе 2009 г. он сдал групповые фотографии [5], приказ о его награждении личным оружием [3], служебную характеристику, в которой, в частности указывалось, что во время создания партизанского отряда «Патриот Родины» Хуцишвили снабдил его большим количеством вооружения. Сам он в 1939 г. был призван в ряды Красной Армии, участвовал в советско-финляндской войне, служил в Эстонии, затем в Литве [4]. Начало войны застал на западной границе, под Белостоком. Вместе со своей воинской частью принял боевое крещение, сражался под Гродно. Был ранен и попал в плен, откуда бежал к партизанам. Вступил в отряд им. Г.И. Котовского 300-й бригады им. К.Е. Ворошилова Минской обл. [8]. В 1943 г. он был назначен командиром роты отряда «Патриот Родины» этой же бригады, проявил себя отважным и смелым партизаном. В настоящее время живет в г. Минске.

Таким образом, участие народов Кавказа в партизанском и подпольном движении Беларуси являет собой яркий пример дружбы и сотрудничества народов бывшего СССР и современного СНГ.

1. Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). *Сб. док-тов и мат-лов в 2-х томах.* Т. 1.–Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1976.
2. БГМИВОВ, фонды, б/н.
3. БГМИВОВ, фонды, КП 72433.
4. БГМИВОВ, фонды, КП 72434.
5. БГМИВОВ, фонды, КП 72436-72440.
6. БГМИВОВ, фонды, н/в 14455/5.
7. БГМИВОВ, фонды, н/в 17382/22.
8. БГМИВОВ, фонды, н/в 20667.
9. БГМИВОВ, фонды, н/в 7657.
10. БГМИВОВ, фонды, н/в 9951/2.
11. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941-1945: Энцыкл./ Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелСЭ, 1990.
12. Глускі, В. За Беларусь, за свой аул// Віцебскі рабочы, ад 7 лістапада 1942 г. (БГМИВОВ, фонды, КП 36729).
13. Лебедев, П. Л. «Казбек» принимает бой. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987.
14. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их

личном составе/ [Манаенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. и др.] – Мн.: Беларусь, 1983.

15.Тагиев, Фагани Сабир-оглы. Вдали от каспийских волн. Азербайджанцы защищали белорусскую землю, как свою родную // Во славу Родины, 15 июня 2000 г.

В.М. МАТОХ

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С момента своего образования в 1938 г. Минская область вот уже 70 лет является столичной, центральной областью Беларуси. Освещение истории регионов, отдельных областей БССР важно для понимания истории белорусского государства в целом. Документы областных архивов ценны тем, что дают возможность получить более детальное, приближенное представление о различных страницах истории Беларуси. Докладные справки, записки, донесения районных и областных органов власти и управления содержат детали и подробности, которые зачастую опускались в документах общегосударственного уровня. Поэтому научное изучение и публикация документов областных архивов Беларуси особенно актуально сейчас, когда возрос интерес к локальной, региональной истории.

Документы Государственного архива Минской области до сих пор остаются малоизвестными широкому кругу исследователей, несмотря на то, что по количеству единиц хранения этот архив является на данный момент одним из крупнейших в Республике Беларусь.

Документы, о которых пойдет речь, представляют собой небольшой комплекс – всего 12 единиц хранения [1], собранных в описи дел особого сектора Минского обкома КП(б)Б, а также несколько единиц хранения из описей других отделов Минского обкома – оргинструкторского, отдела кадров, военного отдела и партийного архива Минского обкома КП(б)Б. Комплекс документов Минского обкома КП(б)Б был передан в Госархив Минской области из Национального архива Республики Беларусь в 1996 г. Как свидетельствуют листы использования данных единиц хранения, к этим документам в научных целях обращались крайне редко – число пользователей, работавших в научных целях с этими документами за последние десять-пятнадцать лет, не превышает двух-трех человек.

Это протоколы заседаний бюро Минского подпольного обкома КП(б)Б, Руденского, Слуцкого и Стародорожского подпольных райкомов, докладные, справки, донесения, отчеты об организации партизанских отрядов, бригад, боевой и диверсионной работе партизан, дневники боевых действий, сведения о

дислокации партизанских формирований, списки партизанских отрядов, партийно-советских руководящих работников области, работников подпольного обкома, командно-политического состава партизанских отрядов, сведения и сообщения о выполнении спецзаданий в тылу врага. Кроме этого, сведения о собираемых разведданных о работе промышленных предприятий на оккупированной территории, расположении немецких частей, настроениях населения, о людях, работающих на немцев, и т.д. Хронологически документы охватывают период с 1942 по 1944 гг.

Как видим, здесь представлены документы самых различных видов и форм, настолько разнообразные и разноплановые, что провести видовую классификацию документов затруднительно, тем более что в делах документы собраны и подшиты беспорядочно. Можно выделить несколько видовых групп документов:

1. Протоколы заседаний бюро Минского подпольного обкома КП(б)Б, Руденского, Слуцкого, Стародорожского подпольных райкомов КП(б)Б.

2. Организационно-распорядительные документы – приказы об организации партизанских отрядов, подпольных центров.

3. Агитационные материалы: листовки, воззвания, обращения.

4. Статистические материалы – текущие сведения о партизанских соединениях Минской области, их численном составе, вооружении, состоянии снабжения.

5. Отчетно-справочные материалы: докладные записки, справки, сведения, сообщения, информации, списки. Эта группа документов наиболее обширная и освещает самые различные темы. Зачастую они представляют собой комплексные многоплановые обзоры по ряду вопросов жизни под оккупацией: боевая и пропагандистская деятельность партизан, участников диверсионных групп и подпольщиков, положение населения на оккупированной территории, отношение населения к партизанам, его настроения, немецко-фашистский режим, репрессии оккупантов против населения и партизан, судьба еврейского населения. Часто в них описываются детали жизни под оккупацией: например, каково положение в оккупированном Минске, какие там работают предприятия, что они выпускают, какие в городе стоят вражеские военные части, в каких зданиях они размещаются, какой в городе пропускной режим, какие ходят слухи среди населения и т. п. [2, лл. 1–40об., 41–42, 53–54 и др.]. В отчете о работе в тылу врага спецгруппы Мальчевского рассказывается об антисемитской пропаганде немцев, о зверском уничтожении евреев оккупантами в Лельчицком районе, Сенно, Лепеле [3, лл. 25-56, 96–96 об.].

Значительный интерес представляют послевоенные материалы Минского обкома КП(б)Б обзорного и статистического характера – обзоры истории партизанских соединений, отрядов и групп Минской области, списки партийных и советских работников, находившихся на спецработе в тылу врага и партизанских отрядах Минской области, списки партизан, награжденных правительственными наградами.

Организационно-распорядительные документы (протоколы заседаний, решения), содержащиеся в фонде Минского обкома КП(б)Б, важны для воссоздания истории организации и развития партизанского движения в Минской области – какие отряды создавались, кто ими руководил и т.д.

Но все эти вопросы были достаточно хорошо проработаны еще в 1960-1980-х гг. при написании таких фундаментальных трудов по истории белорусского партизанского движения как «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 3 т.– Мн., 1967-1982.–Т.1-3», «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков: в 3 т. – Мн.: Беларусь, 1983 – 1985. – Т. 1–3».

Поэтому наибольший интерес сегодня представляют именно те документы, которые в советское время были обойдены вниманием историков, изучавших партизанское движение и оккупацию, либо использовались фрагментарно, с пропусками каких-то деталей и фактов.

Например, документы, описывающие повседневную жизнь оккупированной Минской области и Минска, мелочи и детали повседневного быта, какие предприятия работали, какая продукция на них выпускалась, каковы настроения населения, какие слухи ходили, взаимоотношения партизан и местного населения, пропагандистская работа партизан и подпольщиков среди местного населения и коллаборантов. В этом отношении документы Минского обкома КП(б)Б могут стать очень ценным и информативным источником.

Интересным, но достаточно поверхностно изученным в советский период, является вопрос взаимоотношений партизан и местного населения, который можно рассматривать в нескольких аспектах: отношение населения к партизанам, отношение партизан к населению, пропагандистская работа партизан среди местного населения, мероприятия, проводимые партизанами по обеспечению повседневной жизни населения в партизанских зонах.

Речь об отношении местного населения к партизанам в описываемых документах ведется достаточно часто – в документах, отчетах, докладных записках указывается, как население относится к партизанам, какую поддержку оно им оказывает. Заметно, что партизаны уделяли этому вопросу большое внимание и это совершенно естественно – сами партизаны признавали, что без поддержки населения силы их уменьшатся во много раз, например, секретарь Логойского подпольного РК КП(б)Б Тимчук И.И. в своих мемуарах [4, л. 26].

В этом отношении ценными источниками являются практически все отчетные документы партизан о проведенной работе, о разведывательной, боевой и агитационной деятельности – отчеты, докладные записки, донесения, сведения, сообщения, справки, информации. Практически в каждом из них затронут вопрос о настроениях населения и его отношении к партизанам. В абсолютном большинстве документов констатируется, что население настроено просоветски и оказывает всяческую помощь и поддержку партизанам и

подпольщикам. Редким исключением является, например, докладная записка начальника штаба партизанского отряда «Старика» Расторгуева Н.П. о неудачном рейде отряда из Суражского района Витебской области в Борисовский район Минской области в июне-июле 1942 г. [5, лл. 3–7]. Немецкие охранные и полицейские части постоянно преследовали отряд, который был вынужден все время находиться в движении, а в конце июля был разгромлен. Основной причиной неудачи Расторгуев назвал наличие в Борисовском районе больших сил полиции и слабую поддержку со стороны местного населения, которое под воздействием мощной немецкой пропаганды утратило веру в возвращение Красной Армии: «Население запугано, за связь с партизанами усиленные репрессии. Немецкая пропаганда стоит на высокой ступени. Правды о жизни Советского Союза и Красной Армии население совершенно не знает, с нашей стороны никаких листовок нет. Население считает в большинстве своем, что Красная Армия не вернется, ибо сведений о фронте нет, в то же время немцы малейшие свои успехи рекламируют и раздувают в гигантские победы» [5, л. 5].

Отношение партизан к населению проявлялось в мероприятиях, проводимых на территориях, контролируемых партизанами. Среди документов Минского обкома КП(б)Б по этому вопросу можно отметить распоряжение партизанского отряда «Большевик» от 17 июля 1942 г. о распределении урожая зерновых культур среди населения [6, л. 48]. Об организации жизни в партизанских зонах много интересных сведений дают и мемуары участников партизанских отрядов и подпольщиков, хранящиеся в фонде партархива Минского обкома КП(б)Б – сведения об организации управления, экономической жизни, оборонной работы [4].

Мемуары участников партизанского движения, хранящиеся в фонде Минского обкома КП(б)Б, представляют большой интерес. Воспоминания Героя Советского Союза, бывшего секретаря подпольного РК КП(б)Б Тимчука И.И. под названием «Партизанское движение в Логойском районе» содержат массу интересных деталей о возникновении и организации партизанского движения в Логойском районе, боевой и пропагандистской деятельности партизан, о деятельности разведывательно-диверсионных групп НКВД в Логойском районе, об организации летом 1942 г. партийного руководства партизанскими отрядами Логойского района, о создании подпольного райкома, о проведении в июле 1942 г. в Руднянской пуще совещания представителей партизанских отрядов и групп Минской области [4, лл. 2–57].

Мемуары содержат интересные детали о противоречиях, существовавших между партизанами – местными уроженцами (белорусами) и партизанами-окруженцами (не местными), по ряду принципиальных вопросов. В частности, переходить линию фронта или, напротив, оставаться в районах базирования, называть себя «белорусскими партизанами» или просто «партизанами», как относиться к местному населению, не принимающему участия в вооруженной борьбе, принимать или не принимать в партизанские отряды местное население.

Все эти вопросы обсуждались, по свидетельству Тимчука И.И., на партизанском совещании в июле 1942 г. Следует отметить, что в опубликованных мемуарах С.А. Ваупшасова, который также присутствовал на этом совещании, данные проблемы не упоминаются [7].

Описана в мемуарах Тимчука И.И. и борьба партийного руководства партизанским движением с «дядями» (т.е. с названиями отрядов вроде «Отряд дяди Васи», «Отряд дяди Феди»), конфликт с командирами партизанских отрядов Воронянским В.Т. и Соколовым А.Ф., претендовавшими на единоначалие. Есть сведения о деятельности диверсионного отряда «Градова» (Ваупшасова С.А.).

Ценность этих воспоминаний в том, что они освещают вопросы, которые обычно затушевывались в официальной советской истории партизанского движения. Несмотря на свой небольшой объем, они чрезвычайно интересны. Но в качестве исторического источника их следует использовать с осторожностью, т.к. воспоминания – источник очень субъективный. К тому же неизвестно, сколько уровней цензуры прошли эти мемуары, прежде чем оказаться в партархиве Минского обкома КП(б)Б. Все эти воспоминания, как можно судить, прошли первичную литературную обработку.

Так как партизанские соединения тесно взаимодействовали между собой, проводили совместные операции, обменивались информацией и проводниками, в документах Минского обкома КП(б)Б содержится большое количество информации о повседневной жизни населения и партизанском движении на территории Витебской области в период немецкой оккупации (1941–1944).

В отчете о работе с августа 1941 г. по июль 1942 г. в тылу врага спецгруппы Мальчевского А.М. (секретаря Минского обкома ЛКСМБ) рассказывается об антисемитской пропаганде немцев, о зверском уничтожении евреев оккупантами в Сенно и Лепеле, о судьбе Лепельской подпольной группы, об организации партизанских отрядов в Лепельском и Бегомльском районах, об условиях содержания советских военнопленных в концлагерях в г. Глубокое и Лепель, о наличии немецких военных гарнизонах в Лепеле, Бегомле и его окрестностях [3, лл. 25–48].

В отчете уполномоченного ЦК КП(б)Б Юшкевича А.А., направленного в мае 1942 г. в тыл врага, рассказывается о рейде партизанского отряда «Старик» (Пыжикова В.С.) из Суражского района Витебской области в Борисовский район Минской области в июне-июле 1942 г. [3, лл. 77-82] и дальнейшей самостоятельной подпольной деятельности Юшкевича А.А. в Червенском районе Минской области. Подробно описан маршрут отряда, сложности, с которыми пришлось столкнуться во время рейда, названы партизанские отряды Витебской и Минской областей, через расположение которых проходил отряд Пыжикова В.С. Отмечаются настроения населения, условия жизни на территории оккупированных Витебской и Минской областей.

Сведения о положении на оккупированной территории Витебской области и действовавших там партизанских отрядах содержатся в докладных записках

врача Макарчук З.М. и связного партизанского отряда Гляк Н.З., адресованных в Минский обком КП(б)Б [6, лл. 12–14, 15–15об.], в докладных записках о деятельности диверсионной группы Барановского, действовавшей в Толочинском и Сенненском районах [6, лл. 17,18, 23–24об.], в отчете диверсантов Ващилы С.А. и Шкирмакова Ф.В. [6, лл. 25–25об.], в отчете командира группы по доставке литературы в Бегомльский РК КП(б)Б Шило И.А. [6, л. 40]. О боевых действиях партизан на территории Витебской области можно узнать из докладной записки связного Минского обкома КП(б)Б Оскирко [6, л. 39].

В протоколах заседаний бюро Минского обкома КП(б)Б есть постановление об организации Бегомльского подпольного РК КП(б)Б и активизации партизанского движения в Бегомльском районе [8, лл. 14–15об.]. Сведения об организации Бегомльского подпольного РК КП(б)Б содержатся также в докладной записке секретаря Минского обкома КП(б)Б И.Ф. Климова на имя секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко [2, лл. 2-21об.]. В этой записке подробно описана также деятельность спецгруппы Мальчевского, базировавшейся в дер. Тадулино Лепельского района.

Подробное описание положения в оккупированном Бегомльском районе по состоянию на сентябрь 1942 г. содержится в докладной записке секретаря Бегомльского подпольного РК КП(б)Б Ф.И. Дернушкова [2, лл. 22–29].

В заключение хотелось бы отметить, что перечисленные документы – это далеко не все материалы по истории партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны, которыми располагает Госархив Минской области. Слабо изученным пока остается комплекс оккупационных «трофейных» фондов ГАМО, в которых содержится масса уникальных и важных свидетельств и фактов по истории сопротивления немецким оккупантам в Беларуси. Это донесения волостных и сельских старост, рапорты полицейских, служащих службы порядка о появлении и действиях партизан, о боевых столкновениях немецкой полиции и жандармерии с партизанами. Это также отчеты должностных лиц оккупационной администрации о положении на подчиненных им территориях, о состоянии партизанского движения, настроениях населения, о партизанских диверсиях. Это различного рода пропагандистские воззвания, плакаты, листовки к населению с призывами оказать помощь оккупационным властям в борьбе с партизанами, инструкции и наставления по борьбе с партизанами. Это также списки граждан, подозреваемых оккупационными властями в связи с партизанами, ордеры на их арест, списки граждан, ушедших в партизаны, и др. Интересно, что во многих делах оккупационных фондов есть документы явно партизанского происхождения – различные докладные записки о положении на оккупированных территориях, характеристики на лиц, сотрудничавших с немцами, и др. Очевидно, они были подшиты туда сотрудниками органов внутренних дел БССР после войны – в процессе «оперативной разработки»

оккупационных материалов (хотя не исключено, что они могли попасть в фонды оккупационных учреждений в качестве трофеев).

Определенный интерес представляет для исследователей архивный фонд спецгруппы НКВД «Северная», где содержатся материалы о разведывательной и контрразведывательной работе партизан и органов НКВД.

1. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п. – Оп. 1а. – Д. 210–221.

2. Докладная записка обкома КП(б)Б, адресованная ЦК КП(б)Б, и приложения к ней. Отчет Минской опергруппы за период с 15 сентября по 31 декабря 1942 г. «О состоянии партизанского движения, партийно-комсомольского подполья и партийно-массовой работы в районах Минской области» и др. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п. – Оп. 1а. – Д. 212.

3. Планы работы обкома КП(б)Б и докладные записки партизан и подпольщиков о проведенной работе в тылу врага и др. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п. – Оп. 1а. – Д. 210.

4. Воспоминания бывших участников партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Минской области // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 2270п. – Оп. 1. –Д. 576.

5. Докладные, справки и донесения об организации партизанских отрядов, бригад, дневник боевых действий, списки партизан отрядов, действующих на территории Минской и Полесской областей и др. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п. – Оп. 1а. –Д. 213.

6. Докладные, справки, отчеты и сведения участников партизанского движения о бовевой деятельности и состоянии партизанских отрядов // Государственный архив Минской области (ГАМО). –Фонд 1п. – Оп. 1а. –Д. 214.

7. Ваупшасов, С.А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста / С.А. Ваупшасов. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1988. – 508 с.

8. Протоколы заседаний бюро Минского обкома КП(б)Б // Государственный архив Минской области (ГАМО). –Фонд 1п. –Оп. 1а. –Д. 211.

В.П. МОРОЗ

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРУЖЕЙНЫХ МАСТЕРСКИХ В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Вопрос обеспечения партизанских формирований оружием стоял особенно остро. Главными источниками его поступления были места прошедших боев, военные склады, трофеи. Сбором оружия занимались специально предназначенные для этого группы партизан, подпольщиков и

мирное население [1, с. 352–355]. Например, по приказу Минского обкома КП(б)Б были созданы специальные группы, которые отвечали за приобретение и производство вооружения [2, с. 105].

С постепенным количественным ростом партизанских формирований все более ощущался недостаток оружия, кроме этого возникла необходимость его ремонта. Поэтому с середины 1942 г. в партизанских формированиях начали создавать оружейные мастерские. При некоторых из них работали кузницы, где изготавливались необходимые инструменты и оружейные детали, которые не могли найти [1, с. 356; 8].

Многочисленные материалы – фотографии, рисунки, воспоминания партизанских мастеров дают возможность воссоздать внешний и внутренний облик оружейных мастерских. На их основании можно выделить несколько видов оружейных мастерских: 1) размещенные под навесом (нередко работы проводились под открытым небом); 2) размещенные в специально приспособленных строениях (землянки, готовые построения в населенных пунктах) [3]. Из вышесказанного, очевидно, что первый тип мастерских имел временный сезонный характер, а во втором случае работы могли проходить независимо от погодных условий.

В специально построенной землянке располагалась оружейная мастерская партизанской бригады имени Щорса Минской области. Инициатором ее создания был начальник штаба отряда «Победа» В.А. Седов. В 1920 – 30-е гг. он находился на службе в Красной Армии, где работал в воинских оружейных мастерских. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в оборонительных боях в районе Смоленска, где попал в плен, но сумел сбежать. Весной 1942 г. В.А. Седов попал в группу под командованием М.Л. Дербана. В первом квартале 1943 г. В.А. Седова назначили начальникам штаба партизанского отряда «Победа». При создании оружейной мастерской он столкнулся с несколькими проблемами. Часть партизан считала, что оккупанты в любой момент могут уничтожить мастерскую, а шум выдаст их местонахождение. В.А. Седов, в свою очередь, на подобные сомнения отвечал, что противнику и так известно их местонахождение, а в случае опасности главная задача – спасти оборудование. После получения одобрения со стороны руководства началась подготовка по созданию оружейной мастерской. В.А. Седова назначили ее начальником. Был специально подобран штат. В его состав вошли следующие специалисты: 2 кузнеца, 5 человек, которые знали слесарное дело, 1 столяр – всего 9 чел. (включая начальника мастерской) [8].

В.А. Седов вместе с командиром бригады Н.Л. Дербаном выбрали место для постройки мастерской, после чего началось ее строительство. Помещение было готово через четыре дня. К этому моменту партизаны добыли необходимое оборудование. Помещение мастерской представляло собой землянку площадью 50 м^2. С одной стороны были сделаны три больших окна. Под ними разместили слесарный верстак, к которому прикрепили шесть пар параллельных тисков. Рядом с ними стояли ящики с инструментами. В конце

верстака, рядом с выходом, размещался столяр, который делал ложи для оружия и др. С противоположной стороны землянки за слесарным верстаком находилось рабочее место самого В.А. Седова. Около его рабочего столика и напротив верстака располагались места для отдыха. В центре землянки стояла печь, сделанная из железной бочки. При мастерской была организована и кузница. Все оборудование располагались так, чтобы его, при необходимости, можно было быстро спрятать в специально подготовленном месте. Наиболее ценные инструменты забирали с собой. Оккупанты несколько раз уничтожали землянку, в которой располагалась мастерская. Но инструменты так и не нашли. Всего в этой партизанской оружейной было отремонтировано и сделано 23 ручных пулемета Дегтярева, 2 станковых пулемета «Максим», 2 миномета, 1 пушка 45-мм, 13 пистолетов-пулеметов, в том числе 2 немецких, более 1000 винтовок и карабинов, 18 пистолетов-пулеметов конструкции В.А. Седова, а также инструменты, необходимые для работы с оружием. Кроме этого, работники мастерской занимались хозяйственной работой: подковывали лошадей, ремонтировали телеги и т. д. [8].

По-другому было налажено производство и ремонт оружия в партизанском отряде им. газеты «Правда» бригады им. газеты «Правда», действовавшей в Минской области. Описание организованной здесь мастерской дал А. Гарбацевич в статье «Так куется наше оружие» в рукописном журнале «Мститель», №4, за август 1943 г. – печатном органе этого партизанского формирования. Здесь оружейным мастером работал М. Корзун. Оружейники этой мастерской работали фактически под открытым небом. Между двумя палатками под елями размещалась телега, на ней во всю длину был устроен ящик. Под небольшим навесом около нее на полке крепились кузнечные тиски, вокруг которых лежали различные инструменты: плоскогубцы, напильники, молотки и др. Рядом, в качестве сиденья, стоял еловый пень. Партизаны собирали и приносили в лагерь обгоревшее, ржавое, не годное к употреблению оружие, отдельные части винтовок, пулеметов. Все это подвергалось тщательному осмотру и детальной обработке. Вышедшие из строя части заменялись другими. М. Корзун к августу 1943 г. отремонтировал и сдал боевым взводам на вооружение 24 пулемета, из них один станковый, 168 винтовок и СВТ, 8 наганов, 4 пистолета, 2 автомата и три ротных миномета. В этой мастерской производился ремонт и тяжелого вооружения. Благодаря работе мастеров в отряде создали артиллерийский взвод, на вооружении которого состояли 2 пушки [4].

В лесу около деревни Соколы Червенского района располагалась оружейная мастерская партизанского отряда «Разгром» одноименной бригады, действовавшей в Минской области. Начальником ее был П.В. Чигринов, который до войны работал главным механиком на одном из предприятий Минска. Первоначально эта партизанская мастерская размещалась под навесом из древесной коры. Позже для нее была построена довольно просторная землянка [2, с. 106].

Партизаны организовывали оружейные мастерские и в населенных пунктах, которые находились под их контролем. Здесь под эти нужды *использовались* помещения бывших кузниц, предприятий и др. Например, в Рудобелке Октябрьского района Полесской области такая мастерская была открыта в помещении спиртзавода. Одним из ее работников был бывший слесарь этого предприятия Е.К. Лесун, который изготовил 14 автоматов. Подобные мастерские работали в Пудоти Суражского района, других населенных пунктах Ушачской зоны [1, с. 502].

В одном из населенных пунктов Минской области была организована оружейная мастерская партизанской бригады имени Ворошилова Минской области. Первоначально в бригаде ремонт оружия проводился по мере надобности. В таких работах принимали участие Н.К. Биончик – до войны токарь на МТС, инженер Н.М. Герщук и иногда сельские кузнецы. Позже было решено организовать ремонт и производство оружия в бригаде. После приказа о создании оружейной мастерской приступили к сбору необходимых инструментов. Партизаны собрали: тиски, напильники, дрели, сверла и др. Из родной деревни Н.К. Биончика доставили токарный станок, на котором обрабатывали металл и дерево. Мастерскую оборудовали в колхозной кузнице в вышеупомянутой деревне. Для транспортировки оборудования использовались специальные телеги. В случае тревоги все погружалось на подводы в течение 5 – 10 минут, и партизаны могли возобновить работу в любых условиях. Для мастерской был подобран специальный штат. В его состав вошли: 1. Н.К. Биончик – начальник оружейной мастерской, одновременно начальник боепитания; 2. Н.М. Гершун – мастер; 3. Ф.П. Биончик; 4. И.И. Абрамчик; 5. К.Л. Абрамчик; 6. в качестве рабочего некий старик (Н.К. Биончик не назвал его имя в своих воспоминаниях) [5].

В конце 1943 г. была организована оружейная мастерская во 2-й Белорусской партизанской бригаде имени Пономаренко, действовавшей в Витебской области (второй состав). В ней работало 5 чел. Среди них был В.Т. Борозда, который до войны занимался слесарными и кузнечными работами. После начала войны он занимался перештамповкой патронов, затем был схвачен гестапо, но отпущен. С семьей ушел в лес к партизанам, где стал заниматься ремонтом и производством оружия [7].

Ремонтом и изготовлением оружия для партизан бригад 2-й Минской, 3-й Минской, им. Чапаева, «Буревестник» и отряда «Мститель» занимались Александр и Константин Важники – отец и сын. Они производили самый различный ремонт оружия: изготавливали ложи к винтовкам и карабинам, накладки к ним, ремонтировали стволы, затворы, пулеметы и многое другое. Изготавливали седла для верховой езды, ремонтировали пушки. За время работы ими было изготовлено около 100 лож и накладок к винтовкам и карабинам, отремонтировано около 50 стволов винтовок и карабинов, 25 затворов к ним; изготовлено около 40 лож к самозарядным винтовкам и отремонтировано 30 стволов и затворов к ним; изготовлено 25 лож к автоматам

и отремонтировано 15 автоматов. Шесть штук изготовили сами, используя винтовочные стволы. А также изготовили 6 лож к пулеметам и 8 пулеметов отремонтировали; изготовили 2 колодки к парабеллумам; 10 гранатометов и около 100 гранат к ним, 20 седел. Отремонтировали 2 пушки – 45 мм и 37 мм – замок и лафеты [6].

Таким образом, можно говорить, что в партизанских формированиях был налажен эффективный ремонт оружия. Мастерская могла размещаться в специально построенной землянке, приспособленной для работы, под каким-либо навесом (в некоторых случаях под открытым небом). Оружейные организовывались и в населенных пунктах, которые контролировались партизанами. Здесь под мастерскую использовали различные строения, в которых ранее размещались кузницы, предприятия и др.

Для работы в партизанских оружейных мастерских специально подбирался персонал. Определенного числа работников не было. Обычно мастера имели довоенный опыт работы с сельхозтехникой, вооружением. Нередко тут работали люди, которые были «самородками».

В партизанских оружейных мастерских проводился самый широкий круг работ, начиная от создания необходимых инструментов, ремонта и изобретения новых систем оружия и заканчивая хозяйственными работами. При нападении врага в первую очередь спасали оснащение и инструменты. Это давало возможность быстро возобновить работу. Усилия же оккупантов ликвидировать производство и ремонт оружия в партизанских формированиях были малоэффективными. Работа мастерских останавливалась только на некоторое время, пока не было подготовлено новое место.

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т. / Гл. редкол.: А.Т. Кузьмин и др. Т. 1. – Минск: Беларусь, 1983. – 591 с.

2. Залесский, А.И. Героический подвиг миллионов в тылу врага. (Помощь населения партизанских зон народным мстителям). – Минск «Беларусь», 1970. – С. 184.

3. Матэрыялы фотакартатэкі аддзела гісторыі партызанскага руху БГМИВОВ.

4. Фонды БГМИВОВ КП 13253.

5. Фонды БГМИВОВ н/в 14377.

6. Фонды БГМИВОВ КП 46998.

7. Фонды БГМИВОВ КП 54290.

8. Фонды БГМИВОВ н/в 5587.

І.У. НІКАЛАЕВА

ЖАНЧЫНЫ Ў ПАДПОЛЬНЫМ РУХУ НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1941–1944)

Нягледзячы на складаныя абставіны пачатковага перыяду вайны і прапагандысцкую апрацоўку насельніцтва захопленых рэгіёнаў, з першых месяцаў акупацыі германскія ўлады сутыкнуліся з упартым супраціўленнем жыхароў Беларусі. У ліку адважных, якія ўступілі ў процiборства з нацысцкімі акупантамі, на абарону Айчыны шырока выступіла жаночае насельніцтва. Камуністкі, беспартыйныя патрыёткі, камсамолкі, моладзь, прадстаўніцы ўсіх сацыяльных слаёў з першых дзён вайны бралі на сябе ініцыятыву па арганізацыі антынацысцкага супраціўлення, станавіліся актыўнымі ўдзельніцамі паўстанцкай барацьбы супраць гітлераўцаў, важнейшымі і найбольш дзейснымі формамі якой з'явіліся партызанскі рух і падпольная барацьба.

З дакументальных крыніц вядома, што ў складанай сітуацыі пачатковага перыяду вайны ў рабоце кіраўніцтва СССР былі дапушчаны значныя памылкі і пралікі. Упершыню праграма барацьбы з ворагам была сфармулявана толькі на сёмы дзень фашысцкай агрэсіі ў дырэктыве СНК СССР і ЦК ВКП(б) партыйным і савецкім арганізацыям прыфрантавых абласцей ад 29 чэрвеня 1941 г., у якой разам з іншымі пытаннямі ўтрымліваліся ўказанні аб разгортванні падполля і партызанскага руху. Асноўныя палажэнні гэтага дакумента былі агучаны І.В. Сталіным у выступленні па радыё 3 ліпеня 1941 г. Аднак трэба адзначыць, што ў згаданых дырэктыве і выступленні нічога не гаварылася пра кіраўніцтва і матэрыяльнае забеспячэнне партызан. Не было дакладнасці наконт структуры і складу падпольных ячэек. Незразумелым заставаўся і сам механізм, з дапамогай якога гэтыя ячэйкі павінны былі ажыццяўляць кіраўніцтва ўсімі дзеяннямі супраць гітлераўцаў на акупаванай тэрыторыі [1, с. 26–27]. Галоўныя напрамкі дзейнасці партыйных і камсамольскіх арганізацый у захопленых ворагам раёнах і ў раёнах, якія знаходзіліся пад пагрозай акупацыі, былі вызначаны ў дырэктыве Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б ад 30 чэрвеня 1941 і пастанове ЦК ЛКСМБ ад 9 ліпеня 1941 г. [2, Т. 1, 52–53, 63–64]. Толькі пасля гэтага пачалася работа па арганізацыі партызанскай вайны ў тыле ворага. Аднак да гэтага часу вялізарная тэрыторыя краіны была ўжо захоплена германскімі войскамі.

У надзвычай складаных абставінах ужо летам 1941 г. у многіх населеных пунктах акупаванай тэрыторыі Беларусі разгортваўся стыхійны ўздым насельніцтва супраць германскіх акупантаў, узнікалі першыя падпольныя групы і арганізацыі прасавецка-антыфашысцкай накіраванасці. У іх стварэнні разам з іншымі патрыётамі актыўны ўдзел прынялі беларускія жанчыны і дзяўчаты, пра што сведчаць наступныя прыклады.

У згуртаванні патрыятычных сіл Мінска значная заслуга належыць мясцовым прадстаўніцам жаночага насельніцтва, якія выступілі ў якасці

ініцыятараў і арганізатараў нелегальных груп горада. Па няпоўных даных, ужо ў 1941 г. у сталіцы рэспублікі і яе наваколлі дзейнічала больш за 50 падпольных груп [2, Т. 1, с. 121]. Сярод іх – група патрыётаў, арганізаваная летам 1941 г. М.Ф. Малаковіч і М.Б Осіпавай з выкладчыкаў і студэнтаў Беларускага юрыдычнага інстытута. [3, с. 129–130]. У стварэнні нелегальнай групы на вагонарамонтным заводзе імя А.Ф. Мяснікова ў жніўні 1941 г. разам з камуністам К.І. Трусам актыўны ўдзел прыняла В.Ф. Шчарбацэвіч. У верасні 1941 г. свае групы на прамысловых прадпрыемствах горада сфарміравалі і ўзначалілі мінчанкі Н.Г. Коўшык (ТЭЦ-2), М.Х Валатоўская (малочны завод), В.Я. Вяржбіцкая (хіміка-фармацэўтычны завод), М.Р. Іваноўская і Л.Дз. Казючыц (дрожджава-патачны завод "Чырвоная зара") [4, с. 207, 209]. Арганізатарам групы, якая дзейнічала ў раёне ваеннага гарадка Сцяпянка з пачатку восені 1941 г., стала Я.М. Савіцкая. [4, с. 208; 5, с. 168]. Прыкладна ў гэты ж час М.Ф. Малаковіч, якая прыбыла па заданні Мінскага партыйнага падполля на ст. Калодзішчы, аб'яднала і ўзначаліла створаныя тут мясцовымі патрыётамі нелегальныя групы [2, Т. 1, с. 122; 3, с. 129–130].

Пры актыўным садзейнічанні і дапамозе жанчын і дзяўчат ішло стварэнне патрыятычнага падполля ў іншых гарадах і населеных пунктах рэспублікі. Нагляднай ілюстрацыяй гэтага з'яўляецца дзейнасць віцебскіх патрыётак. У ліпені – верасні 1941 г. у Віцебску і прыгарадзе распачалі сваю дзейнасць групы пад кіраўніцтвам урача К.С. Акаловіч, работніцы панчошна-трыкатажнай фабрыкі імя КІМ Е.С. Спірыдонавай, настаўніцы В.Дз. Шалухі, В.С. Кулагінай [6, с. 478–479,488–489, 497–498]. З 20 падпольных груп, якія былі створаны ў горадзе да канца 1941 г. [7, с. 53], палова была сфарміравана жанчынамі. Апрача пералічаных, у 1941 г. пачалі дзейнічаць падпольныя групы Л.Дз. Бярозкінай, Г.К. Грабяньковай, Д.І. Земляковай, А.А. Сакаловай, А.В. Міхайлоўскай (потым Р.М. Гіро) [6, с. 481–482, 484–485, 491–492, 495]. Больш за два дзесятка нелегальных груп аформіліся ў 1941 г. у Оршы і раёне [2, Т. 1, с. 124], у тым ліку пад кіраўніцтвам патрыётак Е.У. Грачыхі, Е.М. Шамшуравай, З.М. Шэвень, А.Г. Карабкінай, Л.І. Мурамцавай, Ніны Бабуры [8, с. 28, 43,48, 57; 3, с. 200].

Прыкладна такая ж колькасць груп была створана ў Гомелі за няпоўныя два месяцы з дня яго акупацыі [2, Т. 1, с. 125]. Значную іх частку ўзначалілі жанчыны горада. Так, у жніўні – кастрычніку 1941 г. былі арганізаваны групы ўрачоў С.С. Бекарэвіч, М.Я. Доўгай, медсясцёр В.А. Емельянавай, Н.У Чугаеўскай, вучаніцы Л.В. Семяноўскай, студэнтак В.Л. Радзьковай, Г.Л. Кірыкавай, машыністкі Д.Я. Навумавай [9, с. 575, 588, 591–593, 595]. Да канца 1941 г. узніклі таксама нелегальныя групы Е.А. Кавалёвай, З.А. Грабянчук. У Жлобіне аднымі з першых свае групы стварылі А.П. Цямінская і Г.В. Канапляннікава, у в. Шчадрын – Л.М. Жураўлёва [10, с. 208; 11, с. 166].

Раней за іншыя разгарнулі падпольную дзейнасць на чыгуначным вузле ў Магілёве групы пад кіраўніцтвам беспартыйных патрыётак М.В. Жывапісцавай і Г.С. Трактатавай [2, Т. 1, с. 126; 3, с. 249].

Сярод тых, хто першым уключыўся ў актыўную барацьбу супраць акупантаў у заходняй Беларусі, былі т.зв. "усходніцы", якія знаходзіліся напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны на адказнай кіруючай рабоце ў дзяржаўных органах, грамадскіх арганізацыях, разнастайных галінах народнай гаспадаркі. Так, у Брэсце ў ліпені 1941 г. група патрыятычна настроеных жанчын-"усходніц" аб'ядналася вакол былога інструктара Брэсцкага гаркама КП(б)Б Р.С. Радкевіч [12, с. 73–74]. З першых дзён фашысцкай акупацыі стала стварацца патрыятычнае падполле ў Пінску і яго прыгарадах. Па-баявому згуртаванай і дзейнай зарэкамендавала сябе група, створаная на мармеладнай фабрыцы ў верасні 1941 г. на чале з І.А. Галамазавай [2, Т. 1, с. 130; 13, с. 495].

Нелегальныя групы, у склад якіх уваходзілі жанчыны і дзяўчаты, арганізоўваліся ў многіх населеных пунктах Баранавіцкай, Гродзенскай, Вілейскай абласцей. Важнейшай асаблівасцю развіцця антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі з'яўлялася стварэнне і дзейнасць антыфашысцкага падполля. Яно было арганізавана і абапіралася ў асноўным на дзеячоў і прыхільнікаў камуністычнага руху, у тым ліку жанчын-партыйцаў. Восенню 1941 г. сваю дзейнасць пачаў Брэсцкі антыфашысцкі камітэт, яго старшынёй была зацверджана былая загадчыца аддзела кадраў абкама партыі З.І. Южная, намеснікам – А.М. Бабушкіна, былы тэхнічны сакратар Брэсцкага гаркама партыі [12, с. 76].

Падводзячы вынікі вышэйсказанаму, можна з упэўненасцю канстатаваць, што жанчыны Беларусі адыгралі значную ролю ў арганізацыі патрыятычнай дзейнасці летам і восенню 1941 г. у сталіцы Беларусі Мінску, ва ўсіх абласных цэнтрах, многіх гарадах і населеных пунктах як усходняй, так і заходняй частак рэспублікі.

На жаль, крыніцы не ўтрымліваюць абагульненых даных пра жаночы склад падпольных груп і арганізацый, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Асабістыя падлікі аўтара, якія датычацца шэрагу падпольных груп і арганізацый, сведчаць, што жанчыны былі актыўнымі ўдзельніцамі антыфашысцкага супраціўлення на часова акупаванай тэрыторыі рэспублікі, займалі па колькасці ў складзе падпольных арганізацый значнае месца. Так, сярод 73 патрыётаў, якіх аб'ядноўвала Круглянская падпольная партыйна-камсамольская «Арганізацыя барацьбітоў за вызваленне Радзімы» («АБЗВР») (07.1941–12.1943 гг.), налічвалася 32 жанчыны [14, арк. 16–23, падлічана аўтарам]. У складзе падпольных груп г. Дзяржынска і Дзяржынскага раёна, якія былі створаны мясцовымі патрыётамі ў арцелі жалезных вырабаў "Чырвоны штампоўшчык", пры гарадской управе, у вёсках Вялікія Навасёлкі, Кукшавічы і Станькава, Баравое і Касілавічы (08.1941–10.1942 гг.), са 101 члена 33 – жанчыны і дзяўчаты [15, арк. 1–9, падлічана аўтарам].

Даныя, якія ўрымліваюцца ў архіўных і апублікаваных матэрыялах, сведчаць, што жанчыны прысутнічалі практычна паўсюдна ў падпольных арганізацыях і ў колькасных адносінах былі прадстаўлены ў іх важка. Так, сярод падпольшчыкаў Мінска, якія дзейнічалі у 1943 г. у складзе 100 нелегальных

арганізацый і груп, на долю жанчын прыходзілася 48 % [2, Т. 2, с. 342]. У Віцебску, дзе на перыяд акупацыі дзейнічала да 66 падпольных груп і арганізацый, якія аб'ядноўвалі 1500 чал., жанчыны складалі 42 % ад усіх падпольшчыкаў [6, с. 464]. У складзе 90 падпольных груп і арганізацый горада Гомеля якія налічвалі больш за 500 патрыётаў, змагалася 186 жанчын (кожны трэці падпольшчык), ці адпаведна 35,4 % ад спісачнага складу ўдзельнікаў [9, с. 586–601, падлічана аўтарам].

Адсутнасць якіх-небудзь статыстычных распрацовак антыфашысцкага падполля на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі не дазваляе вызначыць дакладную колькасць жанчын, якія ўдзельнічалі ў падпольным руху, што пэўным чынам звязана са становішчам і ўзроўнем распрацаванасці гэтай гістарычнай з'явы і тлумачыцца правіламі канспірацыі, якія забаранялі вядзенне справаводства і складанне якіх-небудзь спісаў. Даныя крыніц і ўспаміны ўдзельнікаў ваеннай эпапеі даюць магчымасць назваць толькі агульную лічбу падпольшчыц, якая прыводзіцца ў гістарычнай літаратуры, – каля 25 тыс. чал. [16, с. 217].

Маецца магчымасць прааналізаваць таксама склад некаторых падпольных груп і арганізацый у нацыянальных, партыйных і ўзроставых адносінах. Па нашых падліках, сярод падпольшчыц Дзяржынскай партыйна-камсамольскай арганізацыі больш за 80 % складалі беларускі, на долю рускіх прыходзілася 12 %, сярод жанчын і дзяўчат іншых нацыянальнасцяў былі яўрэйкі (3 %) і ўкраінкі (3 %). У залежнасці ад партыйнай прыналежнасці ўдзельніцы падполля размеркаваліся наступным чынам: беспартыйныя – 54,5 %, камсамолкі – 33,3 %, члены ВКП(б) – 12,1 %. Характэрны ўзроставы склад удзельніц падполля. На момант уступлення ў падпольную арганізацыю 60 % жанчын мелі ад 20 да 30 год [15, арк. 1– 9, падлічана аўтарам]. Дэмаграфічныя даныя, якія адклаліся ў архіве на 15 жанчын-удзельніц Круглянскай арганізацыі, сведчаць пра тое, што большасць з іх (80 %) з'яўляліся беларускамі, былі беспартыйнымі (53,3 % ад спісачнага складу), 40 % падпольшчыц знаходзіліся ў радах ВЛКСМ [14, арк. 16-20, падлічана аўтарам].

Такім чынам, нават фрагментарныя звесткі, якія тлумачацца вельмі слаба забяспечанай для даследчыка дакументальна-аналітычнай базай, паказваюць на тое, што ў падпольнай барацьбе ў гарадах і сёлах Беларусі, якія кантраляваліся ворагам, прымалі ўдзел прадстаўніцы самых розных слаёў жаночага насельніцтва. Сярод патрыётак, якія аб'ядноўваліся ў падпольныя групы і арганізацыі, былі мясцовыя жыхаркі, члены партыі і камсамолкі, беспартыйныя патрыёткі, прадстаўніцы ўсіх сфер чалавечай дзейнасці.

1. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Военно-исторический очерк / Под общей ред. В.А. Золотарева. – М., 2001.

2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Гл. редкол. А.Т. Кузьмин (пред.) и др. – Минск, 1983–1985. – Т. 1: 1941–1942. – 1983. – 591 с.; Т. 2: 1943. – 1984.

3. Подвиги их бессмертны: Сб. ст. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Под ред. С.З. Почанина. – Минск, 1978.

4. Мінскае антыфашысцкае падполле / Аўт.-укл. Я.І. Бараноўскі, Г.Дз. Кнацько, Т.М. Антановіч і інш. – Мінск, 1995.

5. Партийное подполье в Белоруссии, 1941–1944: Мин. обл. и Минск: Страницы воспоминаний / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; АН БССР. Ин-т истории; Редкол.: В.Е. Лобанок (гл. ред.) и др. – Минск, 1984.

6. Памяць: Віцебск: Гіст.-дакум. хроніка горада Віцебска: У 2 кн. / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 2002. – Кн. 1.

7. Пахомов, Н.И., Дорофеенко, Н.И., Дорофеенко, Н.В. Витебское подполье / Н.И. Пахомов, Н.И. Дорофеенко, Н.В. Дорофеенко – Минск, 1974.

8. Богомазов, В.С. Орша в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Крат. докум.-ист. очерк / В.С. Богомазов – Орша, 1994.

9. Памяць: Гомель: Гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Уклад. П.П. *Рабянок: У 2 кн. – Мінск, 1998.*– Кн. 1.

10. Кузняеў, А.А., Шумейка, М.Ф. Жлобінскае партыйна-камсамольскае падполле / А.А. Кузняеў, М.Ф. Шумейка // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 1990. – С. 208–209.

11. Памяць: Жлобін. Жлобінскі раён: Гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 2000.

12. Памяць: Брэст.: Гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі: У 2 кн. / Уклад. А.П. Кондак. – Мінск, 2001. – Кн. 2.

13. Трацякова, Г.І. Пінскае партыйна–камсамольскае падполле / Г.І. Трацякова // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 1990.– С. 495–496.

14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Фонд 1394.–Воп. 1.–Спр. 27.

15. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь Фонд. 1393.–Воп. 1.–Спр. 31.

16. Черноглазова, Р. Женщины Белоруссии в Великой Отечественной войне / Р. Черноглазова // В борьбе и труде. Сб. / Под ред. Т.Т. Дмитриевой и В.И. Белявцева. – Минск, 1977. – С. 217–243.

К.И. КАЦУРО

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БЕЛАРУСИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Несмотря на то, что во всех, кажется, формах и ракурсах освещена военная тема, все же мы считаем, что участию работников ОВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором уделено явно недостаточно внимания. Вместе с тем, представители этого вооруженного отряда органов государственной власти вместе со всем советским народом самоотверженно сражались с вероломным агрессором.

Участие сотрудников ОВД во всенародной вооруженной борьбе носило разнообразный характер и определялось сложившейся обстановкой. Это были организованно-управляемые силы, которые государство направляло на решение различных задач военного времени [1, с. 80].

В Беларуси, на территории которой с первых дней войны развертывался основной театр боевых действий, перед работниками НКВД встали и дополнительные, особые обязанности. Последние выражались: в необходимости борьбы с военным и трудовым дезертирством, мародерством, паникерами и распространителями провокационных слухов; в очистке городов и оборонно-хозяйственных объектов от преступных элементов; в обеспечении организованной эвакуации населения и промышленных предприятий; в обеспечении продвижения на фронт транспортов с живой силой и техникой; в организации охраны заводов, электростанций, мостов; в оказании всемерной помощи транспортным органам НКВД в выявлении на магистралях вражеских агентов; в борьбе на железнодорожном и водном транспорте, его разгрузке от пассажиров, передвижение которых не вызывалось необходимостью.

Основными формами деятельности ОВД по обеспечению общественного порядка были несение патрульной службы, проведение операций по выявлению и изъятию уголовно-преступного элемента, выставление на подступах к населенным пунктам дозоров, а в крупных городах–заставах для контроля выезда граждан, наблюдение за строгим соблюдением паспортного режима, правил светомаскировки и т.д.

Важным условием отпора врагу, наряду с усилением действующей армии, явилось создание крепкого, организованного тыла. Для борьбы с противником в советском тылу были созданы специальные подразделения – истребительные батальоны. Важным мероприятием в создании истребительных батальонов явилось постановление СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Руководство боевой и оперативно-служебной деятельностью истребительных батальонов было возложено на НКВД [2, с. 103].

Организаторами комплектования истребительных батальонов на территории Беларуси являлись партийные органы. Руководство деятельностью

указанных формирований было возложено на заместителя НКВД БССР полковника А.М Мисюрова. На 15 июля 1941 г. в республике уже было организовано 78 истребительных батальонов, в рядах которых насчитывалось свыше 13 тыс. чел.

Командный состав батальонов назначался из числа руководящих партийных работников, начальствующего состава ОВД, офицеров-пограничников и внутренних войск НКВД. Комиссарами являлись, как правило, секретари районных комитетов партии, начальниками штабов – офицеры запаса, имевшие опыт штабной работы. Личный состав батальонов состоял, главным образом, из партийного, советского, комсомольского актива, добровольцев, физически крепких, и подготовленных в военном отношении, не подлежащих призыву в действующую армию. В эти формирования вливалась значительная часть личного состава РО НКВД.

Бойцы добровольческих формирований поддерживали тесную связь с населением в период боевых операций по ликвидации вражеских лазутчиков, опирались на его помощь. В населенных пунктах через группы содействия командование батальонов своевременно узнавало о появлении парашютистов, диверсантов и принимало меры по их ликвидации. Заметив, например, вражеский самолет, который ночью кружил над д. Болотово, местные жители сообщили об этом в штаб батальона Центрального района Гомеля. Командование сразу же направило в указанный квадрат роту для прочесывания местности. Было задержано 8 парашютистов, которые на допросе сознались, что им было дано задание указывать фашистским самолетам цели для бомбометания и сеять панику среди населения.

Нередки были случаи, когда фашистские шпионы и диверсанты переодевались в гражданскую одежду, появлялись в форме командиров или бойцов Красной Армии, работников НКВД, милиции, выдавали себя за беженцев. Основная тяжесть работы по разоблачению лазутчиков врага ложилась на плечи сотрудников ОВД, так как многие из них до войны работали в паспортных отделах и могли без труда установить фальшь в документах, предъявляемых задержанными. Кроме того, сотрудники ОВД владели методами оперативной работы, что способствовало разоблачению ухищрений врага.

Быстрое продвижение противника вглубь страны и захват им значительной части Советского Союза со всей остротой поставили вопрос об организации партизанского движения и подпольной борьбы на оккупированной территории. Призыв развернуть всенародную войну в тылу оккупантов нашел широкий отклик среди работников ОВД Беларуси. Оказавшись на оккупированной территории, они сплачивались в боевые отряды и группы, множили ряды активных борцов. На территории республики стали повсеместно возникать партизанские отряды и вооруженные группы. Уже в конце 1941 г. в Беларуси действовало более 230 партизанских отрядов, в которых насчитывалось свыше 12 тыс. чел. В их рядах было немало и сотрудников ОВД [3, с. 99].

Зарождение и развитие партизанского движения проходило разными путями. Многие отряды и группы создавались заблаговременно, еще до отхода частей Красной Армии. В их ряды вливались и сотрудники ОВД. Например, Петриковский партизанский отряд в количестве 45 чел. возглавил оперуполномоченный РО НКВД В.И. Гордиенко. К сентябрю 1941 г. в нем насчитывалось уже 140 партизан.

На путь партизанской борьбы также становились работники ОВД, оставшиеся по различным причинам в тылу врага. Они создавали или самостоятельные партизанские формирования, или вливались в действующие отряды и группы. Как отмечалось, среди защитников Могилева было немало работников ОВД, которые оказались в кольце вражеских войск. Часть из них осталась в тылу противника для организации партизанской борьбы. Так, работники НКВД П.В. Чернецов и С.Т. Гавриленко выбрались из окружения и дошли до д. Ганьково, расположенной в Хотимлянском лесу. Ознакомившись с обстановкой, собрав оружие, они создали партизанскую группу из 8 человек, командиром которой был избран П.В. Чернецов. Позже они влились в 8-й отряд имени Н.Н. Селиваненко и стали партизанами бригады имени А.Ф. Данукалова. Сначала П.В. Чернецов был начальником штаба 1-го отряда, затем крупного отряда им. Н.Н. Селиваненко, а с апреля 1944 г. – командовал 3-м батальоном.

В связи с ростом партизанского движения, для улучшения руководства и оказания помощи партизанским бригадам и отрядам, постановлением ГКО в сентябре 1942 г. был создан Белорусский штаб партизанского движения. Для работы в нем на руководящих должностях были подобраны 18 сотрудников ОВД. Их представительство в штабе партизанского движения вызывалось необходимостью концентрации опыта партийных и специальных органов в вопросах организации партизанского движения, подпольной борьбы, связи и т. д., а также опыта борьбы с проникновением в партизанские отряды и подпольные организации агентов врага.

Работникам ОВД принадлежит важная роль в организации разведки и контрразведки в тылу немецко-фашистских войск. По состоянию на 1 июля 1943 г., 14 работников НКВД являлись заместителями командиров партизанских бригад по разведке, 15 – заместителями командиров партизанских отрядов, командирами взводов и уполномоченными особых отделов. Возглавив партизанскую разведку и контрразведку на разных уровнях, обезвреживая шпионов и террористов, сотрудники НКВД оказали большую помощь партизанским формированиям в срыве замыслов нацистов по подрыву изнутри партизанского движения. Благодаря привлечению сотрудников ОВД удалось так организовать партизанскую разведку, что она стала способной очень быстро выявлять и сообщать на места сосредоточения войск противника, его механизированных и танковых соединений, их численность и вооружение, расположение воинских штабов, складов с боеприпасами, горючим, продовольствием.

Работники ОВД республики принимали самое непосредственное участие и в организации подполья. Об этом свидетельствует хотя бы то, что их было немало среди руководителей подпольных организаций, а именно: 8 человек являлись членами подпольных областных комитетов, 23 – районных комитетов, 3 – городских комитетов, 7 – секретарями РК КП(б)Б, в состав партийных троек входило 18 сотрудников НКВД [4, с. 32].

По данным Белорусского штаба партизанского движения, в составе отрядов, бригад и соединений народных мстителей на территории республики сражалось с врагом 1858 сотрудников НКВД, НКГБ и милиции. Из них 22 чел. являлись командирами партизанских бригад и отрядов, 17 – комиссарами, 8 –начальниками штабов [3, с. 120]. Привлечение сотрудников ОВД к партизанскому движению диктовалось в первую очередь потребностями борьбы. На них возлагалась особая роль в организации партизанского движения, поскольку у большинства советских людей, вставших на борьбу с врагом, не было необходимого опыта. Наибольшую помощь патриотам в преодолении трудностей могли оказать те кадры, которые были способны успешно решать сложные задачи в условиях фашистской оккупации, гибко противодействовать контрразведывательным и карательным мероприятиям врага, владеть приемами конспирации, и скрытого сопротивления. Такими качествами в значительной степени обладали сотрудники ОВД. Именно они вместе с партийным и советским активом явились прочной основой партизанских формирований и в ходе смертельной борьбы сыграли значительную роль в мобилизации народа на борьбу с врагом.

За стойкость и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, звания Героя Советского Союза были удостоены следующие сотрудники ОВД: В.И. Дроздович – милиционер Клецкого РО НКВД; С.А. Пономарев – сотрудник Жлобинского РО НКВД; С.Е. Степук – работник органов НКВД в Минске; С.И. Сикорский – бывший министр МВД БССР (1958-1960 гг.); М.М. Гармоза – прославившийся в боях на финском фронте, родом из Дзержинского района; П.В. Нестерович – участник битвы на Курской дуге, уроженец Гомельской области.

1 Вишневский, А.Ф. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.): учебник / А.Ф. Вишневский, Н.И. Ильинский, И.А. Сороковик; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Академия милиции. – Минск, 1995. – 208 с.

2 Внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь. История и современность / А.М. Литвин, А.В. Поднесенский, А.В. Шарков и др.; под общ. ред. В.Г.Рожнева. – Минск.: ФУ Аинформ, 2006. – 304 с.

3 Шарков, А.В. Деятельность органов внутренних дел Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А.В. Шарков. – Минск., 1987. – 210 с.

4 Шарков, А.В. Деятельность органов внутренних дел Белорусской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: учебное пособие / А.В. Шарков, В.П. Павлов. – Минск: Беларусь, 1989. – 58 с.

РАЗДЕЛ 4. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ

Т.Н. ВАЩАЕВА

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ - ИНТЕГРАТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

«Гражданственность – интегративное качество личности, основными элементами которой является нравственная, правовая и политическая культура. Патриотизм – чувство любви к своему отечеству и готовность защищать его интересы» [1].

Университет представляет собой комплекс управляемых видов деятельности всех участников учебно-воспитательного процесса, в котором главное внимание уделяется студенту как объекту и субъекту воспитания. Вся воспитательная политика в вузе формируется для создания максимально благоприятных условий в учебной, бытовой и досуговой сфере деятельности студентов.

Современный этап социального развития характеризуется ценностно-смысловыми изменениями во взаимодействии поколений и сущности процесса воспитания. М. Мид, исследовавшая культурно обусловленные методы воспитания, их влияние на индивидуальное развитие растущей личности, социальные источники конфликтов между поколениями, выявила три типа культуры: постфигуративный, кофигуративный, префигуративный, которые определяют доминирующие формы передачи культуры и взаимосвязи поколений [2].

В современных социокультурных условиях обострение различий опыта поколений создает новую культурную форму – префегурацию, где взрослые и молодежь осваивают опыт сверстников. Определяется новая сущность воспитания в современном обществе: от однонаправленной передачи социокультурного опыта, обеспечивающей преимущественно «автоматическое» овладение культурными образцами, к новым возможностям освоения опыта и культуры по средствам инновационных технологий познания и преобразования окружающего мира [3].

В человеке, востребованном обществом, осуществляющем перемены в многообразном и многоуровневом социуме, должны отражаться современная культура, мораль, образование, политика, экономика, право и пр. Он должен нести ответственность за судьбу своего поколения. Мерой, уровнем, показателем социального самовыражения человека, его проникновения в сущность бытия, природы, общества, самой личности является гражданская культура. В этой связи модель идеологической и воспитательной работы в БГАТУ ориентирована на социально значимые нормы и ценности: справедливость, толерантность, ответственность, коллективизм, выражением которых является национальная идеология как основа, цель и содержание воспитательной деятельности. Особая роль отведена в ней становлению активной гражданской позиции личности,

формированию культуры студентов, поликультурному образованию. Для этого в учебно-воспитательном процессе вуза используются дисциплины гуманитарного цикла, с целью развития у студентов национального самосознания, понимания сути гражданственности, отношение к политике, обществу, труду, людям. Студенты участвуют в городских и республиканских мероприятиях. Отработана система информирования по основным вопросам политической и социально-экономической жизни страны как профессорско-преподавательского состава, так и студенческой молодежи. Используется потенциал кураторских и воспитательных часов.

Как современная образовательная практика учит растущего человека ориентироваться в мире нравственных и духовных ценностей? Какие идеалы, установки, социально значимые компетенции необходимо формировать у студентов в современных стремительно изменяющихся условиях? Все ли воспитательные ресурсы исчерпаны, чтобы потребности личности гармонично соотносились с общечеловеческими и национальными ценностями, вписывались в историю белорусского государства?

Тема патриотизма пронизывает восприятие молодыми людьми Великой Отечественной войны как исторического факта. Студенческая молодежь прекрасно знает о существовании культурного архетипа «свои» – «чужие» и о том, что война всегда была главным поводом для сплочения «своих». У студентов защита от врагов и самопожертвование оказались самыми популярными интерпретациями идеи патриотизма. Некоторым людям в воспевании патриотизма подспудно чудится восхваление войны, беды, которая уже достаточно осознана как человечеством в целом, так и конкретными личностями. «Патриотизм – любовь к своей стране, однако часто под прикрытием патриотических лозунгов развязываются войны, обостряются межнациональные конфликты».

Одна из функций модернизации высшего образования (согласно классификации Жук О.Л.) компетентностная, реализация которой базируется на универсальности психолого-педагогических знаний и способствует формированию у студентов социально-личностных компетенций, позволяющих решать разнообразные проблемы и задачи. Интерпретация патриотизма в сознании студенческой молодежи сочетает образцы традиционного и гражданского подходов к этому феномену. И важную роль в этой системе выполняет музей истории БГАТУ. Музей является научно-исследовательским и просветительным подразделением, доступным для посещения всеми желающими, в том числе и иностранными гражданами, обучающимися или посещающими университет с различными целями и выполняет роль культурно-просветительного и методического центра. Музей собирает, изучает, экспонирует, популяризует и сохраняет движимое и отдельное недвижимое историко-культурное наследие, содействует повышению образованности студентов и работников, распространению знаний о человеке и его среде, служит духовному развитию личности [4].

Одной из интерактивных форм работы музея является организация встреч студентов с ветеранами Великой Отечественной войны в формате непосредственного общения. Воспоминания о событиях самой тяжелой в истории Советского Союза войны – это рассказ о чрезвычайно сложной военной обстановке, колоссальных жертвах, принесенных народом во имя свободы и независимости, тяжелых лишениях и страданиях, пережитых людьми в дни войны, напряженный труд и подвиг в тылу и на полях сражения, массовый героизм [5]. Вполне естественно, что спустя 65 лет события войны излагаются сжато, однако и сегодня в учебный курс студентов включен такой предмет как «История Великой Отечественной войны». Это наша история, это события, которые призваны сыграть важную роль в гражданско-патриотическом воспитании молодежи.

Во все времена существовала неразрывная связь поколений. Опыт старших, осознанно или неосознанно, оставляет след в душе молодых людей, оказывает на них как направленное, так и ненаправленное воспитательное воздействие. Не всегда молодые люди доверяют той информации, которую получают из СМИ, от родителей и преподавателей. И очень важно, что им предоставляется возможность непосредственно встретиться с очевидцами тех событий, которые произошли 65 лет назад, услышать рассказ из уст тех людей, которые в их возрасте стали непосредственными участниками исторических событий. Самостоятельно сделать выводы и оценить важность полученной информации. Студенты обнаружили высокую личную заинтересованность в ее осмыслении, проявляя искреннюю заботу о судьбе своей Родины.

На протяжении последних пятидесяти пяти лет в университете работали более ста фронтовиков. Некоторые из них, несмотря на свой преклонный возраст, продолжают работать в настоящее время и являются золотым фондом коллектива и ветеранской организации университета. Ректорат, профсоюзный комитет работников и совет ветеранов внимательно относятся к их предложениям и запросам. Они и сегодня остаются примером добросовестного отношения к труду, постоянно участвуют в патриотическом воспитании студентов университета [6].

Таким образом, Великая Отечественная война при всех ее издержках и поливариантности интерпретаций понятий может быть оценена как нравственная победа народа, победа ценностей гуманизма. Опыт и уроки Великой Отечественной войны убедительно свидетельствуют о том, что спустя 65 лет люди чтят героев войны, учат молодежь на их опыте, проявляют должное уважение и почтение к ветеранам.

Милосердие и сострадание.

Песни и былины, сказки и рассказы, повести и романы русских и белорусских писателей учат нас добру, милосердию и состраданию. Народная мудрость гласит: *«Доброе дело два века живет». А* сколько создано пословиц и поговорок! *«Пока живешь, творишь добро, лишь путь добра – спасение души».* Так что же такое милосердие и сострадание?

Почему сегодня человек несет другому человеку иногда больше зла, чем добра? Наверное, потому, что доброта – это такое состояние души, когда человек способен прийти на помощь другим, дать добрый совет, а иногда и просто пожалеть. Добрый человек притягивает к себе как магнит, он отдает частицу своего сердца, частицу своего тепла окружающим людям.

Уже несколько лет в БГАТУ осуществляет свою работу бригада «Милосердие». Первоначально инициативу проявили студенты агроэнергетического факультета, затем подключились студенты факультетов: агромеханического, предпринимательства и управления, «Технический сервис в АПК».

В настоящее время гражданско-патриотическое воспитание в вузе рассматривается как приоритетное в духовном развитии и формировании личности студенческой молодежи. Основными задачами в воспитании патриотизма и гражданственности являются формирование уважения к историческому прошлому, героическим делам наших предков, любви и преданности Родине, участие в созидательной деятельности на благо национальной культуры и имиджа университета.

Для выполнения этих задач управлением воспитательной работы с молодежью совместно с деканатами факультетов, профсоюзными комитетами работников и студентов, ПО ОО «БРСМ» с правами РК, советом ветеранов проводится ряд мероприятий по работе с ветеранами различных категорий, а также эффективная работа по гражданско-патриотическому воспитанию студентов.

Используются традиционные формы и методы деятельности. Силами бригады «Милосердие» организован ряд волонтерских рейдов по оказанию бытовой помощи на дому ветеранам ВОВ, труда, узникам концентрационных лагерей, акций (таких как «Ветеран живет рядом» - доставка с/х продукции на дом), ко Дню пожилых людей ежегодно ветеранам войны и труда оказывается материальная помощь. В рамках празднования 55-летия со дня образования БГАТУ состоялась встреча ветеранов с ректором университета, каждому ветерану вручены памятные ценные подарки.

Студенты совместно с ветеранами ВОВ принимают участие в городских и районных мероприятиях, посвященных знаменательным датам: День пожилых людей, День города Минска, День защитников Отечества и Вооруженных сил Республики Беларусь, День Победы, День памяти жертв ВОВ, День Независимости. В рамках акции «В Новый год с добрым сердцем» (БРСМ), совместно с профсоюзным комитетом работников организовано новогоднее поздравление ветеранов ВОВ и детей работников и студентов. Дед Мороз и Снегурочка не обошли своим вниманием и работников вуза, поздравив структурные подразделения.

Целостное гражданско-патриотическое воспитание личности невозможно без ее приобщения к ценностям национальной культуры, традициям университета и факультетов. Главная цель педагогов – сформировать у

студентов базовые гражданские и национально-патриотические ценности, а результативность воспитания проявится в их поведении и поступках. Экскурсии по памятным и историческим местам Беларуси, посещение музеев, тематические встречи (такие как «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд»), встречи студентов с ветеранами ВОВ, посещение театров, сотрудничество с представителями Белорусской православной церкви и многое другое способствуют формированию гражданско-патриотических качеств личности молодых людей. Информационное сопровождение воспитательного процесса также играет немаловажную роль – издаются информационные буклеты, книги памяти, посвященные Дню Победы и Дню Независимости Республики Беларусь, в газете «Агроинженер» и «БГАТУ сегодня» печатаются воспоминания ветеранов, публикуются стихи и рассказы.

Важным направлением воспитательной работы в университете является распространение научных знаний во внеучебное время, информирование общественности о новых научных тенденциях и технологиях, об актуальных вопросах современной общественно-политической и культурной жизни Беларуси, мирового сообщества в целом и университета. Существенный вклад в эту просветительскую деятельность в вузе и за его пределами вносят члены первичной организации РГОО «Белорусское общество «Знание» БГАТУ.

Члены общества «Знание» БГАТУ активно участвуют в развитии системы информирования населения, направленной на совершенствование гражданско-патриотической, политической, правовой, экономической, управленческой, духовно-нравственной и физической культуры. Первичной организацией общества «Знание» осуществляется лекционная деятельность по пропаганде стратегии устойчивого развития страны, инновационных процессов в экономической, социальной и культурной сферах, новейших достижений в различных областях науки и техники. К данной работе привлекаются наиболее квалифицированные кадры ученых и преподавателей университета, имеющих необходимый опыт. Осуществляется сотрудничество с научно-просветительскими, научными и культурными центрами страны [7].

Главной целью идеологической и воспитательной работы в университете является профессиональная подготовка высококвалифицированных специалистов для агропромышленного комплекса Республики Беларусь с высоким уровнем культурного, нравственного и интеллектуального развития личности, с чувством долга, ответственности и четкой гражданско-патриотической позицией. Чтобы обеспечить конкурентоспособность выпускников, необходимо учить их ориентироваться в различных сферах жизнедеятельности, оценивать и анализировать социальные процессы, явления, прогнозировать свое развитие в будущем, настраивать на развитие потребности постоянно актуализировать свой интеллектуальный и духовный потенциал.

Опыт и уроки Великой Отечественной войны убедительно свидетельствуют о том, что Победа над фашистской Германией явилась всемирно-историческим событием, оказавшим глубочайшее воздействие на ход

мирового развития. Приближение 65-летия Победы всколыхнуло сердца и души всех людей на Беларуси, и мы готовимся по достоинству отметить это историческое событие. В центре внимания – герои и подвиги участников войны и тех, кто сложил головы на полях сражений или ушел из жизни уже в мирные дни, и тех, кто продолжает жить, радуясь жизни и мирному небу. Они – непосредственные участники боевых действий, живые свидетели нашей истории, оттого и тянется к ним наша молодежь, и мы продолжаем говорить об опыте старших, неся ответственность за судьбу своего поколения.

1. Непрерывное воспитание детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь. Концепция. Программа на 2006 – 2010 годы. – Минск: НИО,2007.

2. Мид, М. Культура и лидерство: избр. произведения / М. Мид; пер. с англ. Ю.А. Асоева. – М., 1988. – 429 с.

3. Жук, О.Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход /О.Л. Жук // РИВШ – Минск, 2009. – С. 219.

4. Закон Республики Беларусь от 5 сентября 1996 г. №575-XIII "О музеях и Музейном фонде Республики Беларусь" (По состоянию на 25 мая 2007 года).

5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 / Краткая история / Издание второе, исправленное и дополненное. – Москва, 1970.

6. Стоявшие на смерть во имя жизни /составитель К.Сердюк. – Минск, 2004. – 6 с.

7. Формирование модели идеологической и воспитательной работы; под общ. ред. Н.В. Казаровца. – Мн., 2008.

Н.Д. КИРЕЙ

ВОЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Произведения, относящиеся к военной публицистике, занимают особое место в литературе, посвященной Великой Отечественной войне, поскольку они отличаются объективностью, документальностью (и даже – натурализмом) в сочетании с глубоким психологизмом, эмоциональностью самих авторов – непосредственных свидетелей исторических событий. В этом смысле огромный интерес представляет творчество Василия Гроссмана.

Будучи фронтовым журналистом, В.С. Гроссман регулярно вел фронтовые записи, в которых «запечатлены детали, штрихи, факты народной беды, народного терпения, народного героизма, народного торжества». Остановимся на характеристике некоторых фрагментов «Записных книжек» В. Гроссмана, выделив их наиболее показательные темы.

Значительное место в рассматриваемых текстах отведено показу конкретных боевых действий. Автор при этом не выступает в роли *бесстрастного «констататора» тех или иных событий:* он их непременно

«пропускает через себя», виртуозно пользуясь словом. Так, в предложении «Полк сбил 40 в воздухе, 95 расшиб на земле» [1, с. 312] писатель, употребляя *стилистически сниженное слово расшиб*, выражает собственное (положительно-оценочное) отношение к событию и стремится тем самым морально поддержать участников боевых действий, вселить в них чувство уверенности в победе. Более развернутую форму имеют типичные образцы материалов для «боевых листков», где в лаконичной форме изображается повседневный героизм людей, их самоотверженность и скромность.

«Лейтенант Воробьев принял командование над батальоном. 9 октября обнаружил 14 танков противника, окруживших батальон нашей пехоты. Воробьев принял бой и в течение 30 минут одним своим танком уничтожил 9 танков противника, остальных обратил в бегство… Четвертая батарея вела бой до последнего патрона, до последнего бойца. Весь расчет, сражаясь за Родину, героически погиб... Бойцу Назаренко, вытащившему двух тяжело раненных из огня, а затем убившему 10 немецких солдат – одного ефрейтора и одного офицера, сказали: «Ты герой». Он ответил: «Что это за героизм, вот дойти до Берлина – это героизм» [1, с. 312–313].

От пытливого, внимательного взгляда писателя не ускользает ни одна мало-мальски значимая деталь суровых фронтовых будней, в первую очередь – каждодневное ощущение смертельной опасности и самой смерти в самых невероятных, нередко — в жутких, леденящих душу проявлениях: «Всю ночь лежал мертвый летчик на снежном холме – был сильный мороз, и звезды светили очень ярко. А на рассвете холм стал совершенно розовым, и летчик лежал на розовом холме. Потом подула поземка, и тело стало заносить снегом... Во время боя водителю тяжелого танка оторвало голову. Танк пошел сам, так как мертвый водитель жал ногой на акселератор. Танк пошел лесом, ломая деревья, он дошел до нашего села и остановился. В нем сидел водитель без головы... Самым берегом у воды идут раненые в окровавленных бинтах, над розовой вечерней Волгой стоят голые люди и бьют вшей в белье» [1, с. 313].

Вместе с тем писатель–фронтовик видит и многочисленные жизнеутверждающие примеры удивительного самообладания, оптимизма и находчивости людей: «Пошли в медсанбат навестить Уткина, ему оторвало пальцы осколком мины. Молоденькая рыжая докторша потеряла голос – всю ночь оперировала, лицо у нее белое – вот-вот упадет. Уткина увезли уже на «эмке». Она улыбнулась: «Я его режу, а он стихи мне читал»... Командир полка Крамер Карл Эдуардович. Отчаянно лупит немцев. Толстяк. Обжора. Во время боя заболел. Температура сорок. В бочку налили кипятку, толстяк влез в бочку и выздоровел» [1, с. 313].

Хорошо известно, что в экстремальных ситуациях человек максимально проявляет свою подлинную природу, обнаруживает способность к невероятным, немыслимым в мирной жизни поступкам.

Пример своеобразного «антиповедения», войны не по-европейски, а по-русски, то есть «не по правилам», представлен в следующем почти

анекдотичном описании: «Танкист, здоровый рыжий парень выскочил из танка, когда иссякли снаряды, схватил кирпичи и, матерясь, кинулся на немцев. Немцы побежали» [1, с. 314]. Еще один весьма выразительный, реалистичный пример эффективности органического соединения высокой и сниженной (матерной) лексики в условиях боя: «Оборона дрогнула, бойцы побежали. Батальонный комиссар с двумя револьверами в руках кричал: «Куда, куда, вперед, за Родину... Вашу в Христа бога мать!.. За Сталина б..!» Бойцы повернули и вновь заняли оборону» [1, с. 314].

И еще одна правда о войне – обращение фронтовиков к Богу, надежда на Его прощение и заступничество. И неважно при этом – атеист ты или верующий, ведь эти противоречия в значительной степени сняты войной: «Коммунист Евсеев потерял блокнот. Красноармейцы этот блокнот нашли. В нем хранилась переписанная молитва»[1, с. 314].

Очень сильное впечатление оставляют описания реальных событий, построенные на противопоставлениях «война и мир», «жизнь и смерть», «черный дым и золотистые пионы»: «Знойное синее утро. Тихий воздух. Деревня, полная мира. Славная деревенская жизнь: играют дети. Старик и бабы сидят в садике. Едва мы проехали – 3 «Юнкерса». Красное пламя с белым и черным дымом. Вечером мы проезжали обратно. Люди с безумными глазами – измученные бабы тащат вещи, выросшие вдруг трубы стоят среди развалин. И цветы – золотой шар, пионы мирно красуются» [1, с. 314].

На войне как на войне – там есть место и трагическому, и трагикомическому: «Самолет загорелся. Летчик, спасая машину, не спрыгнул, довел горящую машину до аэродрома. Он уже горел, на нем горели штаны. Хозяйственная часть отказалась выдать ему новые штаны, так как не прошел срок износа. Несколько дней длилась волынка». Рассказ о том, как девка дралась с немцем. Он ее по морде, а она его коромыслом. Дед стоял и кричал: «Так его, так его, покрепче!» [1, с. 315].

Немалое место в «Записных книжках» В. Гроссмана занимают философские размышления о войне как народном бедствии и о самом народе как хранителе национально специфических особенностей. Что сходного и что различного у трех братских восточнославянских народов, на долю которых выпало самое тяжелое бремя войны? Писатель и здесь предлагает свои наблюдения – краткие и точные: «Народ в несчастье открылся своей лучшей, благородной, доброй стороной. Черты сходства трех народов и черты различия, глубокого различия. Крепче, сильнее всех русский мужик; печальное и мягкое, лукавое и чуть-чуть неверное лицо украинцев; спокойная и черная тоска белорусов» [1, с. 316].

Обращают на себя внимание тонко подмеченные писателем проявления отдельных черт характера людей, их умонастроений: «Разговор баб на кухне райкомовской столовой: «Ось цей Гитлер то настоящий антихрист. А мы раньше казали – коммунисты антихристы». «Как немцы в хату, кошки с хаты и три месяца не входили в хату. Это не только у нас—во всех деревнях,

рассказывают так. В общем, они чувствуют – чужой народ, чи запах от немцев» [1, с. 316–317].

Важная тема военных записок В. Гроссмана – поведение девушек и женщин в военных условиях. На оккупированной территории разные девушки ведут себя по-разному, и жизненная правда неизменно заключается в том, что подлинные качества людей проявляются не в благополучных мирных, а в экстремальных военных условиях: «Девушки. Клянут Гитлера – отнял парней, музыку, танцы, песни… Девушки в оккупированных селах надевают отрепья, мажут лица землей... В Залимане шесть красавиц девушек ушли с немцами» [1, с. 317].

От наблюдательного взгляда писателя (и мужчины) не ускользает и женская красота, скрытая под серой солдатской шинелью, и изящная красная дамская сумочка в серой хате: «Красавица девушка в шинели не по росту, в шапке-ушанке, наползающей на глаза, в огромных валенках, и под всем этим серым, обезображивающим ее угадывается милая, стройная девушка. Она стоит растерянно, не знает, где присесть, держит в руках красную сумочку. Удивительно печально выглядит эта помятая, когда-то нарядная дамская сумочка в этой серой военной хате» [1, с. 317].

Война войной, а проявления простых человеческих чувств неизменны. И пусть мужское ухаживание на войне далеко от галантных манер, здесь – свои неписаные законы «рыцарства»: «Кругом воинские эшелоны. Как только Ульяна, Галя, Лена лезут в теплушку, сразу же из-под земли появляются бойцы: подсаживать сестер. Визг и хохот на всю сортировочную» [1, с. 317].

Символичен финал «Записных книжек» Василия Гроссмана. В репортаже из поверженного Берлина он неизменно подмечает такие события и ситуации, в которых проявляется торжество жизни над смертью, добра – над злом: «Украшенные цветами стволы орудий; молодой казах, катающийся на велосипеде в вестибюле имперской канцелярии; все пляшут, поют, хохочут. И, как своеобразный приговор войне, – раненый немец, обнимающий любимую девушку. Отвоевался...» [1, с. 318] В этом и есть предназначение мужчины – не убирать других, а любить женщину, растить детей и оберегать жизнь.

1. Война в славянской литературе / сост. И.Н. Афанасьев. – Мозырь: ООО ИД «Белый Ветер», 2006. – 402 с.

Г.У. САВІЦКІ

АДЛЮСТРАВАННЕ ТЭМЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ЭКСПАЗІЦЫЯХ ВЕДАМАСНЫХ МУЗЕЯЎ Г. ВІЦЕБСКА

Захаваннем і вывучэннем гісторыі разнастайных прадпрыемстваў і ведамстваў прызваны займацца адпаведныя музейныя установы. У нашай рэспубліцы яшчэ з савецкіх часоў дзейнічаюць разнастайныя ведамасныя музеі,

прысвечаныя гісторыі сваіх установ і ведамств. Яны актыўна ствараліся па ўсёй краіне з 60-х гадоў мінулага стагоддзя і на сённяшні дзень па колькасці не саступаюць дзяржаўным музеям падпарадкаванасці Міністэрства культуры. У горадзе Віцебску больш за два дзесяткі падобных музейных устаноў, гэта не улічваючы музеі пры навучальных установах. Яны маюць розныя назвы і афіцыйны статус, але выконваюць аднолькавыя музейныя функцыі і таму згодна Закона Рэспублікі Беларусь «Аб музеях і музейным фондзе Рэспублікі Беларусь» іх можна адносіць да музеяў. Экспазіцыі ўсіх гэтых ведамасных музеяў пабудаваны па аднаму прынцыпу, зацвержанаму яшчэ ў савецкія часы, таму яны звычайна падобны адна да адной і маюць агульныя прынцыпы і метады стварэння. Традыцыйна скарыстоўваецца тэматыка-храналагічны метад з падзелам экспазіцыі на раздзелы і тэмы. Такая экспазіцыя звычайна складаецца з наступных раздзелаў: гіторыя стварэння прадпрыемства; даваенны час і першыя пяцігодкі; падзеі Вялікай Айчыннай вайны; пасляваеннае аднаўленне гаспадаркі; сучасны стан развіцця прадпрыемства ці установы. Тэма Вялікай Айчыннай вайны застаецца актуальнай і запатрабаванай на сённяшні дзень, як адна са складовых частак дзяржаўнай ідэалогіі і патрыятычнага выхавання, таму яна прадстаўлена ва ўсіх падобных музеях. Нават калі музей дзейнічае пры прадпрыемстве, створаным у пасляваенныя часы абавязкова ёсць раздзел прысвечаны ветэранам вайны, якія працавалі на прадпрыемстве.

Раздзелы, прысвечаныя вайне, звычайна складаюцца з тэм: эвакуацыя прадпрыемства, удзел працоўных у падпольнай і партызанскай барацьбе, ветэраны і узнагароджаныя ўрадавымі узнагародамі, працоўныя і служачыя прадпрыемства на франтах Вялікай Айчыннай вайны. Большая частка экспанатаў гэтага раздзела прадстаўлена фатаграфіямі, копіямі дакументаў і асабістымі рэчамі, выстаўленымі на стэндах і ў вітрынах. Экспазіцыйнымі сродкамі паказваецца дзейнасць установы і яе працоўных у гады вайны. Напрыклад, у музеі гісторыі Віцебскага трамвая асобны стэнд прысвечаны супрацоўнікам — удзельнікам вайны, таксама прадстаўлены і ўзнагароды, ад грамат і падзяк Вярхоўнага Галоўнакамандуючага да медалёў. Прыведзены статыстычныя дадзеныя аб загінуўшых і стратах панесеных гаспадаркай, пакзаны фотаздымкі разбурэнняў прынесеных вайной.

Таксама ў экспазіцыях могуць быць прадстаўлены копіі прадметаў узбраення, таму што ведамасныя музеі не маюць права захоўваць без адпаведнай ліцэнзіі падобныя прадметы, выключэннем з'яўляецца толькі музей гісторыі УУС. У гэтым музеі экспануюцца сапраўдныя ўзоры зброі, як часоў вайны, так і сучаснага перыяду.

Абавязковымі для усіх музеяў з'яўляюцца стэнды, прысвечаныя ветэранам Вялікай Айчыннай вайны, часам яны афармляюцца як перасоўныя выставы і выкарыстоўваюцца для правядзення разнастайных мерапрыемстваў. Гэта і сустрэчы з ветэранамі, і прысвячэнне ў прафесію маладых работнікаў, і нават прыём у піянеры, калі ў прадпрыемства ёсць падшэфная школа.

Самымі экспрэсіўнымі экспанатамі раздзелаў, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне, з'яўляюцца па-мастацку выкананыя дыярамы і макеты будынкаў і тэхнікі. Так у музеі гісторыі Віцебскага аддзялення Беларускай чыгункі прадстаўлены мадэлі паравозаў і бронецягніка. На жаль, не ўсе музеі маюць магчымасць да іх вырабу і экспанавання.

Такім чынам, тэма Вялікай Айчыннай вайны адлюстроўваецца ў экспазіцыях усіх ведамасных музеяў, але не заўседы мае добрае мастацкае вырашэнне, часам занадта перагружана пласкаснымі рэчамі, што не дазваляе поўна раскрыць тэму. Неабходна скарыстанне рознапланавых музейных прадметаў і індывідуальны падбор мастацкага вырашэння для кожнай экспазіцыі. Дзеля гэтага абавязкова патрэбна стварэнне навуковай і мастацкай канцэпцыі і прыцягненне да працы прафесійных мастакоў-афарміцеляў. Недахопам можна лічыць і даволі агульны паказ тэмы вайны ў экспазіцыях некаторых музеяў, дзе губляецца спецыфіка гісторыі ўстановы. Гэта адбываецца з-за адсутнасці, ці недасканаласці папярэдніх навуковых даследванняў. Таму магчыма патрэбна пашыраць супрацоўніцтва з музеямі падпарадкавання Міністэрства культуры ў галіне навуковых даследванняў і метадычнай дапамогі.

1. Буланный, И.Т. Музей на общественных началах / И.Т. Буланный, И.Г. Явтушенко. – М.: Профиздат, 1985. – 208 с.

2. Гужалоўскі, А.А. Музеі Беларусі (1941-1991) / А.А. Гужалоўскі . – Мінск: НАРБ, 2004. – 218 с.

3. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: У 2-х кн. Кн. 2-я / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн, 2003. – 680 с.

И.Ю. СЕРВАЧИНСКИЙ

О НОВЫХ ПОДХОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ К ПРОБЛЕМАМ КАНУНА И НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одним их наиболее дискуссионных в современной российской исторической науке остается комплекс проблем, связанных с кануном и началом Великой Отечественной войны. Катастрофическое поражение Красной Армии летом 1941 г. заставляет историков и публицистов искать его причины, углубляясь в ситуацию предвоенного периода и стараясь понять смысл действий советского руководства, приведших к столь печальным результатам. Одной из наиболее известных сегодня попыток ответа на эти вопросы является гипотеза В. Суворова, суть которой сам автор выражает утверждением о том, что «СССР готовился не к той войне» [1, с. 163]. Ключевым положением многочисленных публикаций В. Суворова является тезис о наступательном характере подготовки и военного планирования Красной Армии накануне

Великой Отечественной войны. За полтора десятилетия сторонниками и противниками взглядов В. Суворова были опубликованы сотни книг и статей, которые позволяют говорить об определенных изменениях в исторической науке и общественном сознании России. На сегодняшний день можно отметить тенденцию неуклонного увеличения числа авторов, так или иначе разделяющих это важнейшее положение В. Суворова, хотя по многим другим вопросам их взгляды могут кардинально расходиться.

Традиционная точка зрения советской историографии, восходящая в своих основных чертах еще к сталинскому времени [2], отстаивала утверждение о том, что советское военно-политическое руководство накануне Великой Отечественной войны готовилось исключительно к обороне, но делало это недостаточно эффективно, и в результате СССР оказался жертвой внезапного вероломного нападения нацистской Германии. Это объяснение не учитывало ряд известных фактов, а также выглядело противоречивым с точки зрения элементарной логики. Общеизвестно, что наступательный способ ведения военных действий, как правило, эффективнее оборонительного, а добровольный отказ от инициативы дает в военном смысле огромные преимущества противнику. В связи с этим категорическое отрицание официальной историографией рассмотрения наступления даже как одного из возможных способов военных действий Красной Армии имело явно идеологические причины, ибо могло подорвать десятилетиями внушавшийся постулат о «миролюбивой внешней политике Советского Союза».

Введение в начале 1990-х годов в оборот новых документов позволило перейти к более основательной критике официальной версии кануна Великой Отечественной войны. Начало переоценки военно-исторических проблем преддверия войны было положено рядом работ 1991–1992 гг., которые, однако, не получили широкого отклика [3]. При этом В.Н. Киселев на страницах официального органа Министерства обороны России открыто высказал мнение, что «и вермахт, и Красная Армия готовились к наступлению. Стратегическая оборона нами не планировалась, и это общепризнанно. Обороняться должны были только войска прикрытия, чтобы обеспечить развертывание главных сил для наступления» [4].

Книги В. Суворова «Ледокол» и «День-М» активизировали и обострили дискуссию по вопросу характера подготовки и военного планирования Красной Армии накануне войны [5]. Важным предметом научных споров стали опубликованные в 1993 г. «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», датированные 15 мая 1941 г. [6]. В этом документе открыто и четко была сформулирована мысль о том, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск» [6, с. 41].

Многочисленные, хотя и не имеющие однозначного толкования, свидетельства наступательного характера военного планирования и подготовки Красной Армии к войне вызвали попытки опровергнуть эти факты со стороны сторонников традиционного подхода. Основными аргументами стали отрывочность документальных данных, сомнения в подлинности важнейших документов, утверждения о военно-технической необеспеченности Красной Армии для ведения войны в 1941 г., особенно для наступления, а также споры об используемой терминологии («оборона», «наступление», «нападение», «превентивная война»).

Одной из наиболее популярных конструкций такого рода стало предположение о том, что СССР ждал нападения врага, а потом уже планировал собственное наступление. Например, В.А. Невежин, ссылаясь на преамбулу различных вариантов проекта Полевого устава РККА 1939–1941 гг., утверждал, что советская подготовка к войне изначально имела оборонительную направленность: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательную, перенеся ее на территорию противника» [7, с. 113].

Эта точка зрения, однако, подверглась обоснованной критике. Так, М.И. Мельтюхов отмечал, что: «переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки и, которая должна была начинаться с оборудования четырех оборонительных рубежей на 150-ти километровую глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось» [8, с. 385]. Многие авторы указывали, что за 60 с лишним лет после начала войны не было опубликовано никаких планов, характеризующих начальную (оборонительную) фазу военных действий, что было бы и лучшим доказательством традиционных подходов к проблемам начала войны.

Один из столпов официальной историографии генерал армии М.А. Гареев, в целом негативно относящийся к новым тенденциям в освещении проблем начала войны, перечислил, что должны были сделать советские войска, если бы готовились к обороне: «... приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов.

Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах» [9, с. 119–120].

Не подтверждается многочисленными работами последних лет также количественное и военно-техническое отставание Красной Армии от вермахта к началу войны. Подобные утверждения еще советской историографии базировались на секретности многих документов, а также на манипуляциях статистическими данными в официальных изданиях [8, с. 325-369, 473–487; 10, с.130–145]. В последние годы признание высокого уровня технического состояния (количественного и качественного) Красной Армии перед войной получает все большее распространение. Так, Г.А. Куманев констатировал, что «к началу войны оборонная индустрия СССР в целом впервые стала превосходить по количеству, а в отдельных областях военного производства и по качеству показатели фашистской Германии» [11, с. 9–10]. Директор института всеобщей истории РАН А.Н. Сахаров высказывается еще более категорично: «по всем объективным данным, к середине 1941 г. перевес сил почти по всем параметрам был на стороне Советского Союза» [12, с. 37].

Новые аргументы в пользу «наступательной» концепции дали рассекреченные материалы, характеризующие перестройку советской политической пропаганды накануне войны. Отправной точкой здесь стала известная речь И.В. Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. Под ее влиянием был принят ряд решений о коренном изменении характера пропаганды. Главный Военный Совет 14 мая 1941 г. поставил задачу «воспитывать личный состав в воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление». В проекте директивы «О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время» отмечалось, что «весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории» [13, с. 77–78].

Комментируя эти свидетельства, крупнейший современный российский специалист по истории кануна Великой Отечественной войны М.И. Мельтюхов делает вывод: «Все это лишний раз подтверждает тот факт, что так называемая «миролюбивая внешняя политика СССР» являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для «сокрушения капитализма» военным путем» [13, с. 82]. Солидарен с ним и В.А. Невежин,

который следующим образом трактует долговременные внешнеполитические цели СССР: «Сталин не отделял национальных интересов страны от конечной стратегической цели – уничтожения «капиталистического окружения». На исходе 30-х годов большевистское руководство уже не рассматривало саму по себе «мировую революцию» в качестве главного инструмента для достижения этой цели. Миссию сокрушения враждебного «буржуазного мира» должна была взять на себя, по замыслу Сталина, Красная Армия» [14, с. 67].

Можно отметить, что в последние годы акцент научных и политических дискуссий в России смещается в сторону общих оценок политики СССР накануне и во время Великой Отечественной войны, а также целей и сущности сталинского режима. Невозможность более отрицать активный характер советской внешнеполитической деятельности и наступательную направленность военного планирования Красной Армии накануне и в начале Второй мировой войны привели к любопытным идейным метаморфозам, в значительной степени отражающим государственно-политические традиции, а также особенности нынешней ситуации в России.

Так, один из активных «антиревизионистов» А. Исаев считает, что «наступательный план – это оптимальное решение обороны страны для СССР» [15, с. 98]. А.Н. Сахаров не только отбрасывает рассуждения о «миролюбивой внешней политике», но и ставит в упрек Сталину то, что наступательный план не был осуществлен: «Упреждающий удар спас бы нашему Отечеству миллионы жизней и, возможно привел бы намного раньше к тем же политическим результатам, к которым страна, разоренная, голодная, холодная, потерявшая цвет нации, пришла бы в 1945 г., водрузив знамя Победы над рейхстагом. И то, что такой удар нанесен не был, что наступательная доктрина, тщательно разработанная в Генеральном штабе Красной Армии и начавшаяся энергично осуществляться в мае-июне 1941 г., не была реализована, возможно, является одним из основных просчетов Сталина» [14, с .38].

М.И. Мельтюхов завершает геополитический анализ предвоенной ситуации аналогичным выводом, сожалея о неосуществившейся возможности «разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране». Если бы Сталину удалось реализовать задуманный план, то, по мнению Мельтюхова, «Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к «справедливому социальному переустройству» европейских колоний в Азии и Африке...» [8, с. 509, 506].

Подобные оценки ключевых проблем Второй мировой войны при всем их прагматизме еще недавно показались бы циничными и безнравственными. Однако, будучи сегодня перед выбором: признать преступным сталинский режим и отмежеваться от его целей и методов или оправдывать действия

тогдашнего руководства как отражавшие национально-государственные интересы страны, — многие представители российской исторической науки (и политической элиты) выбирают второй вариант, фактически возвращаясь к традициям великодержавной, имперской политики сталинского СССР.

1. Суворов В. СССР готовился не к той войне // Великая Отечественная катастрофа: Сборник статей / сост. А.Кошелев. – М.: Яуза, Эсмо, 2007. – С. 163-180.

2. Минц, И. Великая Отечественная война Советского Союза. - М.: ОГИЗ, Главполитиздат, 1947; Фальсификаторы истории /И. Минц. - М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948.

3. Петров, Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны /Б.Н. Петров // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 12. – С.10-17; Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. – 1992. - № 2. – С.14-19.

4. Киселев, В.Н. Упрямые факты начала войны /В.Н.Киселев // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 2. – С. 15.

5. Суворов, В. Ледокол: Кто начал вторую мировую войну?; День «М»: Когда началась вторая мировая война? – М.: ТКО «АСТ», 1994.

6. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. – 1993. – № 3. – С.40–45.

7. Невежин В.А. Стратегические замыслы Сталина 22 июня 1941 года (По итогам «незапланированной дискуссии» российских историков). // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой.– М.: Яуза, 2006.– С.109-132.

8. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). – М.: Вече, 2000.

9. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). – М.: Воениздат, 1995.

10. Солонин, М.С. Фальшивая история Великой войны /М.С. Солонин. – М.: Яуза, Эксмо, 2008.

11.Куманев, Г., До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны. / Г. Куманев, Э. Шкляр // Свободная мысль. – 1995. – № 2. – С. 3–12.

12. Сахаров, А.Н. Война и советская дипломатия: 1939-1945 гг./А.Н. Сахаров // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 32–47.

13.Мельтюхов, М.И. Преддверие Великой Отечественной войны 1939-1941 гг.: становление великой державы // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. – М.: Яуза, 2006. – С.31-108.

14. Невежин, В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. /В.А.Невежин. – М.: Яуза, 1997.

15.Исаев, А. Георгий Жуков. Последний довод короля. /А.Исаев.– М.: Яуза, Эксмо, 2006.

С.Г. СМОЛЯК

ВОЙНА 1941–1945 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ПРИЧИНЫ И ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ

Боги могут быть разными и многими,
но Родина может быть одна.
Она там, где ты родился, вырос
и стал Личностью, где твои культурно-
генетические корни, где покоится прах предков.

История человечества представляет собою в определенном смысле историю войн. Изначально, на уровне стадных, а затем родоплеменных образований эти войны происходили за территорию, на которой человек находил пропитание и лучшие условия для жизни. В последующем, с формированием развитых социальных систем, к этой причине добавляются и другие, составляющие собственно социальные основания войн, закрепляющиеся в последующей практике государств и к которым в первую очередь следует отнести стремление к увеличению богатства одной стороной за счет другой стороны. То есть, в условиях развитых цивилизаций причиной войн становится социальный интерес субъекта (личности, слоя, класса, государства) в увеличении личного богатства, а с образованием государств – увеличением государственной казны для содержания бюрократического аппарата. Однако в конечном счете и в этих случаях ставка делалась на расширение географического пространства, за сферы влияния стратегически важных дорог. И в этом аспекте вся история человечества есть история исчезновения целых государств и народов, социальных групп и этнических общностей. История последних двухсот лет есть история намеренного превращения одних стран в придатки, продовольственные или промышленные кладовые других стран. Одни только Англия и Франция в ХУ11–Х1Х вв. превратили полмира в свою «кормовую» базу, создавая таким образом за счет энтропии других сообществ условия для своего устойчивого и динамичного развития.

Под разными предлогами начинались войны, но все – за эти цели. Не стала исключением и война 1941–1945 гг. нацистской Германии и СССР, начавшаяся вероломным нападением первой на Советский Союз 22 июня 1941 г. и составившая собственно второй этап Второй мировой войны 1939–1945 гг. Вероломным, но при этом заранее спланированным [1, с. 76]. Внезапность нападения, без объявления войны свидетельствует о субъекте агрессии, изначально ставившем целью не просто завоевание географического пространства, а порабощение и физическое уничтожение населения той страны, на которую была совершена агрессия. В том числе, и Белоруссии, как части Советского Союза и на территории которой она продолжалась долгих три года– с 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г. В частности, разработанным нацистскими

бонзами планом «ОСТ» предусматривалось выселить «на протяжении 30 лет около 31 млн. чел. с территории Польши и Западной части СССР, в том числе ... 75 % населения Беларуси... уничтожить 120–140 млн. чел.», тем самым окончательно решив так называемый «славянский вопрос» [4, с. 152]. Эти и множество других документов говорят о том, что впервые в истории война в основе своей базировалась на политике нацизма, средствами проведения которой был избран геноцид народов. Вот как об этом, задолго до нападения на Советский Союз, говорил Гитлер: «Мы должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите у меня, что я имею в виду под обезлюживанием, я отвечу, что имею в виду устранение целых расовых единиц...» [4, с. 155].

Причина же германского нацизма и геноцида кроется, как нам представляется, в германском национализме, который был заложен в 19 веке Фридрихом Шлегелем, Фридрихом Рюсом, др. и получил развитие в концепции о сверхчеловеке Фридриха Ницше. В свою очередь сам национализм вырастает не на пустом месте. Он должен вырасти действительно на национально-государственной почве, на психологии народа, на абсолютизации и мифологизации героического прошлого и формировании мифологического героического будущего. Предпосылками же такого видения прошлого для немецкой нации, униженной и оскорбленной, как считали в Германии, в результате Версальского мирного договора 1919 г., было время, экстраполируемое в будущее, покорения племенами готов Рима.

В любых войнах любое государство защищает свою территорию, опираясь на армию и гражданское население. И чем выше гомогенность государства, в первую очередь этническая, тем сплоченнее народ и армия, тем упорнее сопротивление агрессору как со стороны армии, так и со стороны гражданского населения. В этом аспекте армия и население СССР не были этнически однородными, но как никогда ранее в истории государства российского они были едины в желании и стремлении отстоять свою территорию. Ярким свидетельством такой целевой установки и духовного порыва армии является героизм защитников Брестской крепости, в течение месяца оборонявших границы государства. И на других участках фронта солдаты и офицеры показывали истинный героизм, оказывая жесточайшее сопротивление врагу. Армия, сотканная из десятков этносов и конфессий, униженная и понесшая тяжелые утраты в командном составе в результате репрессий тридцатых, не имевшая боевого опыта, ориентированная на фальшивый политический постулат ведения войны на территории агрессора, несшая большие потери в живой силе и технике[5] по причине серьезных

[5] Из 44 дивизий Западного фронта в первые недели войны были разгромлены 24. В оставшихся 20 потери составили от 20 % до 90 % живой силы и материальных ресурсов. За 18 дней боев «войска потеряли 417790 человек, в том числе 341073 – безвозвратно» (6, с. 84).

просчетов в оценке «боевой подготовки войск, определении сроков начала фашистской агрессии и направлений главного удара противника, недооценки его сил и переоценке возможностей своих войск» [2, с. 10–11], была едина и патриотична. И несмотря на неудачи первых недель и месяцев войны чувство уверенности в армии, ВЕРЫ в АРМИЮ не оставляли каждого гражданина великой страны. Армия, сотканная из миллионов, была едина и сильна ДУХОМ. В этом удивительный феномен той поры, удивительный феномен единства и сплоченности народа перед лицом агрессора. Армия, ослабленная репрессиями, интернациональная по составу была единой по духу, ибо представляла собою НАРОДНУЮ АРМИЮ, вобравшую в себя все лучшее, что было в армии Российской империи, но сформированной уже на идеях нового государства. Стержень духа Армии составляли принципы патриотизма и интернационализма. И если принцип патриотизма витал в армии со времен петровских, то принцип интернационализма складывался уже после 1917 г. О силе патриотических чувств, культивируемых в армии Российской, говорит тот факт, что даже такие непримиримые враги Советской власти как Деникин А.И, другие лидеры белого движения, вся многочисленная диаспора русской эмиграции, в первую очередь офицерский корпус, не перешли в услужение агрессору.

Интернационализм проявлялся на уровне рядового и сержантского состава, офицеров и генералов везде и во всем: — в структуре командного состава, в отношениях друг к другу, в отношении к РОДИНЕ, которой для них стала страна под названием СССР.

Меньшее единство в оценке войны наблюдалось в гражданском обществе. Некоторая часть его населения с войной связывала надежды на возвращение потерянного материального богатства во времена Октябрьской революции 1917 г., годы нэпа или годы коллективизации. Часть общества лелеяла надежду на политическое воскрешение себя как идеологов и политиков в прошлом. Эта часть видела себя благотворительницей белорусского народа, борцом за его свободы, на самом деле выступая в роли Иуды: тот предал и продал Христа, а эти предавали народ. Целый народ! А часть населения – как правило, это были маргинальные элементы, — рассматривала войну и ее процесс как возможность выгодно для себя лично решить какие-то сиюминутные вопросы за счет других. Для абсолютного же большинства населения понятия «Родина», «Отчизна», «Свобода» остались понятиями значимыми. Для этого абсолютного большинства война оказалась тяжелейшей ношей. Во-первых, она ошеломила своей неожиданностью и скоростью продвижения агрессора вглубь страны. Привыкшее рассматривать все с идеологических позиций сталинской властной машины, население в первые дни и недели было в шоковом состоянии, не давая ответа на элементарный вопрос: почему армия, которая была «всех сильней», отступает, бросая на произвол судьбы мирное население, и что делать тем, кто остается? И если военные понимали причины столь непонятной для многих метаморфозы с отступлением, то гражданскому населению она была просто не

интересна: был факт отступления! Во-вторых, война принесла в каждый дом страх – за себя, за родных и близких. Ибо все понимали: любая война, как тот молох, требует жертв. И много жертв! Война вместе со страхом принесла и неуверенность не только в завтрашний, но и сегодняшний день. В–третьих, первые дни войны показали простому человеку, даже очень далекому от политики, что пришельцы не только говорят на чужом языке, но хотят забрать их язык! Более того, они заявили о посягательстве на их жизни и даже ДУШИ! Такого еще история не знала. Даже Чингисхан, захватив жизненное пространство наших предков, предков народов СССР, не посягал на язык и души порабощенных народов, давая им возможность выразить себя и не затеряться в веках. И после него, за многовековую историю, наша земля знавала многих пришельцев, рвавшихся в ее просторы. Но ни один из них не был так беспощаден и напоен звериным инстинктом убивать! Уже с первых дней войны агрессор заявил о себе как палач, каких мир еще не видел. Что проявилось не только в создании еврейских гетто на оккупированных территориях, но и создании повсеместно концентрационных лагерей смерти, массовом убийстве военнопленных. Так, на территории Беларуси за время оккупации гитлеровцами было уничтожено около 3 млн. чел., около 400 тыс. вывезено на каторжные работы в Германию [9, с. 27]. Стали принципом, политическим руководством к выполнению плана «Ост» массовые убийства заложников, мирных жителей, массовое уничтожение деревень и городов Белоруссии. В частности, на ее территории за годы войны было уничтожено и сожжено 209 городов и райцентров, 9200 сел, разрушено 10465 предприятий, более 6000 км ж/д полотна, 10000 колхозов, 316 МТС, уничтожено 420996 домов на селе [3, с. 431–434].

Весьма распространенной формой убийства заложников и мирных жителей было их использование в качестве тягловой силы для разминирования шоссейных, железных, проселочных дорог, участков тыловой зоны размещения вермахта посредством транспортировки борон по минному полю [4, с. 163].

Агрессор на всей захваченной территории установил тотальный террор за инакомыслие, за политическую неблагонадежность. Облавы, погромы, расстрелы, другие методы стали обычным делом в практике оккупационных войск. Особое распространение получили концентрационные лагеря для военнопленных, евреев, лиц других национальностей. Всего же за годы войны на территории Беларуси «было уничтожено более 2 млн. 200 тыс. мирных жителей и военнопленных... Вместе с жителями сожжено 628 деревень, из них 186 не возродилось. С частью населения было сожжено 4667 населенных пунктов» [4, с. 166]. А с весны 1942 г. захватчики стали увозить на работу в Германию трудоспособное население, в основном молодежь. Все в соответствии с теорией и планами вождей третьего рейха. Увидев и поняв, что ждет народ под пятой у супостата, это абсолютное большинство, составляющее НАРОД БЕЛАРУСИ, поднялось на священную войну с врагом. Эта борьба приняла массовый характер и проявилась в самых разных формах народной

борьбы – партизанском сопротивлении, борьбе подпольщиков. Например, в тылу врага на территории, охватившей к концу 1942 г. около 30 % [3, с. 429], а к 1944 г. 60 % [4, с. 272] республики, были созданы и вели активную вооруженную борьбу 213 партизанских бригад, 258 отдельных партизанских отрядов общей численностью 370 тыс. чел. В условиях жесточайшего террора повсеместно начала разворачиваться незримая война населения с оккупантами в подполье. Так, в городах и поселках действовали 70 тыс. подпольщиков [5, с. 37].

Война одновременно стала индикатором прочности социально-политической системы советского государства. Ибо не в последнюю очередь агрессор делал ставку на разрушение советского государства и легкую победу в войне, в силу как его многонациональности, так и политической системы, которая расколола общество в 1917 г. и против миллионов проводила репрессии после 1917 г. Однако парадокс состоит в том, что война 1941–1945 гг. объединила многонациональный советский народ, объединила еще вчера непримиримых врагов – раскулаченных и колхозников, репрессированных и их преследователей, власть и церковь. В этом единении есть что-то сверхъестественное, неземное. Ибо действительно трудно поверить, что абсолютное большинство почти двухсотмиллионного населения тогдашней страны войну восприняли сквозь призму войны народной, войны против государства, которое стала ЕГО государством. И это результат не столько идеологической обработки населения, сколько, как нам представляется, истинным принятием этого государства своим абсолютным большинством населения. В этом контексте подтверждается истина о том, что нельзя победить то государство, в котором человек узнал, почувствовал и принял власть как свою, давшую ему возможность быть ЧЕЛОВЕКОМ!

С каждым годом все дальше уходят в прошлое страшные события той войны. С каждым годом все меньше становится ее участников и свидетелей. Но вечным остается подвиг белорусского народа в той войне: немеркнущая слава и героизм партизан, подпольщиков, воинов и гражданского населения!

Воистину «Никто не забыт и ничто не забыто». Так было, есть и будет!

1. Нюрнбергский эпилог: уроки истории: материалы Международной научной конференции, Москва, 20-21 ноября 2006 г. / составитель Ю. М. Коршунов; под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко. – Москва: ИВИ РАН, 2007. – 266 с.

2. Великая Отечественная война, 1941-1945. События. Люди. Документы: Краткий ист. справочник/ Под общ. ред. О.А. Ржешевского; Сост. Е.К. Жигунов. – М.: Политиздат, 1990. – 464 с.: ил., карт.

3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6т. Т.2. – Мн.: БелЭн., 1994. – 537 с.: іл.

4. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 / А.А. Коваленя (руководитель автор. коллектива), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. – Мн.: БЕЛТА, 2005. – 544 с.: ил.

5. Долготович, Б.Д. Беларусь в годы Великой Отечественной войны в вопросах и ответах /Б.Д. Долготович. – Мн.: Полымя, 1994. – 141 с.: ил.

6. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2005. – 271 с.: ил., карт.

7. Тимахович И.В. Битва за Белоруссию /И.В. Тимахович. – Мн.: Беларусь, 1994. – 254 с.

8. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыкл./ Беларус. Энцыкл.); Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мн. БелСЭ, 1990. – С. 29–32.

9. Памяць Беларусі : Рэспубліканская кніга / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. У.П. Свентахоўскі. – Мн.: БелЭн, 2005. –592 с.: іл.

М. В.СТРЕЛЕЦ

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ Э.Г. ИОФФЕ

Доктор исторических наук, профессор, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка Эмануил Григорьевич Иоффе на протяжении без малого полвека исследует историю Второй мировой войны, сосредоточившись на ряде тематических комплексов.

Э.Г. Иоффе прежде всего анализирует трагедию и героизм отечественных евреев в годы войны. Этому посвящена книга профессора «Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941–1945»[1].

Исследователь подошел к истории Холокоста как к комплексному геноциду белорусских евреев в контексте минувшей войны. Очень важно, что он акцентирует внимание читателей на таких сложных и недостаточно разработанных вопросах, как начальный этап Холокоста, истребление евреев айнзатцгруппами, Холокост и вермахт, гибель иностранных евреев на белорусской земле, роль коллаборационистов в катастрофе, благородная деятельность праведников народов мира, борьба белорусских евреев с нацизмом» [2, с. 172].

«Абсолютно новыми сюжетами следует считать участие евреев в защите и освобождении Могилева, обороне Гомеля, развертывании народного сопротивления, жизнь и деятельность незаконно репрессированного командира партизанской бригады капитана Н.М. Никитина (Штейнгарда), боевую деятельность спецгруппы капитана Давыдова (Литвинского) «Новаторы», историю партизанского отряда имени Ворошилова бригады им. Фрунзе под командованием Е.Ф. Мироновича (Финкельштейна), авторскую версию убийства Вильгельма Кубе, участие евреев в составе Брестского, Минского, Могилевского, Витебского, Гомельского антифашистского подполья» [2, с. 172].

Ученый впервые в исторической литературе показал, что партизанская бригада капитана Н.М. Никитина с мая 1942 по октябрь 1942 г. находилась в числе лидеров в отечественном партизанском движении в плане результативности действий. Профессор выступил пионером в системной реконструкции знаменитого Александровского боя от 14 июня 1942 г., который убедительно свидетельствовал о выдающихся оперативно-тактических способностях легендарного комбрига.

Именно Эмануил Григорьевич впервые стал капитально разрабатывать проблемный комплекс, связанный с причастностью евреев к действиям спецгрупп НКВД в географических пределах БССР. В числе возвращенных им имён ключевое место занимает Владимир Литвинский (псевдоним Давыдов). Этот отважный еврей руководил легендарной спецгруппой «Новаторы». Точка отсчета ее боевого пути – сентябрь 1943 г., первое место базирования – Липичанская пуща (Белостокская, ныне Гродненская область). Мудрый командир, талантливый организатор, Владимир Литвинский добился увеличения своей спецгруппы до 126 чел. По подсчетам Э.Г. Иоффе, 38% бойцов спецгруппы составляли евреи. Профессор вводит в научный оборот ряд новых фактов, связанных с диверсиями «Новаторов» на железнодорожных перегонах, убедительно показывает, что благодаря этим диверсиям стратегически важная железнодорожная ветка Волковыск – Желудок – Слоним – Лида – Зельва – Барановичи часто не выполняла возложенные на нее врагом функции. В актив спецгруппе можно записать и крупные потери среди немецких военнослужащих и вооруженных формирований коллаборационистов, из которых без малого полтысячи были лишены жизни и без малого 700 получили ранения. Спецгруппа «Новаторы» действовала на территории БССР до июля 1944 г.

В отличие от предшественников из числа соотечественников, которые зациклились на показе Героя Социалистического Труда, многолетнего председателя колхоза имени Гастелло Минского района Е.Ф. Мироновича (Финкельштейна) как видного организатора сельскохозяйственного производства, Эмануил Григорьевич фактически открыл для русскоязычной читательской аудитории боевую биографию партизанского отряда имени Ворошилова бригады им. Фрунзе под командованием этой яркой личности. Великие дела данного отряда (создание перманентной угрозы для оккупационных войск, проведение стратегически важных операций, сообщение стратегически важных, искусно добытых сведений Центру) давали все основания для присвоения Е.Ф. Мироновичу высокого звания Героя Советского Союза. Пять раз (!) легендарный командир представлялся к этому званию, и все пять раз высшее государственное руководство СССР отвечало отказом. Конечно, историческая справедливость должна восторжествовать. Авторы настоящей монографии считают, что высшее государственное руководство нашей страны поступит правильно, присвоив Е.Ф. Мироновичу звание Героя Беларуси (посмертно).

Начиная с советского времени по сей день во всех учебниках истории категорически утверждается, что к убийству Вильгельма Кубе причастны Елена Мазаник, Мария Осипова, Надежда Троян, что именно Елена Мазаник поставила итоговую точку в данном вопросе. Такое утверждение восприняло как безоговорочное и высшее государственное руководство СССР, присвоившее названным лицам высокое звание Героя Советского Союза. Оно же легло в основу ряда произведений литературы и искусства. Профессор, проявив и смелость, и мужество, выдвинул совершенно иную версию по анализируемому вопросу. Он впервые обратил внимание на рапорт командира партизанского отряда Казанцева начальнику Центрального штаба партизанского движения СССР (ЦШПД) П.К. Пономаренко, в котором сообщалось, что Вильгельм Кубе погиб от мины, заложенной Либерманом. Разумеется, после привлечения такого аргумента в анализируемом вопросе следует ставить не точку, а многоточие.

Э.Г. Иоффе говорит и свое веское слово относительно одной чрезвычайно важной для исследовательского корпуса фотографии. «Наверное, многим, особенно людям старшего поколения, знакома эта фотография, взятая из архивов немецких войск времен Второй мировой войны и обошедшая неоднократно почти все издания мировой печати. В центре фотографии снята молодая девушка с огромным плакатом на груди, на котором по-немецки и по-русски написано: «Мы – партизаны, стреляющие по германским войскам». Фотография была сделана в Минске 25 октября 1941 г., когда эту девушку вели на казнь вместе с двумя другими участниками минского подполья. На следующий день они были повешены. Эта фотография уже много десятков лет выставлена в Белорусском музее истории Великой Отечественной войны. Под ней до конца февраля 2008 года была надпись: «Неизвестная партизанка». Но все дело в том, что имя партизанки давно известно. Это 17-летняя еврейская девушка Маша Брускина. Этот факт было доподлинно установлен показаниями 18 свидетелей и высокопрофессиональной экспертизой, проведенной в Москве в 70-е годы прошлого столетия. Однако власти до конца февраля 2008 года отказывались это признать» [3]. Профессор аргументировано обратил внимание властей на то, что речь идет действительно о Маше Брускиной.

Автор не уходит от исследования острых, «больных» вопросов. Речь идет о случаях антисемитизма в партизанском движении, о позорной деятельности не только литовских, украинских, белорусских, эстонских, польских, но и еврейских коллаборационистов из Литвы. Так, на странице 87 он приводит факт, когда шеф СД из Вильнюса дал задание еврейской полиции города депортировать 1500 узников ошмянского гетто. Затем эту цифру удалось сократить до 500. Таким образом, отряд еврейской полиции во главе с Дяслером участвовал в октябре 1942 г. в массовом расстреле сотен узников ошмянского гетто, главным образом стариков» [2, с. 172].

В эпоху партийно-государственного антисемитизма не было принято отвечать в открытой печати на следующие вопросы: 1) Сколько отечественных евреев получило самую высокую награду за боевые подвиги в годы войны

1941–1945 гг.? 2) Сколько отечественных евреев входило в генеральский и адмиральский корпус РККА в эти годы? 3) Каково точное количество советских евреев, которые пополнили геройский корпус, заслужив это кардинальное изменение в своей биографии именно в географических рамках БССР в 1941–1944 гг.? Э.Г. Иоффе дает на них четкий и ясный ответ. «23 белорусских еврея удостоены звания Героя Советского Союза. Самые известные среди них – командующий артиллерией 70-й армии Израиль Бескин, командир подводной лодки Самуил Богорад, командующий бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии Матвей Вайнруб, командир механизированной бригады Симон Кремер, легендарный разведчик Лев Маневич и командир артиллерийского дивизиона Борис Хигрин. Полными кавалерами ордена Славы стали витебчанин сапер Григорий Богорад и уроженец Могилева фронтовой разведчик Ефим Минкин.

В суровые военные годы в рядах Красной Армии находились 62 генерала и 4 адмирала-еврея – уроженцы Беларуси. 15 евреев за подвиги, совершенные на белорусской земле, удостоены звания Героя Советского Союза. Самые известные из них – секретарь (по другим данным, член) Минского подпольного горкома партии Исай Казинец и командир 1-й Московской Пролетарской дивизии Западного фронта Яков Крейзер» [2, с. 173].

«До сих пор в отечественной литературе не раскрывалась так глубоко тема участия евреев в антифашистском подполье Минска, Могилева, Бреста, Витебска, Гомеля и других населённых пунктов республики, как в монографии Э. Иоффе. Автор приходит к выводу, что в рядах белорусских партизан сражались около 13950 евреев, а в составе антифашистского подполья – около 1350 чел. Очень важно, что в качестве приложений к книге даны список гетто на территории страны, таблица мест уничтожения еврейского населения в 1941–1944 гг. Именной и географический указатель. Кроме того, она иллюстрирована 52 фотографиями» [2, с. 173].

Эмануил Григорьевич обращается к проблемам Второй мировой войны не только в контексте исторической гебраистики. Известно, что в белорусской исторической науке до сих пор имеется немало иных «белых пятен». Одно из них – деятельность немецкой разведки, нацистских спецслужб на территории нашей республики в период Второй мировой войны – в 1939–1945 годах» [36, с. 8]. В одной из книг ученого впервые в отечественной историографии было проведено комплексное исследование данной деятельности.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Представляется логичным выделить наиболее значимое в каждом из перечисленных структурных элементов.

Во введении ученый справедливо отмечает: «Историю, в том числе и немецких спецслужб на территории Белоруссии в 1939–1945 годах, надо знать всем, потому что она учит, в чем сила и слабость народа» [4, с. 9].

Ознакомление с первой главой «Немецкая разведка на территории Белоруссии в 1939–1941 годах» помогает разобраться в связи между

деятельностью германских спецслужб и временными неудачами СССР в начальный период Великой Отечественной войны. «Абвер довольно успешно справлялся со своей задачей. По существу Германия располагала необходимой информацией о положении в Белорусском особом военном округе и Киевском особом военном округе для того, чтобы Паулюс мог закладывать необходимые параметры в план «Барбаросса» [4, с. 33]. По данному направлению существенных результатов достигли такие структуры абвера, как «штаб Валли», полк «Бранденбург-800». К решению соответствующих задач, поставленных перед германской разведкой, активно подключались и ВВС. «С октября 1939 г. до 22 июня 1941 г. немецкие самолеты более 500 раз вторгались в воздушное пространство СССР... Немецкие летчики фиксировали перемещение воинских частей на нашей территории, фотографировали аэродромы, железнодорожные узлы, военные городки. Но под общим пагубным лозунгом «Не провоцировать!» сбивать немецкие самолеты запрещалось. В результате германское командование имело детальные карты приграничных районов нашей страны» [4, с. 49]. О пагубности указанного лозунга убедительно свидетельствует следующий факт. Командир 212-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 28-го стрелкового корпуса 4-й армии Западного особого военного округа подполковник запаса Н.И. Коваленко утверждал, что «примерно недели за 2–3 до начала нападения... стрелковые части получили телеграмму, что в известных участках (воротах) будут пролетать немецкие авиационные эскадрильи и чтобы по ним не вели огня. В выходной день в это время я... лично видел в Доме офицеров человек 15 немецких летчиков, которые (затем) свободно расхаживали по городу и изучали наши объекты для обстрела, другой цели у них и не могло быть. Такое положение было не только в Белостоке, но и в других городах Западной Белоруссии» [4, с. 50–51].

Профессор с сожалением констатирует, что «в первые дни Великой Отечественной войны в руки врага попали самые секретные материалы нашей разведки» [36, с. 59], что «с первых часов и дней вторжения немцам удалось вызвать смятение, неразбериху, растерянность, панику, различные слухи, тяжело сказавшиеся на морально-политическом состоянии армии и населения» [4, с. 55].

Существенно расширяет представления читательского корпуса об отечественной истории и вторая глава рецензируемого труда «Спецслужбы Третьего рейха против Красной Армии и советского тыла на территории Белоруссии». Известно, что в публикациях по истории Великой Отечественной войны прочно укоренился следующий стереотип: ни один населенный пункт Белоруссии, освобожденный в 1943–1944 гг. Красной Армией, не был больше объектом агрессивных действий со стороны германского вермахта. Читатель узнаёт о «налётах немецкой авиации на Гомель, Кричев, Минск и Молодечно в июне–июле 1944 г., то есть уже после того как эти города Белоруссии были освобождены от оккупантов и стали советским тылом. Причем эти бомбардировки были проведены как накануне операции «Багратион», так и в

ходе ее осуществления» [36, с. 155] Ученый приводит совершенно новые факты «активного участия агентов немецких спецслужб в осуществлении бомбежек (белорусских – **М.С.**) городов немецкой авиацией» [4, с. 154]. Он осуществил также системную реконструкцию борьбы компетентных советских органов с агентурой нацистских спецслужб на территории Белоруссии в 1944–1945 гг.

В третьей главе «Нацистские спецслужбы против партизан Белоруссии» автор впервые в научном сообществе анализирует половозрастную структуру агентуры германских спецслужб, подводит итоги её деятельности, систематизирует сведения о лжепартизанских отрядах. Эта агентура «в большинстве своем состояла из женщин, так как они составляли большинство населения на оккупированной территории БССР» [4, с. 255–256]. «В 1941–1944 годах немецким спецслужбам удалось заслать свою агентуру в большинство партизанских отрядов и бригад. В ряде случаев они, убивая партизанских командиров, расшифровав некоторые секретные коды и шифры партизанского руководства и проводя активную диверсионную работу среди партизан, нанесли существенный ущерб партизанскому движению Белоруссии, затормозив его развитие в ряде регионов республики» [4, с. 297]. «Немецкие спецслужбы создавали из уголовников, предателей и изменников Родины, а также из лиц, привезенных с собою из Германии (эмигрантов-белогвардейцев и их детей) так называемые лжепартизанские отряды… Подобные отряды по заданию нацистов связывались с местными партизанскими отрядами, именовали себя партизанами, даже иногда участвовали вместе с партизанскими отрядами в операциях, и при первой возможности приводили полицейских или карателей, чтобы ликвидировать настоящих партизан. Одновременно через лжепартизан немцы попытались скомпрометировать партизанское движение перед местным населением» [4, с. 258]. Профессор подробно описывает ликвидацию настоящими партизанами лжепартизанских соединений.

Весьма содержательной получилась четвертая глава «Борьба немецких спецслужб с антифашистским подпольем на территории Белоруссии». Э.Г. Иоффе прежде всего обращает внимание на тот колоссальнейший информационный массив, которым с начала оккупации обладала германская сторона. «Немецкие спецслужбы получили от Совета Народных Комиссаров БССР и Президиума Верховного Совета республики «бесценный подарок». В руки этих спецслужб попали подавляющее большинство дел, касавшихся государственного управления БССР, в том числе списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные дела БССР. Эти совершенно секретные документы находились не только в Доме Правительства, но даже на его дворе» [4, с. 300] Разумеется, у врага оперативно появился банк данных на значительную часть участников подпольного движения.

Маститый ученый показывает, какие спецслужбы нацистов воевали с подпольщиками, какие именно пути и способы борьбы с подпольем были опробованы в соответствующей практике. В книге присутствует ряд

оригинальных выводов и оценок касательно противостояния немецких спецслужб минскому, могилевскому, витебскому, гомельскому, брестскому подполью.

«По подсчетам автора, жертвами нацистских спецслужб в 1941–1944 гг. стали более 37500 чел., то есть более половины из 70-тысячной армии подпольщиков Белоруссии» [4, с. 340]. Он выглядит весьма убедительным, объясняя причины столь крупных потерь. «Немалую роль в успехах нацистских спецслужб в борьбе с антифашистским подпольем на территории Белоруссии сыграли неопытность многих подпольщиков, потеря ими бдительности, излишняя доверчивость, грубое нарушение правил конспирации не только отдельными подпольщиками, но и некоторыми руководителями подполья. Об этом наглядно свидетельствует печальный опыт деятельности Военного совета партизанского движения в Минске в 1941–1942 годах» [4, с. 341].

В каждой главе ученый выясняет соотношение успехов и просчётов германских спецслужб по указанным направлениям их деятельности. В заключении им сделан итоговый вывод о том, что их просчеты в конечном итоге перевесили успехи, чётко названы причины превалирования первых [4, с. 349–350].

Труд профессора Э.Г. Иоффе обязательно будет востребован научным и образовательным сообществом. Настоящую книгу с большим интересом прочтут все, кто интересуется историей Второй мировой войны.

В постсоветский период ученый опубликовал целый ряд статей, посвященных роли выдающихся советских военачальников в Великой Отечественной войне. В этих статьях он, с одной стороны, развивает сюжетные линии, к которым обращался в советский период, а, с другой стороны, осваивает совершенно новые проблемные поля.

Маститый ученый исследовал и вопрос о пребывании ключевых фигур нацистского рейха на территории Беларуси в 1941–1944 гг. Он убедителен и оригинален в своем утверждении о том, что именно «во время визита Гитлера в Борисов летом 1941 г. решалась судьба войны» [5], «был выдвинут варварский план уничтожения Москвы» [6].

Э.Г. Иоффе попытался также основательно разобраться в деле командующего Западным особым военным округом генерала армии Павлова, раскрыть малоизвестные страницы обороны Могилева летом 1941 г., дать оценку действиям маршала С.К. Тимошенко в начальный период Великой Отечественной войны, аргументировано поставил вопрос о новых цифрах потерь Беларуси в этой войне.

В 2009 году вышла книга о высшем партизанском руководстве Беларуси в годы Великой Отечественной войны, которую профессор написал в соавторстве с другими известными учеными.

1. Иоффе, Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941-1945/ Э.Г. Иоффе. – Смоленск, 2003. – 428 с.

2. Савицкий, Э. Пепел стучит в сердце / Э. Савицкий // Белоруская думка. – 2003. № 8. – С.171-173.

3. www.kaskad.com/article; asp. article=598-k. – 20 января 2009 года.

4. Иоффе, Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии - Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939-1945/ Э.Г. Иоффе.– Мн.:Харвест, 2007. – 384 с.

5. Иоффе, Э.Г. Судьба войны решалась во время малоизвестного визита Гитлера в Борисов / Э.Г. Иоффе // Народная газета. – 2002. – 12 верасня. – С.3.

6. Иоффе, Э.Г. Варварский план уничтожения Москвы Гитлер обсуждал в Борисове / Э.Г. Иоффе // Обозреватель. – 2003. – 2 июля. – С. 23.

А.В. ТИМОНОВА

ОСВОБОЖДЕННАЯ БЕЛАРУСЬ (ОСЕНЬ 1943 – ВЕСНА 1945 гг.): «ТЕРРИТОРИЯ КОМАНЧЕЙ»

На протяжении всей Великой Отечественной войны Беларусь оставалась местом, где стреляли и убивали, где задача выжить зачастую оказывалась самой сложной. Стреляли люди в военной форме и в штатском, стреляли во время наступления вермахта летом 1941 г., в годы оккупации, во время освободительных боев осенью 1943 – летом 1944 гг., в послеоккупационное военное время (до мая 1945 г.). В отдельных районах регулярные выстрелы продолжались и в течение первых послевоенных лет.

Период осени 1943 – весны 1945 гг. интересен тем, что на фоне прочих этапов Великой Отечественной войны он относительно мало изучен, а также тем, что для гражданского населения БССР этот период стал переходным от военной (точнее, оккупационной) повседневности к повседневности мирного характера, в которой, однако, продолжали звучать выстрелы, взрывы и продолжали погибать люди. Нашей целью стало следующее: суммировать все те «факторы риска», которые продолжали создавать опасность для гражданского населения уже освобожденных территорий БССР. Основным объектом исследования стало сельское население, что неудивительно: на 1 января 1945 г. оно составляло 5200,8 тыс. чел., или 83 % населения республики [1, с. 9].

«Территория команчей» – своеобразный термин из профессионального жаргона саперов и военных журналистов, который расшифровывался одним из них следующим образом: «территория команчей – это место, где инстинкт подсказывает тебе, что нужно притормозить и дать задний ход. Это место, где дороги безлюдны, а вместо домов обгоревшие развалины; где всегда сумерки, и, плотно прижавшись к стене, ты пробираешься вперед, туда, где стреляют... Территория команчей – это место, ...где ты знаешь, что за тобой наблюдают,

хотя сам никого не видишь. Где ты не видишь снайперских винтовок, но чувствуешь, что тебя держат на прицеле» [2, с. 16].

Факторы, из которых складывалась эта «территория команчей», в послеоккупационный военный период в Беларуси сводились к следующим: 1) линия фронта, проходившая по территории БССР в течение осени 1943 – лета 1944 гг.; 2) наличие в земле большого количества оружия, мин, патронов, гранат и прочих боеприпасов вследствие боевых действий, что позволяло без труда вооружаться практически каждому желающему; 3) активизация уголовного элемента и облегчение условий для краж и налетов; 4) дезертирство военнослужащих Красной Армии и переход части их на путь мародерства и грабежей; 5) деятельность во многих отдельных районах (как правило, западных, северо-западных и южных) БССР антисоветских вооруженных группировок Армии Крайовой (АК), Украинской Повстанческой армии (УПА), Армии освобождения Литвы (ЛЛА); 6) нахождение на освобожденной территории республики остатков окруженных группировок вермахта, Русской освободительной армии и пр.

Хронологически послеоккупационный военный период для Беларуси можно подразделить на два, которых отличало следующее:

• Период с сентября 1943 г. по июнь 1944 г. характеризовался следующим: приблизительно 1/5 часть территории БССР была освобождена. Все это время по республике проходила линия фронта, которая стабилизировалась к апрелю 1944 г. и оставалась практически неизменной до старта операции «Багратион».

• Период с июля 1944 г. по август 1945 г. отличался тем, что вся территория республики была освобождена и из прифронтовой зоны превратилась в зону глубокого тыла Красной Армии. Однако линия западной границы БССР оставалась фактически неопределенной до лета 1945 г. (была окончательно обозначена в ходе Потсдамской мирной конференции). В этот период активизировалась деятельность подпольных антисоветских вооруженных формирований, целью которых было либо воссоздание Польши в границах до 1939 г., либо создание независимой Западной Украины (стремление к последнему выражалось иногда даже в указании гражданами адреса на письмах – «Западная УССР» [3, л. 27]), либо создание независимой Литвы и присоединение к ней территорий БССР с этнически литовским населением).

Положение сельского населения (в том числе по «факторам риска») имело очень, кроме хронологических, сильные региональные отличия. В западных районах, присоединенных к Беларуси только осенью 1939 г., действовало гораздо больше антисоветских вооруженных группировок, имевших не столько уголовную, сколько политическую окраску. В восточных и центральных районах силы такого характера ограничивались мелкими группами бывших полицейских, скомпрометировавших себя службой на стороне оккупантов с оружием в руках, а также оказавшихся в окружении бывших бойцов РОА (т.н.

Русской Освободительной армии под командованием А.А. Власова) и прочих созданных гитлеровцами коллаборационистских формирований.

Сельское население оказывалось наиболее уязвимым для нападений со стороны практически любой из этих сил: основные нападения и террористические акты совершались именно в деревнях, селах, на хуторах; именно здесь нападавшие старались добывать себе еду и одежду. Писатель В. Богомолов в своем знаменитейшем романе характеризовал ситуацию в западных районах республики изумительно точно: «Помимо официальных сил, были весьма действенные нелегальные. Во время оккупации в лесах хозяйничали партизаны, теперь же рыскали различные банды, остаточные группы немцев, встречались и мелкие шайки обыкновенных дезертиров. В действиях враждебных нелегальных сил было и общее – внезапность появления, жестокость, пренебрежение человеческими жизнями. Имелись и свои особенности. Аковцы ...убивали в первую очередь военнослужащих, ввязывались в бои даже с небольшими подразделениями Красной Армии. «Зеленые» – банды литовских националистов – ...расправлялись с коммунистами и сельсоветчиками, вырезая подчас без разбору целые семьи, грабили нещадно крестьян. Немцы и власовцы были осторожны, в деревни обычно не заходили, нападали только в лесах, на глухих дорогах и на хуторах, не оставляя в живых, однако, ни одного свидетеля: они старались себя не обнаружить. Со всеми этими страшными силами местные жители оказывались, как правило, один на один: они пребывали в постоянном страхе перед любым пришельцем, ожидая от каждого только насилия, ограбления или смерти и не без основания полагая, что *короткий язык – хоть какой-то залог личной безопасности*. Форма же их едва ли в чем-то убеждала, поскольку красноармейское обмундирование использовали и аковцы, и «зеленые», и власовцы, и даже немцы» [4, с. 152].

С проявлениями бандитизма (уголовного и политического – **А.Т.**) население и власти сталкивались сразу – по мере освобождения территории БССР. По сведениям районных отделов НКВД и НКГБ, осенью 1943 – зимой 1944 гг. группировки бывших полицейских активно устраивали грабежи и налеты в Климовичском и Мстиславльском районах (Могилевской области) [5, л. 5]. Летом 1944 – весной 1945 г. – в Борисовском, Гресском районах Минской области. Деревни южных районов Полесской области (Лельчицкий, Туровский, Ельский, Житковичский, Наровлянский) становились часто объектами нападений со стороны отрядов УПА [6]. В освобожденных районах Могилевской, Витебской, Гомельской областей фиксировалось появление вооруженных людей в советской и немецкой военной форме, которые выдавали себя за партизан, однако проверить их личности не всегда удавалось.

В ряде местностей выдававшие себя за партизан бандиты появлялись с оружием в руках в деревнях, силой заставляли объединяться в колхозы и платить им лично все налоги, отбирали документы, чинили насилие, грабежи,

убийства: примеры зафиксированы во многих районах Минской, Гомельской, Полесской, Пинской, Гродненской и Молодечненской областей. К сожалению, всегда находились люди, «которые выбирали для себя форму поведения, укладывавшуюся в такую формулировку: если подлость приносит выгоду, то уж лучше быть подлецами, чем жертвами, которых гонят на убой» [2, с. 115].

Еще одним «фактором риска» для сельского населения освобожденных районов БССР становилось дезертирство из рядов Красной Армии: только в освобожденных районах Полесской области в течение 6 апреля – 7 августа 1944 г. было направлено в штрафные роты РККА 76 дезертиров от 1 до 4 месяцев [7, л. 42]. Однако военнослужащие дезертировали, как правило, с оружием в руках, и иного пути, кроме грабежей, для добывания провизии и одежды им не оставалось. В Петриковском районе Полесской области в сентябре 1944 г. было зафиксировано нападение двоих мужчин в советской военной форме на знаменитого «деда» – В.И. Талаша [8, л. 115].

После полного освобождения БССР появилась новая проблема – т.н. «отходничество», косвенные последствия которой повлекли новую опасность для жителей деревень, особенно в западных районах. «Отходничеством» называли процесс «отхода» части сельского населения восточных и центральных областей Беларуси в западные, которые были более зажиточные, на заработки. Однако везло не всем: кому-то действительно удавалось заработать в крупном хозяйстве и даже купить и пригнать в родную деревню корову или коня, кому-то случалось наняться просто за еду и ночлег. Однако обратной стороной отходничества стало сбивание отдельных не очень удачливых охотников за заработком в шайки и банды, вооружиться которым на местах недавних боев не составляло никакого труда. Вследствие этого участились грабежи на дорогах.

Действия УПА в восточных районах БССР (Полесской области, см. выше) носили не столь кровавый характер, как в западных. Однако грабежи, поджоги, погромы наносили крестьянам серьезный ущерб. Рядовых крестьян трогали редко, однако убивали советских активистов (также бывших из местных жителей), также лесников, объездчиков, сжигали документы сельсоветов, освобождали арестованных советской милицией своих соратников. В западных и юго-западных районах же противостояние антисоветских вооруженных формирований и внутренних войск НКВД и истребительных отрядов приобрело характер настоящей войны. Крестьяне оказывались в эпицентре этих событий. В случае поддержки советских преобразований они могли стать жертвами отрядов АК, УПА и прочих. В случае примыкания к антисоветским отрядам и материальной их поддержки – подвергнуться репрессиям со стороны НКВД. Также они могли просто пострадать в ходе чекистско-войсковой операции или стать жертвами грабежа и насилия. Документы сохранили имена рядовых крестьян, ставших жертвами боевиков различных антисоветских вооруженных групп. Всего нам удалось установить 302 сельских активиста, рядовых крестьян и членов их семей, погибших от рук боевиков летом 1944 – весной 1945 гг.: в

том числе в Ивьевском районе – 54, в Лидском – 90, в Гродненском, Сопоцкинском и Скидельском (территория современного Гродненского района– А.Т.) –36, в Ивановском –20, Столинском –15, Пинском –12. Всего в БССР только за 1944 г. было совершено 574 бандитских проявления, 222 теракта, 11 диверсий и 75 других тяжких преступлений [9, с. 216]. На 1 января 1945 г. по шести западным областям разыскивалось 82 бандгруппы общей численностью 2385 человек, плюс 1132 дезертира Красной Армии и 6299 уклоняющихся от призыва [9, с. 226]. Таким образом, жители сельской местности в БССР после полного освобождения территории от нацистской оккупации и до самого конца Великой Отечественной войны в отдельных районах, фактически продолжали оставаться на линии фронта, в зоне активного вооруженного противостояния. Потому неудивительны просьбы жителей отдельных сельсоветов Пинской области, бывших партизан, разрешить им и после демобилизации носить оружие, поскольку жить без оружия в их местности, в условиях нападений отрядов УПА и простых уголовников, было очень опасно [10, л. 51]. Ничего странного не было и в том, что, несмотря на приказ сдавать оружие и запретить ношение оружия без разрешения властей, многие жители деревень, и особенно отдаленных хуторов (в Молодечненской и Пинской областях) старались сохранить оружие, вплоть до пулеметов, чтобы иметь возможность защитить свою семью и свой дом от грабителей или боевиков антисоветских подпольных организаций – особенно в том случае, если не поддерживали эти организации.

Оставался последний «фактор риска» – тот, который неизбежен в любой ситуации, однако оставался особенно актуальным именно в условиях послевоенной разрухи и обилия бросовых боеприпасов: фактор бытового травматизма. Отсутствие элементарных бытовых удобств и жилья вынуждало людей готовить пищу и греть воду на открытом огне – что влекло за собой пожары. Последствия боевых действий продолжали сказываться на протяжении всего послеоккупационного периода и первых послевоенных лет (а иногда и в наши дни) в виде оставшихся неразминированными минных полей, а также обнаруживавшихся в земле неразорвавшихся бомб и гранат; все это делало смертельно опасным в первую очередь крестьянский труд. Часто в результате игр с оружием получали травмы и гибли дети. То же происходило и со взрослыми, например, в случаях растапливания печей порохом. Пожары и жертвы могла повлечь беспорядочная стрельба зажигательными пулями из пистолетов в праздничные дни или просто – если обладатель оружия находился в нетрезвом состоянии [11, лл. 161–162].

Жизнь на освобожденной территории БССР на протяжении всего послеоккупационного военного периода продолжала быть смертельно опасной для гражданского населения – в силу всей совокупности факторов, освещенных нами в данной публикации. И изучение этих факторов, в особенности способов борьбы с ними и их ликвидации, представляется очень важным для предотвращения подобных проявлений в нашей неспокойной, хоть и мирной жизни.

1. Освобожденная Беларусь: документы и материалы. В 2 кн.: Кн. 2. Январь – декабрь 1945 г. / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 504 с.

2. Перес-Реверте А. Территория команчей / А. Перес-Реверте / пер. с исп. Н. Матяш. – М.: Эксмо, 2004. – 165 с.

3. ГАРФ. – Ф. Р-9526. – Оп. 1. – Д. 12. – Переписка с ответами на письма по розыску советских граждан. 1 ноября – 15 декабря 1944 г.

4. Богомолов В.И. Момент истины (В августе сорок четвертого) / В.И. Богомолов. – М.: Молодая гвардия, 1985 . – 543 с.

5. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМогО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 6. – Переписки с партийными, советскими и военными организациями по вопросам взаимопомощи в восстановительных и сельскохозяйственных работах, борьбы с мародерством и незаконным ношением оружия.

6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГомО). – Ф. 702. – оп. 13. – д. 101. – Переписка Полесского обкома КП(б)Б с органами НКВД и НКГБ по вопросам безнадзорности и беспризорности детей, нетактичного поведения отдельных коммунистов, отчет о работе военного трибунала.

7. ГАООГомО. – Ф. 702. – Оп. 13. – Д. 14. – Переписка с Белорусским военным округом, областными и районными военкоматами о постановке мобилизационной работы в Полесской области.

8. ГАООГомО. – Ф. 702. – Оп. 13. – Д. 28. – Докладные записки Полесского обкома КП(б)Б в ЦК КП(б)Б о появлении банд в Полесской области.

9. Память: Внутренние войска МВД РБ: историко-документальная хроника / А.М. Литвин; под ред. В.Г. Рожнева. – Минск: ФУАинформ, 2008. – 448 с.

10. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 7581п. – Оп. 3. – Д. 89. – Переписка Пинского обкома КП(б)Б с ЦК и райкомами КП(б)Б по вопросам борьбы с бандитизмом, дезертирством и т.д. 4 января – 28 августа 1945 г.

11. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Ф. 1п. – Оп. 2. – Д. 68. – Спецсообщения Минского областного управления НКВД, НКГБ, милиции и прокуратуры. 2 января – 30 декабря 1945 г.

И.В. ФРОЛОВА, Л.М. ХРАМЕНКОВА

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БЫКОВА

Кроме исторической науки, восстанавливающей более или менее полную картину минувшего, есть еще искусство и литература, своими путями идущие к постижению происходившего с человеком и целыми народами. Произведения о

Великой Отечественной войне занимают в литературе особое место. Лирическая летопись великой войны начала создаваться в июне сорок первого, продолжается она и поныне, запечатлевая то, как в национальном сознании складывается образ беспримерных событий, затронувших всех.

В одном из последних своих интервью В.Г. Распутин, размышляя о традициях народов, их судьбах в современных условиях, убежденно сказал: «Сколько в человеке памяти, столько в нем и человека». Природа мудра. Она так выстроила путь человеческой жизни, чтобы не ослабевала и не рвалась нить, объединяющая и соединяющая поколения. Храня теплую память о прошлом, мы сохраняем чувство ответственности за Родину, укрепляем веру в силу своего народа, ценность и неповторимость его истории. Поэтому велика и ничем не заменима роль художественной литературы в нравственно–патриотическом воспитании новых поколений. Сложно и многогранно ее воздействие на формирование у молодого гражданина исторической памяти.

Современная литература углубленно и пристально всматривается в героические эпохи истории нашего народа, в духовные и нравственные корни наших реальных достижений, показывает высокий нравственный потенциал человека. В ней активно разрабатывается тема морали, нравственных исканий. Но особенно, пожалуй, значительны здесь достижения в прозе о войне [4]. Именно война с ее трагизмом и героизмом, с ее нечеловечески тяжелой повседневностью, с предельной поляризацией добра и зла, с ее кризисными ситуациями, в которые то и дело попадает человек и в которых, наиболее ярко высвечиваются его основные человеческие качества, дает художникам слова богатейший материал для освещения нравственных, этических проблем [3]. На войне шла настоящая проверка личности на подлинность. Именно этим объясняется расцвет советской литературы в военное и послевоенное время.

Проблемам человека на войне, мужественности и героизму воинов и партизан в чрезвычайных ситуациях посвящены практически все произведения белорусского, советского писателя Василия Быкова. В. Быков пришел в литературу, чувствуя себя обязанным рассказать о том, насколько тяжела была минувшая война, какие героические усилия миллионов людей потребовались для того, чтобы добыть победу в огне ожесточенных боев. И само это чувство, которое определяет внутренний пафос всех военных произведений писателя, и его гуманистическая страстность, нравственный максимализм, бескомпромиссная правдивость в изображении войны имеют глубокую связь с тем, что В. Быков действительно пишет от имени поколения своих ровесников, и вообще фронтовиков, не только тех, которые остались живыми, но и тех, которые отдали свою жизнь ради победы над фашизмом [3].

Василь Быков – семнадцатилетний участник войны, писатель, размышляющий в своих произведениях о человеке, о его поведении на войне, о долге и чести, которыми руководствуется каждый герой его произведений. Уже в первой своей повести «Журавлиный крик» (1960) на примере нескольких солдат, которые остались прикрывать отступление своего батальона, автор

осмысливает трагедию войны, ее влияние на человеческую судьбу. В 1962 г. увидела свет повесть «Третья ракета», которая показала, что в личности автора зреет писатель высокого таланта. Эта повесть была удостоена Государственной премии БССР имени Якуба Коласа.

В повести «Мертвым не больно» (1965) автор ярко показал трагические фронтовые события зимы 1944 г. под Кировоградом. Партийная пропаганда восприняла повесть как попытку автора показать войну односторонне, увести читателя от верных ориентиров в осознании жизни страны в сложное для нее историческое время. В конце 60-х гг. В. Быков обращается к показу партизанской и подпольной борьбы народа. Появился цикл «партизанских» повестей: «Круглянский мост»(1969), «Сотников» (1970), «Обелиск» (1971), «Волчья стая» (1974), «Пойти и не вернуться» (1979), «Знак беды» (1984).

В произведениях Быкова мало батальных сцен, эффектных исторических событий, но зато ему удается с потрясающей глубиной передать ощущения рядового солдата на большой войне. На примере самых стратегически незначительных ситуаций автор дает ответы на сложные вопросы войны, обращается к проблемам нравственного выбора героя на войне, а также подлинного и мнимого героизма. Писатель дает художественное исследование моральных основ человеческого поведения в их социальной и идеологической обусловленности [4].

Василь Быков строит сюжеты только на драматических моментах войны местного, как говорят, значения с участием простых солдат. Шаг за шагом, анализируя мотивы поведения солдат в экстремальных ситуациях, писатель докапывается до глубин психологических состояний и переживаний своих героев. Это качество прозы Быкова отличает его уже в самых ранних работах. В каждой новой повести писатель ставит своих героев в еще более сложные ситуации. Объединяет героев лишь то, что их действия нельзя оценивать однозначно.

Одним из самых значимых произведений писателя является повесть «Сотников». Сюжет повести психологически закручен так, что критики сбились с толку в оценке поведения героев Быкова. А событий в повести почти никаких нет. Критикам было от чего растеряться: главный герой – предатель?! На самом деле сюжет повести прост: два партизана Сотников и Рыбак отправляются в деревню на задание – добыть овцу для пропитания отряда. До этого герои почти не знали друг друга, хотя успели повоевать и даже выручили друг друга в одном бою. Сотников не совсем здоров и вполне мог бы уклониться от, в общем-то, пустякового задания, но он чувствует себя недостаточно своим среди партизан и поэтому все же вызывается идти. Этим он как бы хочет показать боевым товарищам, что не чурается «грязной работы».

Два партизана по-разному реагируют на предстоящую опасность, и читателю кажется, что сильный и сообразительный Рыбак более подготовлен к совершению отважного поступка, нежели хилый и больной Сотников. Но если Рыбак, который всю свою жизнь «ухитрялся найти какой-нибудь выход»,

внутренне уже готов к тому, чтобы совершить предательство, то Сотников до последнего дыхания остается верным долгу человека и гражданина: «Что ж, надо было собрать в себе последние силы, чтобы с достоинством встретить смерть... Иначе, зачем тогда жизнь? Слишком нелегко достается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу» [2, с. 5,4,3].

В повести сталкиваются не представители двух разных миров, а люди одной страны. Герои повести – Сотников и Рыбак – в обычных условиях, возможно, и не проявили бы свою истинную натуру. Но во время войны Сотников с честью проходит через тяжелые испытания и принимает смерть, не отрекаясь от своих убеждений, а Рыбак перед лицом смерти меняет свои убеждения, предает Родину, спасая свою жизнь, которая после предательства теряет всякую цену. Он фактически становится врагом. Именно перед лицом смерти человек остается таким, каков он есть на самом деле. Здесь проверяется глубина его убеждений, его гражданская стойкость.

В последние минуты жизни Сотников неожиданно утратил свою уверенность в праве требовать от других того же, чего он требует от себя. Рыбак стал для него не сволочью, а просто старшиной, который как гражданин и человек не добрал чего-то. Сотников не искал сочувствия в толпе, окружавшей место казни. Он не хотел, чтобы о нем плохо думали, и разозлился только на выполнявшего обязанности палача Рыбака. Рыбак извиняется: «Прости, брат». «Пошел ты к черту!» – следует ответ [2,с. 5,6, 2].

Характеры героев проявляются медленно. Рыбак становится нам неприятен, вызывает ненависть, так как он способен на предательство. Сотников же открывается как натура волевая, мужественная. Писатель гордится Сотниковым. Долг перед Родиной, перед людьми, как главнейшее проявление собственного Я – вот на что обращает внимание автор. Сознание долга, человеческое достоинство, солдатская честь, любовь к людям - такие ценности существуют для Сотникова. Именно о людях, попавших в беду, думает он. Герой жертвует собой, зная о том, что жизнь – единственная реальная ценность. А у Рыбака была просто жажда жизни. И главное для него – выжить любой ценой. У Рыбака много достоинств: ему свойственно чувство товарищества, он сочувствует заболевшему Сотникову, делится с ним остатками пареной ржи, в бою ведет себя достойно. Но как же случилось, что он становится предателем и участвует в казни своего товарища? Находясь со всеми в строю, он добросовестно несет все тяготы партизанской жизни, глубоко не задумываясь ни о жизни, ни о смерти. Долг, честь – эти категории не тревожат его душу. Столкнувшись же один на один с бесчеловечными обстоятельствами, он оказывается духовно слабым человеком. Если Сотников думал только о том, как умереть достойно, то Рыбак хитрит, обманывает себя и в результате сдается врагам. Он считает, что в минуты опасности каждый думает только о себе.

Сотников, несмотря на неудачи: плен, побег, затем опять плен, побег, а потом партизанский отряд, не ожесточился, не стал равнодушным к людям, а сохранил в себе верность, ответственность, любовь. Автор не обращает

внимание на то, как однажды в бою Сотников спасает жизнь Рыбаку, как больной Сотников все же идет на задание. Отказаться Сотников не мог, так как это противоречило его жизненным принципам. В последнюю ночь своей жизни герой вспоминает юность. Ложь отцу в детстве стала для него уроком мук совести. Поэтому герой строго судит себя и держит ответ перед совестью. Он остался человеком в жестоких условиях войны, остался верным своим нравственным принципам. В этом фактически и заключается подвиг Сотникова [2].

В чем глубина творчества писателя Быкова? В том, что он и предателю Рыбаку оставил возможность иного пути даже после такого тяжкого преступления. Это и продолжение борьбы с врагом, и исповедальное признание в своем предательстве. Писатель оставил своему герою возможность покаяния, возможность, которую чаще дает человеку Бог, а не человек. Писатель, по-видимому, предполагал, что и эту вину можно искупить.

Творчество В. Быкова трагично по своему звучанию, как трагична сама война, унесшая десятки миллионов человеческих жизней. Но писатель рассказывает о людях сильных духом, способных встать над обстоятельствами и самой смертью. Произведение проникнуто раздумьями о жизни и смерти, о человеческом долге и гуманизме, которые несовместимы с любым проявлением эгоизма. Углубленный психологический анализ каждого поступка и жеста героев, мимолетной мысли или реплик – одна из самых сильных сторон повести «Сотников» [1].

Папа Римский вручил писателю В.Быкову за повесть «Сотников» специальный приз католической церкви. Этот факт говорит о том, какое нравственное общечеловеческое начало усматривается в этом произведении. Огромная нравственная сила Сотникова состоит в том, что он сумел принять страдания за свой народ, сумел сохранить веру, не поддаться той низменной мысли, которой поддался Рыбак: «Все равно сейчас смерть не имеет смысла, она ничего не изменит» [2, с. 5,2,8]. Это не так – страдания за народ, за веру всегда имеют смысл для человечества. Подвиг вселяет нравственную силу в других людей, сохраняет в них веру. Другая причина, по которой приз церкви был вручен автору «Сотникова» кроется в том, что религия всегда проповедует идею понимания и прощения. Действительно, осудить Рыбака легче легкого, но чтобы иметь полное право на это, надо, по крайней мере, оказаться на месте этого человека. Конечно, Рыбак достоин осуждения, но существуют общечеловеческие принципы, которые призывают воздержаться от безоговорочного осуждения даже за такие тяжкие преступления.

XX век вошел в историю как время грандиозных исторических и культурных потрясений, период надежд и разочарований. Для сознания людей было характерно не только отрицание несовершенной действительности, но и нарастание сомнений в возможности близкого обновления. Трагические предчувствия, мрачный взгляд на перспективы человека отражены и в прозе Василя Быкова. Писатель постоянно обращался к сложным нравственным

философским проблемам. В свое время В.Быков довольно серьезно увлекался толстовской теорией непротивления злу насилием. Наверно отсюда ему присущ интерес ко всему запредельному и вечному. По мироощущению Быкову ближе всех является А.П. Чехов. Именно Чехов предвосхитил новое столетие, проявив интерес к жизни обычного человека, не маленького или великого, а среднего. Не менее существенным для творчества Быкова является и его обращение к опыту Ф.М. Достоевского. Прежде всего, это проявляется в постановке главных вопросов человеческого бытия [1].

Проза В.Быкова многогранна и разнообразна по жанрам. Но именно в произведениях о Великой Отечественной войне он достиг больших творческих и человеческих вершин.

1. Бугаев, Д. Василий Быков: Очерк жизни и творчества /Д. Бугаев. —Мн.: 1987.

2. Василь Быков. Повести. — Мн.: 1985.

3. Грамадчанка, Т.К. Перад праўдай высокай і вечнай: Беларуская проза сёння /Т.К. Грамадчанка. —Мн., 1991.

4. Дзюбайла, П.К. У пошуках духоўных каштоўнасцей: Беларуская проза сёння/ П.К. Дзюбайла.— Мн., 1987.

А.В. ШАРКОВ

ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НКВД НА ТЕРРИТОРИИ БССР в 1944-1946 гг.

Победа над нацистской Германией привела в движение народы. Сотни тысяч узников, перемещенных лиц, унесенных ураганом войны в чужие края, потянулись домой, еще не ведая о том, что для многих из них Победа означала продолжение страданий. На Родине их ждали недоверие, жестокие допросы, тюремные застенки НКВД, далекие ссылки.

Еще до триумфального завершения войны на западе советское руководство предприняло соответствующие меры, связанные с репатриацией населения. Так, в одной из майских директив, подписанных И.В. Сталиным, предписывалось: «Командующим войсками 1 и 2-го Белорусских, 1, 2, 3 и 4-го Украинского фронтов. Тов. Берия, тов. Меркулову, тов. Абакумову, тов. Голикову, тов. Хрулеву, тов. Голубеву.

Военным Советам фронтов сформировать в тыловых районах лагери для размещения и содержания бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан на 10000 чел. каждый лагерь. Всего сформировать: во 2-м Белорусском фронте 15, в 1-м Белорусском фронте – 30, в 1-м Украинском фронте –30, в 4-м украинском фронте – 5, во 2-м Украинском фронте – 10, в 3-м Украинском фронте – 10 лагерей...

Проверку возложить: бывших военнослужащих Красной Армии – на органы контрразведки «Смерш», гражданских лиц - на комиссии НКВД, НКГБ, «Смерш ...» [1].

Сто лагерей. Кроме полицаев, перебежчиков в этой массе людей, направленных в лагеря – большинство тех, кто в трагические первые месяцы войны оказался в окружении, другие вывезены на рабские работы в Германию, так называемые «восточные рабочие» – советские граждане, чей труд в годы войны добровольно или принудительно использовался противником на своей территории. По мнению специалистов, общее число военнослужащих, попавших в плен в период войны, составило 5,7 – 5,75 млн. чел., в том числе 150 тыс. офицеров и 60 генералов [2]. Кроме того, по не полным данным, всего за годы войны противником из СССР было депортировано 4829 тыс. советских граждан. Около 205 тыс. выехали из страны советов добровольно [3]. Немало гражданского населения бежало вместе с немецкой армией, опасаясь преследования за сотрудничество с ними и участие в деятельности оккупационных органов. Таким образом, в чужих краях оказалось значительное количество советских граждан, в отношении которых предстояла большая работа, сопряженная со специальными мероприятиями по возвращению их на Родину.

Первое официальное решение ГКО по вопросу репатриации было принято в конце лета 1944 г. «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам *оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»*. Следующим важным шагом в этом направлении было назначение 4 октября 1944 г. на должность Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и других оккупированных ею стран генерал-полковника Ф.И. Голикова, его заместителей – генерал-полковника И.В. Смородинова, генерал-лейтенанта К.Д. Голубева и создание 23 октября того же года Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран.

Важным звеном в системе репатриации являлись соответствующие органы на местах, обеспечивающие прием, размещение, трудовое и хозяйственно-бытовое устройство репатриантов непосредственно в СССР. В феврале – марте 1945 г. органы репатриации были созданы во всех семи затронутых оккупацией союзных республиках, в том числе и в Беларуси. Так, в августе 1944 г. при Совнаркоме БССР был создан отдел по приему и устройству граждан, возвращающихся из освобожденных Красной Армией территорий, который с 15 января 1945 г. был реорганизован в отдел СНК БССР по делам репатриации граждан СССР, а 22 января 1946 г. – в отдел переселения и репатриации. Возглавлял эти структуры И.П. Барков. Соответственно в облисполкомах имелись отделы по репатриации (12 отделов) во главе с одним из заместителей председателя облисполкома. Кроме того, для оказания помощи репатриируемым были созданы республиканские областные и районные

комиссии, а также сеть приемно-распределительных пунктов (ПРП). В состав комиссий входили представители Наркомата внутренних дел. Так, в Беларуси в состав республиканской комиссии были включены заместители наркома НКВД БССР Карпов и Берзин, а в областные и районные комиссии - соответственно представители областных и районных отделов НКВД [4].

Согласно директивным указаниям Ф.И. Голикова от 23 октября 1944 г. при Военных Советах фронтов начали создаваться оперативные группы по репатриации, реорганизованные позднее в отделы, а затем Управления по репатриации при Военных Советах Центральной группы и группы советских оккупационных войск в Германии. В составе 1-го Прибалтийского, 1, 2, 3-го Белорусских, 1, 2 и 4-го Украинских фронтов формировались фронтовые сборные и сборно-пересыльные пункты (СПП) и лагеря. Армейские СПП занимались в основном бывшими военнопленными, фронтовые – гражданскими лицами. Для упорядочения этого процесса Управление выделяло на каждый фронт своих представителей, в задачу которых входило выявление всех советских граждан, их учет и регистрация с последующим направлением на Родину организованным порядком.

Именно армейские и фронтовые СПП приняли на себя всю первую тяжесть работы по репатриации. Командиры передовых частей и частей охраны фронтового тыла, дорожные части фронтов и армий, а также военные коменданты и местная администрация занимались оповещением и сбором репатриантов, их направлением и размещением в лагерях (СПП). На них возлагалась оказание медико-санитарной помощи репатриантам, их материальное обеспечение (питание, для нуждающихся – одежда и обувь). Они также занимались политико-воспитательной работой среди репатриантов (в том числе боевой и политической подготовкой тех из них, кто еще не вышел из призывного возраста, а также школьным процессом – для тех, кто еще призывного возраста не достиг); подготовкой и отправкой репатриантов по назначению (формирование подразделений из бывших военнослужащих и военнообязанных призывных возрастов, организация среди гражданского населения «сотен» и «десяток», направляемых по республикам, областям и т.д.). Для сбора и сопровождения репатриантов, помимо малочисленных взводов охраны (по 24 чел. на каждый СПП), использовались и другие военнослужащие, но, как правило, под руководством офицеров репатриации. Политическая же проверка и регистрация граждан на предмет выявления среди них «власовцев», полицейских и других немецких пособников, проводилась специальными группами органов НКВД и «Смерш». В системе НКВД весной 1945 г. был создан специальный, отдел «Ф» под началом генерала П.А. Судоплатова, ответственный за всю деятельность по проверке и фильтрации советских и зарубежных репатриантов (отдел был ликвидирован в августе 1945 г.) [5].

В соответствии с совместными директивами Начальника тыла Красной Армии генерала армии А.В. Хрулева и Уполномоченного СНК СССР по делам

репатриации Ф.И. Голикова за №№ 1/1240645с и 1240646с от 18 января 1945 г. репатриантов предписывалось дифференцировать по следующим категориям:

*бывшие военнопленные (рядовой и сержантский состав), в армейские СПП, а после проверки органами «Смерш» - в армейские и фронтовые запасные части;

*бывшие военнопленные офицеры: в спецлагеря НКВД;

*военнопленные и гражданские, служившие в строевых немецких спецформированиях, власовцы, полицейские и прочие подозрительные в спецлагеря НКВД;

*интернированное гражданское население (то есть остарбайтеры): во фронтовые СПП и пограничные проверочно-фильтрационные пункты НКВД (ПФП); после проверки – мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов, остальные – к месту постоянного местожительства (но с запретом поселения в Москве, Ленинграде и Киеве);

* жители приграничных областей: в ПФП;

* дети-сироты: в детские дома и приюты Наркомпросов и Наркомздравов союзных республик.

Следующим звеном в цепочке лагерной сети, созданной для приема репатриантов, являлись так называемые приграничные лагеря (ПЛ) или приграничные СПП, предназначавшиеся для накопления и последующего распределения по адресам дальнейшего следования репатриантов из войсковых СПП и лагерей. Они размещались, как правило, вблизи государственной границы СССР, в ее западных областях. В общей сложности было создано 35 таких лагерей с лимитом наполнения в 10 тыс. человек каждый, из которых 11 размещалось на территории Беларуси: в Гродно – 3, в Бресте и Березе – по 2, в Мостах, Волковыске, Бронной Горе и на ст. Лесной - по одному [6].

Все советские граждане, освобожденные из фронтовых сборно-пересылочных пунктов и возвращающиеся на Родину, должны были пройти проверку и направлялись к месту жительства через проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) НКВД. Так, в соответствии с приказом НКВД СССР за № 001063 от 28 августа 1944 г. нарком внутренних дел БССР комиссар государственной безопасности С.С. Бельченко издал 30 августа 1944 г. приказ № 00672 «Об организации проверочно-фильтрационных пунктов» [7]. Он поручил начальникам УНКВД по Брестской и бывшей Белостокской областям майору государственной безопасности Овчинникову и подполковнику государственной безопасности Гредасову в пятидневный срок организовать проверочно-фильтрационные пункты на 3 тыс. человек каждый – для приема, проверки и фильтрации бывших военнослужащих Красной Армии и гражданского населения, насильно уведенного немцами, а также по разным причинам оказавшегося за пограничной линией между СССР и Польшей. ПФП предлагалось организовать в городах Брест, Высоко-Литовск, Пружаны, Волковыск и Гродно. Гредасову и Овчинникову через местные органы поручалось добиться выделения и закрепления необходимых помещений,

пригодных для размещения указанных лиц, их довольствия, санобработки и госпитализации, а также получения необходимых строительных материалов, оборудования, инвентаря и рабочей силы. Заместителю наркома внутренних дел БССР полковнику госбезопасности Хоняку в пятидневный срок нужно было укомплектовать штаты ПФП, а Овчинникову и Гредасову по указанию Хоняка из аппарата УНКВД командировать в них сотрудников необходимых категорий.

Начальникам ПФП и соответствующих УНКВД следовало принять незамедлительные меры для получения из штабов тыла фронтов продовольствия, хозинвентаря, автотранспорта и горючего. Начальникам УНКВД по Брестской и бывшей Белостокской областям предлагалось оказать всемерную помощь в доставке полученного на ПФП. Начальник 37-й конвойной дивизии полковник Луговенко должен был 30 августа 1944 г. выслать на проверочно-фильтрационные пункты для их охраны и конвойной службы гарнизоны численностью до роты. А начальник хозяйственного управления подполковник Седловский – выделить на месяц для УНКВД Брестской и бывшей Белостокской областей по одной грузовой автомашине для работы на Волковысском и Пружанском пунктах. Нарком внутренних дел БССР поручил заместителю наркома полковнику госбезопасности Карпову организовать группу численностью 6 человек для оказания помощи в организации проверочно-фильтрационных пунктов сроком на 10 дней, а начальникам УНКВД и ПФП пунктов до прибытия медицинского персонала по договоренности с местными властями использовать медицинский персонал местных медико-санитарных учреждений.

Начальнику хозяйственного управления подполковнику Седловскому предписывалось в пятидневный срок отпечатать в типографии 200 тыс. удостоверений, а начальнику 1-го спецотдела майору госбезопасности Минаеву – немедленно организовать карточный учет проходящих через пункты лиц.

В приказе наркома внутренних дел БССР подчеркивалось, что проверочно-фильтрационные пункты следует организовать не позднее 4 сентября 1944 г., чтобы 4 сентября можно было принять первую партию прибывающих из Польши советских граждан.

Отделу кадров НКВД БССР поручалось выделить в распоряжение заместителя наркома внутренних дел БССР полковника госбезопасности Карпова одного опытного сотрудника для работы по линии проверочно-фильтрационных пунктов в наркомате. Наблюдение за выполнением приказа было возложено на заместителя наркома внутренних дел БССР полковника госбезопасности Карпова [8].

14 мая 1945 года нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия издал приказ № 00474 «О проверке и фильтрации освобождаемых нашими войсками советских граждан на фронтовых сборно-пересыльных пунктах» [9]. Приказ адресовался уполномоченным НКВД СССР по 1-му и 2-му Белорусским фронтам Серову и Цанаве, по 1-му Украинскому фронту Мешику, начальникам

войск НКВД по охране тыла 2-го и 3-го Украинских фронтов Кузнецову и Павлову, заместителю уполномоченного НКВД по 4-му Украинскому фронту Ковальчуку.

В приказе отмечалось, что в целях организации проверки и фильтрации освобожденных союзными войсками и частями Красной Армии советских граждан непосредственно на сборно-пересыльных пунктах фронтов и в лагерях для репатриируемых советских граждан следовало при каждом фронтовом сборно-пересыльном пункте и лагере для репатриируемых советских граждан (из числа гражданских лиц) организовать проверочно-фильтрационные комиссии из представителей НКВД СССР (председатель комиссии), контрразведки НКО СМЕРШ и НКГБ СССР (члены комиссии). В распоряжение каждой комиссии предлагалось направить необходимое количество оперативных работников от НКВД, НКГБ и контрразведки «Смерш».

Проверочно-фильтрационные комиссии были подчинены по 1-му и 2-му Белорусским, по 1-му и 4-му Украинским фронтам – уполномоченным НКВД СССР по фронтам, а по 2-му и 3-му Украинским фронтам – начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов. Председателям комиссий предлагалось отчетность о проведенной работе предоставлять НКВД СССР через уполномоченных НКВД СССР по фронтам, а по 2-му и 3-му Украинским фронтам через начальников войск НКВД по охране тыла фронтов.

Проверочно-фильтрационным комиссиям поручалось проводить работу в точном соответствии с приказом НКВД СССР № 001063 от 28 августа 1944 г. Был установлен срок проверки не более 1-2 месяцев.

Всех проверенных на сборных пунктах предлагалось направлять в соответствии с указанным приказом средствами сборных пунктов и лагерей, репатриируемых в порядке, для них установленном:

а) всех мужчин призывного возраста и бывших военнослужащих Красной Армии, не вызывающих подозрений, в распоряжение военного командования;

б) гражданских лиц, не вызывающих подозрений и не подлежащих направлению в Красную Армию, к месту их постоянного жительства, за исключением жителей пограничной полосы – Литовской ССР, БССР, УССР и Молдавской ССР, которых в места их постоянного жительства следовало направлять только через соответствующие пограничные проверочно-фильтрационные пункты. По месту жительства в гг. Москву, Ленинград и Киев, а также в населенные пункты, входящие в режимную зону вокруг этих городов, предлагалось не направлять проверяемых, если они утратили бытовые связи (семейные и жилищные) в этих городах;

в) бывших военнослужащих Красной Армии и мужчин призывных возрастов, служивших в немецких воинских формированиях, полиции и «власовских» частях, направлять в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД для дальнейшей их проверки;

г) лиц, в отношении которых были получены достаточные данные об их вражеской работе, следовало арестовывать и направлять в соответствующие

органы НКВД-НКГБ или НКО «Смерш» по месту совершения преступления или постоянного жительства для ведения следствия. Соответственно этому заведенные проверочно-фильтрационные дела на каждого репатрианта из советских граждан предлагалось передать по принадлежности, руководствуясь инструкцией, приложенной к приказу НКВД СССР № 001063 от 28 августа 1944 г.;

д) остальные лица, вызывающие подозрение, но не подвергаемые аресту в связи с недостаточностью материалов, направлялись также по месту постоянного жительства с пересылкой личных фильтрационных дел в соответствующие органы НКВД для взятия на оперативный учет и под агентурное наблюдение [10].

Деятельность проверочно-фильтрационных комиссий, а также последующая оперативно-следственная разработка была нацелена на разоблачение гласных и негласных сотрудников гитлеровских карательных органов, завербованной немцами агентуры для работы в концлагерях, участников антисоветских организаций и вооруженных формирований, ставленников и пособников оккупантов. В ходе проверки репатрианты тщательно опрашивались об обстоятельствах выбытия из родных мест и нахождения на территории противника. Затем, в случае необходимости, опрашивались свидетели и наводились справки из официальных и неофициальных источников. При этом выявленные участники антисоветских организаций подлежали передаче в органы госбезопасности; предатели, ставленники, пособники оккупантов и т.п. – в органы внутренних дел. Следствие по делам арестованных преследовало разоблачение практической «вражеской работы», выявление скрывшихся сообщников, антисоветского подполья и агентуры противника.

Даже при благоприятном исходе фильтрации лица рассматриваемой категории после постановки на общесправочный учет в 1-м Спецотделе НКВД СССР (позволявшем осуществлять оперативную разработку и в последующем) вместо паспорта получали временное удостоверение установленного образца с правом проживания только в данной местности, без права выезда за ее пределы. В аналогичном порядке проверке подлежали побывавшие в плену солдаты и офицеры РККА, непригодные к военной службе.

Нетрудоспособные (инвалиды, неизлечимые больные, беременные женщины, женщины с малолетними детьми и старики), согласно директиве НКВД СССР от 1 августа 1945 г., выделялись в особые группы, на фильтрацию которых отводился 20-дневный срок. При отсутствии конкретных материалов об их преступной деятельности они отправлялись к постоянному месту жительства, после чего их окончательной проверкой занимались уже местные органы внутренних дел и госбезопасности.

18 июня 1945 г., директивой НКВД СССР «Об учете и распределении спецконтингента, подлежащего проверке в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД», оперативной разработке в связи с их пособничеством гитлеровцам подлежали гражданские лица, служившие сельскими старостами,

рядовыми полицейскими, участниками «народной стражи», «народной милиции» и т. п. структур оккупационной администрации. Согласно совместной директиве наркомов внутренних дел и госбезопасности СССР от 24 ноября 1945 г. оперативный списочный учет осуществлялся в отношении лишь тех, не ушедших с отступающим вермахтом полицейских, в отношении которых имелись компрматериалы об активном пособничестве врагу.

Составляющими процесса фильтрации лиц рассматриваемой категории являлись: а) проверка лица по розыскным спискам 2-го управления НКГБ СССР, ГУКР СМЕРШ НКО СССР, а также циркулярам, объявленным 1-м Спецотделом НКВД СССР; б) тщательный допрос проверяемого и знающих его свидетелей; в) агентурная разработка проверяемых; г) в случае необходимости – направление запросов в органы НКГБ-НКВД по месту постоянного жительства, работы либо преступной деятельности проверяемого в период оккупации противником соответствующей территории СССР.

Параллельно, в ходе допросов, у проверяемых собирались сведения на известных им лиц, причастных к организации и деятельности карательных органов противника и антисоветских формирований. По возможности из их среды подбирались «добровольные помощники» для негласной разработки остального контингента. Агентурная разработка являлась наиболее эффективным средством выявления разоблачения лиц, причастных к совершению злодеяний на оккупированной территории. По окончании проверки личные фильтрационные дела сдавались на хранение в архивы 1-х спецотделов соответствующих региональных НКВД-УНКВД Лица, прошедшие проверку, ставились на общесправочный учет. В случае возбуждения уголовного преследования необходимые материалы могли приобщаться к следственным делам.

Наиболее многочисленную группу советских граждан, потенциально причастных к гитлеровским злодеяниям, составляли лица, принимавшие участие в военных действиях на стороне Германии в составе созданных гитлеровцами вооруженных формирований. По данным специалистов, бывшие советские военнопленные среди них составляли около 60 %, остальные являлись гражданскими лицами и эмигрантами. Порядок производства оперативно-следственных мероприятий в отношении гитлеровских пособников, служивших в вермахте, национальных легионах, «РОА» и др. неоднократно менялся. Согласно совместному распоряжению НКВД и НКГБ СССР от 11 октября 1943 г. рядовые участники оккупационных органов и формирований вермахта из числа советских граждан призывного возраста (включая бывших военнослужащих РККА), при отсутствии данных о конкретном участии в гитлеровских злодеяниях направлялись в ПФЛ НКВД СССР для фильтрации в порядке, установленном для лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев [11].

22 января 1946 г. нарком внутренних дел СССР С. Круглов издал приказ № 0075 «О передаче проверочно-фильтрационных лагерей ГУЛАГу и

расформировании лагерей НКВД СССР» [12]. В соответствии с постановлением ГКО № 9871с 1945 г. о направлении спецконтингентов («власовцев», лиц, служивших в немецкой армии, строевых формированиях, легионеров и полицейских) на расселение в северные районы страны на положении спецпереселенцев с закреплением в местах расселения на шесть лет нарком внутренних дел СССР С. Круглов приказал проверочно-фильтрационные лагеря НКВД со всеми наличными кадрами работников лагерей, охраны, хозяйством, помещениями, транспортом и имуществом передать в состав лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

Кроме того, вышеназванным приказом все проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР передавались соответствующим НКВД-УНКВД по территориальности. В связи с этим нарком НКВД БССР С.С. Бельченко 11 февраля 1946 г. издал приказ № 0020 «О передаче проверочно-фильтрационных пунктов НКВД СССР НКВД БССР», которым обязывал начальников УНКВД Гродненской и Брестской областей к 20 февраля 1946 г. принять Гродненский и Брестский проверочно-фильтрационные пункты. Указанным ПФП было предложено всю отчетность и документацию предоставлять начальникам УНКВД Гродненской и Брестской областей. Начальнику 1-го спецотдела майору Минаеву согласно пункту 8 приказа № 0075 поручалось дать соответствующие указания УНКВД и к 20 февраля организовать надлежащий учет репатриантов в НКВД БССР. Руководство работой ПФП возлагалось на заместителя наркома внутренних дел БССР полковника Карпова [13].

21 февраля 1946 г. появилась директива наркома внутренних дел БССР «Об организации учета репатриантов в НКВД-УНКВД БССР» [14], согласно которой начальник 1-го спецотдела НКВД БССР должен был организовать количественный учет репатриантов, проходящих фильтрацию в городских и районных фильтрационных комиссиях НКВД, а также в проверочно-фильтрационных пунктах, и своевременную высылку сведений о движении репатриантов в 1-й спецотдел НКВД БССР.

Следует отметить, что 30 апреля 1945 г. Совнаркомом БССР и ЦК КП (б)Б было принято постановление "О проведении опроса советских граждан, возвращающихся из немецкого рабства", обязывавшее секретарей обкомов и председателей облисполкомов немедленно развернуть работу по опросу репатриантов. Такие же обязанности были возложены на наркома госбезопасности БССР Л.Ф. Цанаву, наркома внутренних дел БССР С.С. Бельченко и прокурора БССР И.Д. Ветрова, которые должны были обеспечить активное участие своего областного и районного аппарата в опросе репатриантов. Материалы опроса необходимо было предоставить в Москву, в Чрезвычайную Государственную Комиссию, а копии – в республиканскую комиссию содействия в работе ЧГК [18].

Не ранее 23 июля 1945 г. нарком внутренних дел БССР С.С. Бельченко направил Председателю СНК БССР П.Н. Пономаренко докладную записку «О движении советских граждан, возвращающихся из Германии, через проверочно-

фильтрационные пункты НКВД БССР» [19]. В ней отмечалось, что с начала организации проверочно-фильтрационных пунктов на территории БССР – в IV квартале 1944 г. – и по состоянию на 23 июля 1945 г. поступило репатриантов 232628 чел., из них: было отправлено на родину – 215628 человек, в военкоматы – 8784 чел., в спецлагеря НКВД – 7456 человек. За период июнь-июль 1945 г. поступило 84302 чел.

По проверочно-фильтрационным пунктам поступило: Гродненский ПФП– 29684 чел., Волковысский ПФП – 24352 чел. и Брестский ПФП – 178592 чел. Из общего числа поступивших репатриантов жителей БССР возвратилось 48986 чел.

В процессе оперативно-чекистской работы из их числа было выявлено и привлечено к судебной ответственности 289 чел., среди которых 50 шпионов, 11 изменников Родине, 11 карателей и 216 «антисоветских элементов» [20].

Репатрианты, прошедшие проверку и направленные по месту жительства в БССР, поступали на областные приемно-распределительные пункты (ПРП), находившиеся в ведении местных органов власти. Областные приемно-распределительные, а на узловых станциях Орша и Лунинец – продовольственные пункты создавались исполкомами областных Советов депутатов трудящихся в соответствии с постановлением СНК БССР от 15 января 1945 г. Всего на территории республики было создано и действовало 12 ПРП: в Барановичской, Бобруйской, Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской, Молодечненской, Пинской, Полесской и Полоцкой областях. ПРП во всех областях в апреле-мае 1946 г. были ликвидированы.

1. Правда, 1990. 23 апреля.

2. Ибатуллин, Т.Г. Война и плен /Т.Г. Ибатуллин. – СПб., 1999. – С. 16.

3. Епифанов, А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. / А.Е. Епифанов // Монография.– Волгоград: ВА МВД России, 2005. – С. 92.

4. Белорусские остарбайтеры / Под ред. Г.Д. Кнатько. – Мн., 2001. – С. 173.

5. Полян, П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем Рейхе, и их репатриация /П.М. //Полян. – М., 1996. – С. 192.

6. Белорусские остарбайтеры / Под ред. Г.Д. Кнатько. – Мн., 2001. – С. 183.

7. Архив МВД Республики Беларусь, ф. 50, оп. 1, д. 17, л. 49, 50; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. часть первая. С. 29, 30.

8. Архив МВД Республики Беларусь, ф. 50, оп. 1, д. 17, л. 49, 50; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. часть первая. С. 29, 30.

9. Архив МВД РБ. Пр. НКВД СССР № 00474 от 14.05.1945; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 1. С. 164-166.

10. Архив МВД РБ. Пр. НКВД СССР № 00474 от 14.05.1945; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 1. С. 164-166.

11. Епифанов, А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1956 гг. / А.Е. Епифанов //Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2005. – С. 95-99.

12. Архив МВД РБ. Пр. НКВД СССР № 0075 от 22.01.1946. Типографский оттиск; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 1. С. 462 – 464.

13. Архив МВД РБ, ф. 50, оп. 1, д. 21, л. 33; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 1. С. 466, 467.

14. Архив МВД РБ, ф.50, оп.4, д.11, л.28; Белорусские остарбайтеры. КН. №. Ч. 2. С. 467.

15. Архив МВД РБ, ф.50, оп.4, д.11, л.28; Белорусские остарбайтеры. КН. №. Ч. 2. С. 467.

16. Архив МВД РБ. Пр. МВД СССР № 00252 от 30.03.1946. Типографский оттиск; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 2. С. 472, 473.

17. Архив МВД РБ. Пр. МВД СССР № 00252 от 30.03.1946. Типографский оттиск; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. 2. С. 472 481.

18. НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 149, л. 11; Белорусские остарбайтеры. Кн. 2. С. 367, 368.

19. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 311, л. 99, 100; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Часть первая. С. 223, 224.

20. НАРБ, ф. 4, оп. 29, д. 311, л. 99, 100; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Часть первая. С. 223, 224.

Г.Н. ЯКОВЛЕВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общеизвестны страшные цифры человеческих и материальных потерь, понесенные белорусским народом в годы Великой Отечественной войны. На 1 января 1945 г. население БССР насчитывало 6264,8 тыс. чел., т.е. почти на 3 млн. меньше, чем в 1941 г. Тяжелые бои 1941 г., трехлетний нацистский оккупационный режим, ожесточенные сражения 1944 г. по освобождению республики вызвали разрушительные последствия для экономики. Немецкие военные исполняли приказ Гитлера от 28.02.1943 г., предписывавший: «При эвакуации противнику не должны оставляться ценное и быстро восстанавливаемое оборудование, помещения и здания и т.д. – все подлежит сожжению или уничтожению. (...) Чем основательнее будут разрушения, тем больше будет затруднено продвижение врага». «(...) При эвакуации все мужчины в возрасте от 15 до 65 лет должны угоняться отступающими частями (...) При плановых крупных эвакуациях необходимо, если это возможно,

угонять основную массу гражданского населения, которую позже использовать в качестве рабочей силы» [Цит. по: 1].

Итоги исполнения этих приказов – фактически до основания разрушенные города востока и центра Беларуси, вывезенное из родных мест население, оставшееся без крова и средств существования.

Первые восстановительные работы начались в восточных районах республики осенью 1943 – зимой 1944 г. В условиях отсутствия электроэнергии, транспорта, оборудования для промышленных предприятий, дефицита строительных материалов приходилось полагаться на героические усилия населения, его смекалку и энтузиазм. Так, в 1944 г. в ведении городского хозяйства г. Орши имелась только одна грузовая машина (и та без горючего) и 13 лошадей, а течение года после освобождения города «...было получено только 20 метров стекла и 600 кг гвоздей, других материалов...не получено ни грамма» [2, с. 30]. 23 июля 1944 г. в городе был проведен первый послевоенный субботник. 22 октября был организован первый массовый выход трудящихся по восстановлению г. Полоцка [2, с. 52]. Расчищали от руин свой город и жители г. Минска. Повсеместным стал метод народной стройки, которым была восстановлена значительная часть экономики страны.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в Освейском, Россонском, Ушачском, Полоцком, Ветринском, Дриссенском районах Полоцкой области. «Ведя неоднократные экспедиции против партизан, немецкие захватчики жестоко расправлялись с мирным населением в партизанских районах, которые, спасая свою жизнь, уходили в лес к партизанам, бросая имущество, хлеб, одежду, скот, последнее сжигалось или увозилось немцами» [3, л. 51].

Из-за боевых действий здесь фактически не было посева озимых осенью 1944 г. и «...сева яровых весной 1945 г., т. к. не было семян, тягла, сельхозинвентаря». Проливные дожди усугубили положение, и к началу зимы население фактически голодало. В большинстве колхозов на трудодни не распределялись никакие продукты. Люди начали пухнуть от голода, дети терять сознание на уроках. Появилось «хождение по миру для добычи куска хлеба» [3, л. 267]. Началось массовое перемещение жителей восточных областей в Латвию, Литву, западные районы БССР. Руководство Освейского района сообщало в область, что «даже самые честные колхозники, честно проработав год, бригадиры колхозов, счетоводы, работники животноводческих ферм бросают работу и уходят в Латвию. Есть случаи ухода даже председателей колхозов» [3, л. 300]. Уходили батрачить в Латвию ученики 3-х – 4-х классов.

После разгрома нацистской Германии началась демобилизация значительной части Вооруженных Сил СССР, которая проходила в три этапа и завершилась в 1948 г. Только за сентябрь – октябрь 1945 г. в Гомельскую область прибыло 9150 демобилизованных, в Могилевскую – 9760, в Витебскую – 8327 демобилизованных. К 1 сентября 1946 г. в БССР прибыло 311798 демобилизованных солдат, сержантов и офицеров [4, с. 35–36]. В соответствии с

постановлениями Бюро ЦК КП(б)Б с осени 1945 г. по защите интересов демобилизованных воинов и семей военнослужащих, погибших на фронтах Отечественной войны, при СНК БССР создавалось Управление, а при областных, городских и районных исполкомах – отделы по государственному обеспечению и бытовому обслуживанию семей военнослужащих и партизан. Фронтовики должны были в первую очередь трудоустраиваться, получать жилье, материальную помощь и т.д. И хотя местные органы власти пытались решать вопросы с жильем, с обеспечением продуктами питания и промтоварами, с оказанием помощи в обработке земли, выделением кормов и семян хозяйствам демобилизованных воинов, семьям погибших фронтовиков, но тяжелейшее положение в стране, повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли решить все проблемы нуждающихся в поддержке. В 1945–1946 гг. тысячи фронтовиков продолжали жить в землянках, многие не имели работы, нуждались в самом необходимом.

Страшным последствием войны стало возрождение таких социальных явлений, как нищенство и беспризорность, существовавших в памятные 1920-е гг. До начала 1950-х гг. в поездах, на вокзалах и рынках можно было встретить просящих милостыню покалеченных на войне бывших фронтовиков. В народе по характеру увечья их называли «костылями», «обрубками», «тачками», «печеными» [5, с. 105]. Мизерная пенсия, нехватка домов инвалидов или тяжелые условия существования в них толкали людей к попрошайничеству. Конечно, масштаб нищенства в 1940-е гг. ни шел ни в какое сравнение с уровнем 1920-х гг., но наличие самого явления характеризовало уровень экономических и социальных потрясений, которые вызвала война. К тому же, не всегда чиновники на местах, руководители предприятий добросовестно выполняли свои обязанности по отношению к инвалидам. Наблюдались случаи нежелания брать их на работу и т.д.

Массовое сиротство, а как следствие – бродяжничество и беспризорность, тоже страшные последствия военных лет. Первые шаги по социальной защите детей-сирот были предприняты в 1943 г. Уже 12 октября было принято специальное постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», а к концу 1945 г. в республике были открыты 252 детских дома, в которых находилось 27 тыс. детей [6, с. 101–102].

Проблемами детей занимались государственные и общественные организации (комсомол, Красный Крест, профсоюзы). Так, одной из задач созданных в западных областях БССР (по примеру 1920-х гг.) при райкомах, обкомах, горкомах КП(б)Б отделов по работе среди женщин стало оказание помощи детям-сиротам, матерям-героиням, матерям-одиночкам. Они контролировали работу детдомов, собирали одежду и продукты питания, проверяли условия жизни детей на патронате и т.д. С 1950 г. количество детей-сирот в детдомах стало сокращаться.

В западных районах БССР определенная часть населения не смирилась с включением этих территорий в состав СССР, не приняла советскую власть и

преобразования на социалистический лад. Здесь наблюдались такие явления как дезертирство и нежелание идти в Красную Армию, имелись банды, которые действовали против местных органов, нападая на сельсоветы, грабя и убивая представителей власти, учителей школ, простых крестьян. В информационной записке за осенние месяцы 1944 г. сообщалось, что в западных районах Полоцкой области было совершено 50 бандитских нападений на работников партийных и советских органов, местных активистов и сельские учреждения. Всего за три месяца был убит 31 работник и ранено три. Еще 17 бандитских нападений без жертв совершено на сельсоветы, квартиры активистов, председателей колхозов и т.д. [3, л. 2]. В Витебской и Полоцких областях стали создаваться истребительные батальоны при районных отделениях НКВД. Однако их усилий оказалось недостаточно.

Всплеск антисоветского движения в западных районах Беларуси стал поводом к разработке и осуществлению органами госбезопасности и внутренних дел специального плана проведения агентурно-оперативных мероприятий. Основным методом борьбы против подпольных вооруженных формирований стала чекистско-войсковая операция. В декабре 1944 г. в республику был откомандирован из НКВД Кобулов с группой ответственных работников для оказания помощи и контроля за ходом борьбы с вооруженными противниками советской власти. Только к концу 1944 г. в БССР было вскрыто и ликвидировано 288 антисоветских польских и белорусских организаций [7]. В республику было также направлено 13 полков НКВД общей численностью 18890 чел.

В связи с изменением границ Беларуси и Польши в сентябре 1944 г. правительство БССР и Польский комитет национального освобождения заключили соглашение, которое регулировало вопросы взаимного переселения населения. Эвакуация населения проходила довольно сложно как на территории Польши, так и БССР. Антисоветская агитация, террористические акты в Польше влияли на белорусское, украинское, русское население. Так же сюда доходили сведения о тяжелом положении, которое сохранялось в БССР из-за последствий войны. Не хотело выезжать в Беларусь и зажиточное белорусское население.

Сопровождалось трудностями и добровольное переселение польского населения из Беларуси, главным образом, из Гродненской, Молодечненской, а также Полоцкой областей. К 20 февраля 1946 г. в Польшу выехало 144075 чел. (48204 хозяйства), а в Беларусь вернулось 31156 чел. (9025 хозяйств) [4, с. 41, 40].

Власти БССР на местах считали, что часто в соседнюю страну хотели уехать не поляки, а те, кто имел проблемы с законом, репрессированные советской властью, дезертиры, те, кто служил у немцев. «Многие записывались и подавали заявление для переселения в Польшу с тем, чтобы не платить денежных и натуральных налогов, не быть мобилизованными для работ в промышленности и на строительство, а также уклониться от мобилизации в Красную Армию» [3, л. 84]. Попытки ограничить выезд в Польшу вызывали

протесты, жалобы, стихийные выступления. Так в Браславском районе в мае 1945 г. вывешивались самодельные польские флаги с антисоветскими лозунгами. В одной деревне группа женщин в 100 человек пела «польский реакционный гимн», а ксендз г. Браслава призывал верующих сплотиться вокруг польского знамени и иметь в виду, что «мы живем временно под властью этих безбожников» [3, л. 84, 86, 92]. Несогласие с невозможностью выехать в Польшу фиксировалось и на бюллетенях при выборах в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г.

Летом 1945 г. в связи с первой годовщиной освобождения БССР от немецких захватчиков началась кампания по подписанию письма Сталину. В Полоцкой области было проведено более 4000 собраний и бесед, письмо подписало 187156 чел. Большая часть жителей республики была солидарна с бывшим командиром партизанского отряда Киселевым, который сказал: «Мы подписываем письмо тому, кому мы обязаны всем, что у нас есть – жизнью, счастьем и свободой» [3, л. 145]. У большей части общества победа в войне неразрывно ассоциировалась со Сталиным.

Сложнее ситуация складывалась на западе республики, в том числе в западных районах Полоцкой области. Здесь наблюдались случаи убийства тех, кто подписал письмо Сталину [3, л. 145], распространялись слухи о том, что подписание письма является обманом, так как на самом деле это либо запись в колхозы, либо «голосование за то, чтобы районы остались в Советах, а не отошли к Польше». Часть крестьян отказывалась приходить на собрания и подписывать письмо.

Повсеместно были распространены антиколхозные настроения. В Голубовском сельсовете Дриссенского района репатриированная говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии» [3, л. 234]. Демобилизованные из Красной Армии вели разговоры о том, что колхозы – это временное явление, они будут скоро распущены на некоторое время, а потом вновь будут создаваться, но уже по другому принципу [3, л. 233]. Дриссенскому райкому КП(б)Б в эти населенные пункты пришлось послать лучших агитаторов для проведения разъяснительной работы. Крестьянка Браславского района выразила мнение о советской власти той части белорусского крестьянства, которое подвергалось раскулачиванию. «Сталин и Советы кушают корки от хлеба, в Советах умирают с голоду, мою семью уморили в Сибири. Что ж благодарить товарища Сталина, послать ему палку, а не благодарность, поджечь бензином и уничтожить вас всех и Советы» [3, л. 148].

В феврале 1946 г. должно было состояться первое значительное политическое событие в жизни области после окончания Великой Отечественной войны – выборы в Верховный Совет СССР. Подготовка к выборам началась заранее, широко освещалась в печати и потребовала значительных усилий со стороны партийных и государственных органов. Осенью 1945 г. начались мероприятия по выдвижению кандидатов в депутаты и организации выборов. На официальных собраниях люди в своих выступлениях

высказывали одобрение политике партии, поддерживали выдвинутых кандидатов.

На предвыборных собраниях, лекциях, во время встреч с агитаторами жители области задавали вопросы по интересующим их проблемам. Эти вопросы разделяются на две тематические группы: во-первых, об избирательных правах лиц, чей гражданский статус был не ясен, во-вторых, о правовых аспектах самих выборов. Население задавало следующие вопросы: «будут ли голосовать изменники и предатели Родины, будут ли принимать участие в выборах в Верховный Совет дезертиры Красной Армии, прятавшиеся в лесу, а ныне проживающие по своим семьям, нужно ли включать в списки избирателей лиц польской национальности, проживающих в западных районах области, записавшихся для выезда в Польшу, но не оформивших документы». Просили разъяснить, что означают прямые выборы, почему кандидаты в депутаты Верховного Совета выдвигаются с 23-летнего, а не 18-летнего возраста [3, л. 221, 234].

В деревне Липовке Докшицкого района одна крестьянка в своём выступлении сказала: «Проклятые фашисты население нашей деревни загнали в д. Засулье Плисского р-на. Поместили нас в сарай, обложили соломой и обставили пулеметами, намерившись всех уничтожить. За день мучений молодёжь от страха и горя поседела, только молниеносное наступление Красной Армии сохранило нам жизнь». И призвала не допускать к голосованию тех, кто «помогал немцам терзать наш народ» [3, л. 234]. Патриотические настроения отражены, в частности, в высказывании крестьянки Плисского р-на: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [3, л. 79].

В западных областях республики одни благодарили Сталина за полученную землю, избавление от голода, за возможность для детей получить образование, а самим голосовать на выборах. Другие писали на бюллетенях в ходе выборов: «Плохо жить без хлеба», «Долой колхозы, спасите нас от них» [8, л. 81].

Таким образом, на исходе Великой Отечественной войны и после ее окончания наблюдался патриотический и трудовой подъем. Уже в 1946 г. были восстановлены и заработали более 6 тыс. предприятий. Наиболее высокими темпами шло восстановление машиностроительной и металлообрабатывающей отраслей. К концу 1945 г. было восстановлено движение на всех участках железной дороги. Предпринимались усилия по строительству жилья, восстановлению школ и культурно-просветительных учреждений. Однако тяжелая ситуация сохранялась в сельском хозяйстве, были сделаны только первые шаги по преодолению тяжелых последствий войны. В эти годы в массовом сознании преобладал государственный патриотизм, ибо система ценностей советского строя разделялась большинством населения страны [9]. Население БССР в целом понимало необходимость значительного напряжения сил для преодоления последствий войны, однако в западных районах сохранялись значительные протестные настроения.

1. Неман. – 1993. – № 5. – С. 158.

2. Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / М.В. Пищуленок (гл. ред.) и др. – Витебск, 2009. – 91 с.

3. Государственный архив Витебской области. Ф. 10060-п. Оп. 1. Д. 21.

4. Марчанка, І.Я. Беларусь ва ўмовах пераходу ад вайны да мірнага развіцця (1945–1946) / І.Я. Марчанка // Весці АН Беларусі. Сер. гуман. навук. – 1997. – № 1. – С. 33–44.

5. Зубкова, Е.Ю. На "краю" советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940 – 1980-е годы / Е.Ю. Зубкова // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 101 – 118.

6. Котаў, А.І. Сістэма сацыяльнай абароны дзяцей-сірот у гады пасляваеннага адраджэння / А.І. Котаў // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2001. – № 4. – С. 99 – 108.

7. Сорокина, О. Национальный вопрос на исходе второй мировой войны и в послевоенный период (1944-1950) / О. Сорокина // История. – 2000. – №. 42.– С. 13.

8. Государственный архив Витебской области. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 121.

9. Великая Отечественная война. 1941-1945 // Военно-исторические очерки: В 4 кн. Кн. 4. Народ и война. – М., 1999. – С. 11.

Сведения об авторах

Бездзель Вераніка Яўгенаўна, аспірант кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага універсітэта імя П.М. Машэрава.

Бязлепкін Яраслаў Пятровіч, малодшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Ващаева Татьяна Николаевна, начальник управления воспитательной работы с молодежью Белорусского государственного аграрного технического университета.

Гребень Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета.

Докунова Елена Николаевна, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Дулаў Анатоль Мікалаевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага універсітэта імя П.М. Машэрава.

Иоффе Эмануил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Кацуро Ксения Илларионовна, курсант Академии МВД Республики Беларусь.

Кирей Никита Дмитриевич, курсант Академии МВД Республики Беларусь.

Козел Дмитрий Антонович, старший преподаватель военной кафедры Белорусского национального технического университета.

Корсак Алеся Іосіфаўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры айчыннай і ўсеагульнай гісторыі Полацкага дзяржаўнага універсітэта.

Коршук Уладзімір Канстанцінавіч, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага універсітэта.

Кубека Сяргей Паўлавіч, старшы выкладчык кафедры гісторыі і беларусазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага універсітэта.

Куксёнок Руслан Владимирович, студент исторического факультета Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Максимчик Андрей Николаевич, младший научный сотрудник Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Масюк Вадзім Іванавіч, курсант Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь.

Матох Василий Михайлович, ведущий научный сотрудник Государственного архива Минской области.

Мороз Владимир Петрович, младший научный сотрудник Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Линкин И.А., первый заместитель председателя правления МООС РГОО «БО «Знание».

Литвин Алексей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси.

Нікалаева Ірына Уладзіміраўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага універсітэта імя П.М. Машэрава.

Новікаў Сяргей Яўгенавіч, загадчык кафедры гісторыі і беларусазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага універсітэта.

Саблин Иван Васильевич, профессор кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь.

Савіцкі Глеб Уладзіміравіч, дырэктар УК "Віцебскі абласны краязнаўчы музей".

Сервачинский Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета.

Смоляк Степан Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета.

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор Брестского государственного технического университета.

Тимонова Александра Владимировна, аспирант отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси.

Тукала Сяргей Мікалаевіч, выкладчык кафедры гісторыі, сусветнай і айчыннай культуры Беларускага нацыянальнага тэхнічнага універсітэта.

Тупикин Вадим Анатольевич, курсант Академии МВД Республики Беларусь.

Фролова Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Белорусского государственного аграрного технического университета.

Храменкова Лариса Михайловна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Белорусского государственного аграрного технического университета.

Шарков Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь.

Шафоростова Яна Александровна, курсант Академии МВД Республики Беларусь.

Шмелев Игорь Анатольевич, курсант Академии МВД Республики Беларусь.

Яковлева Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Научное издание

ВКЛАД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Материалы республиканской научно-практической конференции

(Минск, 27 ноября 2009 года)

Издано в редакции авторов

Ответственный за выпуск Е.А. Гребень

Оформление и дизайн обложки А.С.Кондры
Корректор Г.В. Анисимова

Подписано в печать 01.02.2010 г. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 9,64. Тираж 120 экз. Заказ 82.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»
ЛИ №02330/0131734 от 10.02.2006.
ЛП №02330/0131656 от 02.02.2006.
Пр-т Независимости, 99-2, 220023, Минск.